

IN THE COMPANY OF KILLERS

KILLING SARAI

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR OF THE EDGE OF NEVER

J. A. REDMERSKI

Сэрай было лишь четырнадцать, когда ее мать выгнала ее, чтобы жить в Мексике с печально известным наркобароном. Со временем она забыла, что значит жить нормальной жизнью, но она никогда не оставляла надежд сбежать из особняка, где ее удерживали на протяжении девяти лет. Виктор – хладнокровный убийца, который, как Сэрай, знал только смерть и жестокость со времен, когда был маленьким мальчиком. Когда Виктор приезжает в особняк, чтобы получить детали и оплату за заказное убийство, Сарай видит его лишь как возможность сбежать. Но все идет не по плану, и вместо того, чтобы найти транспорт до Таксона, она обнаруживает себя свободной от одного опасного мужчины и пойманной в лапы другого. В бегах Виктор отторгает свою обычную натуру, когда поддается зову совести и принимает решение помочь Сэрай. В то время как они становятся ближе, он обнаруживает в себе желание рискнуть всем, чтобы помочь ей остаться в живых; даже его отношения с любовницей и его преданным братом, Никласом, который теперь, как и все остальные, желает Сэрай смерти. Пока Виктор и Сэрай постепенно выстраивают доверительные отношения, различия между ними уменьшаются, и малообещающее влечение усиливается. Это их история...

Глава 1

Где—то в Мексике

Прошло девять лет с тех пор, как я видела здесь последнего американца. Девять лет. Я начинаю думать, что Хавьер убил их всех.

— Кто он?— моя единственная подруга Лидия, спросив, стремиться хорошо рассмотреть. — Откуда ты знаешь, что он американец?

Я прижимаю указательный палец к своим губам, и Лидия говорит тише, мы обе прекрасно знаем, что Хавьер и его ужасная сестра могут слышать нас и наказать за подслушивание. Всегда подозрительны. Всегда и все ожидают с опаской и оружием. Такова жизнь, наполненная наркотиками, убийствами и торговлей людьми.

Всматриваясь в дверную щель, я сосредотачиваюсь на худощавом бледном мужчине, который смотрит так, что может показаться, будто он родился с неспособностью улыбаться.

— Я не знаю, — шепчу я нежно. — Я могу просто сказать.

Лидия косит глаза, как будто это может помочь ей лучше слышать. Я чувствую тепло от её дыхания, от которого в горле теплеет, когда она прижимается сильнее ко мне. Мы следим за мужчиной в тени малюсенькой комнаты, которую мы делим с тех пор, как они привезли её сюда год назад. Одна дверь. Одно окно. Одна кровать. Четыре тусклые стены и книжная полка с несколькими книгами на английском, которые я прочитала больше раз, чем могу сосчитать. Но мы не взаперти и никогда не были. Хавьер знает, что если бы мы даже попытались сбежать, то не ушли бы далеко. Я даже не знаю, где именно в Мексике я нахожусь. Но я знаю, что как бы то ни было для молодой женщины вроде меня тяжело найти путь обратно в США одной. Во второй раз выхожу из этой двери, спускаюсь вниз по пыльной дороге, в темноте и одиночестве, и во второй раз я выбираю суицид, как свой путь.

Американец, одетый в черное длинное пальто поверх черной одежды, сидит на деревянном стуле в гостиной, его осанка ровная, а его взгляд умело следит за каждым движением в комнате. Но, кажется, никто, кроме меня, не заметил этого. Что-то мне подсказывает, что, несмотря на то, что я и Лидия полностью скрылись в нашем номере в

темном коридоре, который едва позволяет нам увидеть гостиную, этот человек знает, что мы наблюдаем.

Он знает всё, что творится рядом с ним: один из людей Хавьера стоит в тени противоположного холла со своим пистолетом, спрятанный, но наготове. Шесть человек стоят в ожидании снаружи на крыльце. Двое мужчин прямо позади него приклеены к автоматам в своих руках.

Эти двое следили за американцем, но, думаю, американец, хотя и не стоит перед ними, понимает о них больше, чем они считают. Также есть более очевидные люди в комнате: Хавьер, опасный мексиканский наркобарон, который сидит прямо перед американцем.

Улыбающийся, самоуверенный и совершенно бесстрашный. Еще здесь находится сестра Хавьера, одетая в обычное черное платье, настолько короткое, что ей даже не нужно наклоняться, чтобы каждый, кто находится в комнате, увидел, что на ней нет трусов. Она хочет американца. На самом деле, она хочет любого, кто сможет ее отыметь. Но этот американец... это что-то большее, чем просто желание, когда она приходит к нему. И американец также знает это.

— Я согласился встретиться с вами, только потому, — говорит американец на испанском, — что был уверен, вы не потратите мое время впустую.

Он бросает взгляд на сестру Хавьера. Она облизывает губы. Американец остался невозмутимым.

— Я буду вести дела только с вами. Избавьтесь от шлюхи или нам больше не о чем разговаривать. Равнодушное выражение не сходило с его лица ни на минуту.

Сестра Хавьера Изель выглядит так, как будто ей дали пощечину. Она начала говорить, но Хавьер остановил ее своим взглядом и резким движением головы указал ей на выход. Она сделала, как ей было сказано, но как всегда это сопровождалось длинной чередой ругательств, которые не стихли, пока она не дошла до парадной двери.

Хавьер ухмыльнулся американцу и поднес чашку с кофе к губам. Он сделал маленький глоток и сказал:

— Мое предложение — три миллиона, американец.

Он поставил чашку на стол, который разделял их и откинулся на кресле, закинув ногу на ногу. — Правильно ли я понимаю, что ваше предложение было два миллиона?

Хавьер сдвинул подбородок в сторону, всматриваясь в американца и пытаясь угадать его реакцию на столь щедрое предложение.

Американец не отвечает.

— Я до сих пор не могу понять, как ты можешь разобрать то, о чем они говорят, — Лидия тихо шепчет.

Я пытаюсь утихомирить ее, чтобы я смогла услышать все, о чем говорит Хавьер и американец, но я не могу.

— Поживи так же долго, как и я среди испанцев, и ты научишься понимать их. — Сказала я, не спуская с них глаз. — Со временем ты выучишь язык так же хорошо, как и я.

Я чувствую, как Лидия напрягается. Она хочет вернуться домой также сильно, как и я, когда меня привезли сюда в 14 лет. Но она знает также хорошо, как и я, что она останется здесь навсегда и осознание жестокой реальности заставляет ее притихнуть.

— Такой человек, как вы, предлагает больше обычной расценки только по одной причине — держать меня под контролем, — произносит американец. Он выдыхает в раздражении и откидывается на стуле, его руки соскальзывают с колен. — Либо так, либо вы

загнаны в угол, а это наводит на мысль, что жертва, которую вы хотите заказать мне, готова заплатить больше за то, чтобы я убил вас.

Самоуверенная ухмылка Хавьера сползает с лица. Он с трудом сглатывает и неуклюже выпрямляет спину, но пытается сохранить некоторую уверенность в этой ситуации. Он понятия не имеет, не поэтому ли сейчас американец здесь.

— Причины моего поступка не столь важны, — говорит Хавьер.

Он делает еще один глубокий глоток из кружки, чтобы скрыть свой дискомфорт.

— Ты прав, — спокойно говорит американец. — Важно лишь то, что ты скажешь Гильермо опустить вниз пистолет, направленный на меня, и, если он это не сделает через три секунды, то он будет мертв.

Хавьер и один из мужчин, стоящих за американцем закрывают глаза. Но три секунды пролетают слишком быстро, и я слышу звук выстрела и хлопок! Брызги крови попадают на другого мужчину, стоящего рядом с ним. «Гильермо» падает замертво. Кажется, никто, даже я, не знают, как американец умудрился выстрелить. Он даже не шевельнулся. Мужчина, стоящий рядом с убитым, замирает на месте, его черные глаза широко распахнуты под жирными черными волосами. Хавьер поджимает губы и снова сглатывает, ему с трудом удается скрыть свою нервозность. Его люди численно превосходят американца, но ясно, что Хавьер не хочет убивать его. Не сейчас. Он поднимает руку ладонью вверх, приказывая остальным опустить оружие.

Американец вытащил руку из внутреннего кармана и положил пистолет на колени, чтобы все его видели. Его пальцы находятся на спусковом крючке. Хавьер бросает взгляд вниз, нервно поглядывая на ружье один раз.

Лидия вонзает свои ногти мне в ребра. Я осторожно дотягиваюсь и убираю ее руки, чувствуя, как ее тело расслабляется только сейчас, когда она осознает свои действия. Она часто дышит. Я обхватываю ее плечи своей рукой и прижимаю к своей груди. Она не привыкла видеть, как умирают люди. Пока еще нет. Но когда-нибудь привыкнет. Положив руку ей на голову, я прижимаюсь губами к ее волосам, чтобы успокоить ее.

Сделав знак двумя пальцами, Хавьер приказывает: “Приберите тут”, — другому человеку с оружием, стоящему за американцем. Тот, кажется, рад выполнить указание, не желая разделить участь своего товарища. Присутствующие в комнате во все глаза следят за американцем. Не то чтобы они не следили раньше, но сейчас они стали намного внимательнее и настороженнее.

— Вы убедили меня, — произносит Хавьер

— Я не пытался вас убедить, — поправляет его американец.

Хавьер кивает в знак согласия.

— Три миллиона американских долларов, — Хавьер говорит. — Вы принимаете мое предложение?

Очевидно, что американец не только сбил с Хавьера спесь. Может, Хавьер и не побежит в страхе и не забьется в угол, но ясно, что его поставили на место. А это не так просто сделать. Я волнуюсь, что Хавьер сможет отомстить, пока у него есть возможность. Это беспокоит меня, потому что мне нужен этот американец, чтобы выбраться отсюда.

— Что они говорят? — спрашивает Лидия, разочарованная тем, что пройдет много времени, прежде чем она сможет понимать все, о чем они разговаривают здесь.

Я не отвечаю, но я сжимаю ее плечо, как бы говоря, чтобы она заткнулась.

— Три с половиной - это моя цена, — говорит американец.

Лицо Хавьера тускнеет и, что-то мне подсказывает, что, если было бы возможно, то с его ноздрей пошел бы пар. Он не привык, что ему перечат.

— Но вы сказали...

— Цены пошли вверх,— говорит американец, мягко постукивая пистолетом по его черным брюкам. Это все, что он сказал, в качестве объяснения и большего не надо. Кажется, Хавьер и так уже согласен.

Хавьер кивает.

— Да. Да. Три с половиной миллиона. Вы можете это сделать в течение одной недели?

Американец встает, его длинное черное пальто ниспадает вдоль тела. Он высокий, устрашающего вида мужчина. Его короткие волосы темно-русого цвета, стриженные под ноль сзади и чуть длиннее наверху, имеют взъерошенный вид.

Я тащу Лидию прочь от двери и закрываю ее.

— Что ты делаешь?— спрашивает она, в то время как я кидаюсь к покосившемуся комоду, в котором хранятся наши с ней вещи.

— Мы уходим,— я говорю и одновременно, засовываю все, что попадается вовнутрь наволочки. — Бери свои туфли.

— Что?

— Лидия, у нас нет на это времени. Просто возьми свои туфли. Мы может уйти отсюда вместе с американцем.

Я заполняю наволочку наполовину и бросаюсь на помощь к ней, так как она не совсем понимает что происходит. Я хватаю ее за руку и толкаю на кровать.

— Я помогу тебе,— я говорю и встаю на колени перед ней и начинаю засовывать ее ногу в туфлю.

Но она останавливает меня.

— Нет... Сэрай, я не могу уйти.

Я тяжело вздыхаю. У нас нет времени на это, но мне нужно убедить ее уйти со мной. Я смотрю ей в глаза.

— Мы будем в безопасности. Мы можем выбраться отсюда. Лидия, он первый американец, которого я увидела за долгие годы. Он наш единственный шанс.

— Он убийца.

— Ты и сейчас находишься в окружении убийц. А теперь пошли!

— Нет! Я боюсь!

Я встаю с колен и прижимаю руку к ее рту.

— Ш-ш-ш! Лидия, пожалуйста, сделай так, как я говорю...

Она кладет свои пальцы на мои и убирает мою руку от ее губ.

Слезы ручьем начинают течь из ее глаз, и она быстро качает головой.

— Я не пойду. Нас поймают - Хавьер будет бить нас. Или еще хуже его сестра Изель будет мучить нас, а потом убьет. Я останусь здесь.

Я знаю, что не могу изменить ее решение. Это выражение в глазах. По нему можно определить, что она сломлена и вероятно, сломлена навсегда. Я кладу руки ей на плечи и смотрю на нее.

— Ложись под одеяло и притворись, что спишь,— говорю я. — Оставайся здесь пока кто-нибудь не зайдет и не найдет тебя. Если они выяснят, что ты знала о моем побеге и никому не сообщила, они убьют тебя.

Лидия нервно кивает.

— Я вернусь за тобой,— я трясу ее за плечи, надеясь, что она поверит мне. — Я обещаю. Когда пересечу границу, я сразу же пойду в полицию.

— Но как ты найдешь меня?

Слезы приглушают ее голос.

— Я не знаю, — признаюсь я. — Но американец должен знать. Он поможет мне.

Этот взгляд, он лишен надежды. Она ни на секунду не верит, что этот безумный план сработает. Девять лет назад я бы тоже не поверила, но отчаянье творит с людьми странные вещи. Лицо Лидии застывает и рукой смахивает слезы с глаз. Как будто она знает, что видит меня в последний раз.

Я целую ее в лоб.

— Я вернусь за тобою.

Она медленно кивает и я пробираюсь по комнате с наволочкой на спине.

— Ложись под одеяло,— шепчу я, в то время как открываю окно.

Как только Лидия прячется под одеяло, я вылезаю из окна в приятное октябрьское тепло. Позади дома, я, низко пригнувшись, огибаю угол дома и пролезаю через дыру в заборе, окружающем южную сторону лагеря. У Хавьера везде вооруженные люди. Я всегда считала, что столько охранников на территории лагеря совершенно ни к чему, потому что отсюда крайне редко кто пытается бежать. В основном все охранники стоят то тут, то там, разговаривают, курят и показывают неприличные жесты другим девочкам, которых держат здесь в рабстве. Один из них, тот самый, что пытался изнасиловать меня шесть недель назад, стоит у дверей оружейного склада. Хавьер не убил его только потому, что он его брат.

Брат он или не брат, но теперь он евнух¹.

Пробираясь сквозь небольшие здания, я добираюсь до деревьев и останавливаюсь в тени, отбрасываемой ближайшим домом. Стоя прямо, я прижимаюсь спиной к оштукатуренной стене, затем осторожно заворачиваю за угол к фасаду, где у передних ворот начинается трехметровый забор с колючей проволокой. Приезжающие вынуждены всегда парковать свои машины за забором, откуда их пешком сопровождают в лагерь.

Для американца не сделали исключение. Я в этом уверена. Надеюсь.

Большая полоса света с поста освещает пространство между мной и воротами, до которых мне нужно добраться. Там стоит всего один охранник, но он молод и я думаю, что справлюсь с ним. У меня была уйма времени подготовиться. Все годы моей подростковой жизни. В прошлом году я украла пистолет из комнаты Изель и с тех пор хранила его под дощечкой пола в нашей с Лиз комнате. В ту секунду как я увидела входящего в дом американца, я вытащила дощечку, достала пистолет и заткнула в шорты за спину. Я знала, что сегодня ночью он мне понадобится.

Я делаю глубокий вдох и срываюсь в полосу света, не таясь, надеясь, что меня никто не заметит. Я бегу со всех ног с тюком за спиной, пистолет так сильно сжат в руке, что болят косточки пальцев. Я добегаю до забора и с облегчением выдыхаю, когда обнаруживаю тень, в которой можно спрятаться. Вдалеке от дома, откуда я только что убежала, двигаются тени. У меня болит живот, меня могло бы вывернуть, если б я не знала, что мне предстоит быстро решить более насущные проблемы.

Сердце колотится о ребра. Впереди, за воротами я замечаю охранника и прислоняюсь к дереву. Янтарный огонек сигареты освещает его медно-красное лицо и затем угасает в тот момент, как он вынимает изо рта фильтр.

По очертанию его автомата можно судить, что он висит у него на плече. К счастью, он

не держит его наготове. Я быстро иду вдоль забора, стараясь держаться в тени, отбрасываемой деревьями по другую сторону забора. Мои поношенные шлепанцы совершенно бесшумны при ходьбе по песку. Охранник так близко ко мне, что я чувствую вонь его тела и вижу блеск жира в его невымытых волосах.

Я подкрадываюсь ближе, надеясь, что движение не привлечет его внимание. Сейчас я прямо за ним и могу описаться от страха. Мои ноги трясутся, и горло сдавило так, что я почти не могу дышать. Осторожно и быстро я замахиваюсь пистолетом и бью его рукояткой по голове как можно сильнее. Громкий удар! И у меня скручивает живот. Он без сознания падает, и горящая сигарета приземляется рядом с его коленями. Я хватаю его оружие, практически вырываю из рук, из-под тяжелого тела, затем я срываюсь с места в приоткрытые ворота, за пределы лагеря.

Как я и надеялась, здесь только одна машина: блестящий черный автомобиль. На несколько миль вокруг нет ничего более неуместного, чем эта машина. Где ничего нет кроме трещин и грязи. Это дорогая городская машина с блестящими дисками и наворотами.

Еще одна преграда. Увидев машину, уверенности в том, что американец оставил двери незапертыми поубавилось. Конечно же, не в этих краях. Я хватаюсь за ручку задней дверцы и перестаю дышать. Дверь открывается. У меня нет времени выдохнуть от облегчения, когда слышу голоса, доносящиеся со стороны главных ворот, краем глаз улавливаю движение тени. Я сползаю на пол и быстро закрываю дверь, до того как подошедшие оказываются так близко, что их слышно в закрытой машине.

О нет, подсветка на потолке.

Я стискиваю зубы, глядя как свет угасает надо мной, так медленно, так мучительно долго, пока он, наконец, не погас совсем, оставив меня в темноте. После того как я запихала тюк из наволочки под водительское сиденье, я пытаюсь спрятать украденную винтовку за сиденье рядом с дверью. Теперь у меня есть время вжаться своим маленьким телом как можно дальше в пол. Я крепко обхватываю руками колени, прижав их к груди и согнувшись в спине, принимаю неудобную позу.

Голоса затихают и все, что остается, так это пара ног, стремительно приближающаяся к автомобилю. Багажник открывается и спустя несколько минут закрывается.

Я сдерживаю дыхание, когда открывается водительская дверь и вспыхивает верхняя подсветка. Американец закрывает за собой дверь, я чувствую, как покачивается машина, пока он устраивается на переднем сиденье. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Наконец свет гаснет. Я слышу, как он вставляет ключ в зажигание, и мотор начинает урчать.

Почему мы не движемся? Почему мы остались здесь? Может быть, он читает что-нибудь.

И затем он громко говорит по-испански.

— Какао-масленный лосьон. Теплое дыхание. И запах пота.

У моего мозга занимает целую минуту, чтобы понять смысл его странных слов и что он обращается ко мне.

Я быстро поднимаюсь с сидения и прижимаю дуло пистолета к его голове.

— Езжай,— я говорю на английском, мои руки трясутся, держа пистолет на месте. Я никогда никого не убивала и не собираюсь. Но если понадобится, я это сделаю.

Американец медленно поднимает руки. Блеск его массивных серебряных часов привлекает мое внимание, но я не позволяю себе отвлечься. Не говоря ни слова, он кладет одну руку на руль, а другую на коробку передач, и машина приходит в движение.

— Ты американка, — говорит он спокойно, но я улавливаю малейшую долю заинтересованности в его голосе.

— Да, я американка, а теперь, пожалуйста, езжай.

Продолжая держать нацеленный ему в голову, пистолет, я передвигаюсь на заднее сиденье, так чтобы тот оказался вне его досягаемости. Я ловлю его мимолетный взгляд на себе через зеркало заднего вида, но в машине с одной лишь включенной подсветкой на передней панели так темно, что я вижу только, как его глаза быстро пробегаются по мне.

Наконец, машина едет вперед и его руки перемещаются на руль. Он спокоен и осторожен, но у меня ощущение, что ни я, ни то, что я могу выкинуть, несколько его не волнует. Это пугает меня. Думаю, было бы лучше, если бы он просил меня о пощаде, заикаясь от страха и обещая золотые горы. Тогда в доме и даже когда он пустил пулю в лоб вооруженному человеку, которого он так по-простому называл Гильермо, он казался таким же опасным и равнодушным, как и сейчас.

Глава 2

Мы едем двадцать восемь минут. Я смотрю на часы на приборной доске, светящиеся синие цифры уже начинают прожигать мое сознание. Американец не сказал ни слова. Ни одного слова. Я знаю, мне нечего бояться. Ведь пистолет у меня, но боюсь именно я. И я не понимаю, почему он не говорит. Может быть, если бы он включил радио, тишина бы так меня не убивала. Я пытаюсь не спускать с него глаз, в то же время стараюсь понять, где мы находимся. Но пока единственное что попало на пути это деревья, случайный гипсовый домик и ветхое здание - все выглядит также как в лагере.

Тридцать две минуты и я осознаю, что в какой-то момент опустила пистолет. Мой палец до сих пор находится на спусковом крючке, и я готова нажать на него, если потребуется. Но я была такой глупой, когда думала, что смогу удерживать его больше чем пару минут.

Я не знаю, что я буду делать, когда устану. К счастью адреналин, кипящий во мне, не позволял мне это сделать.

— Как тебя зовут?— спрашиваю я, надеясь прервать молчание.

Мне нужно заставить его доверять мне, если я хочу, чтобы он помог мне.

— Неважно, какое у меня имя.

— Почему?

Он не отвечает.

Я глотаю комок в горле, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Меня зовут Сэрай.

До сих пор нет ответа.

Это что-то вроде пытки, то, как он игнорирует меня. Я начинаю думать, что именно это он и делает. Мучает меня тишиной.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне,— говорю я. — Я была пленницей Хавьера с 14 лет.

— И ты думаешь, что я помогу тебе, только потому, что я американец,— говорит он спокойно.

Я колеблюсь, прежде чем ответить.

— Я... Хорошо, а почему бы и нет?

— В этом не заключается мой бизнес.

— Тогда каков твой бизнес,— с отвращением спрашиваю я. — Хладнокровно убивать людей?

— Да.

По спине пробегает дрожь.

Не знаю, что мне следует сказать по этому поводу, и стоит ли вообще что—то говорить, я решаю сменить тему разговора.

— Поможете мне перебраться через границу? — я спрашиваю с отчаянием. — Я... — я опускаю глаза от стыда.— Я сделаю все, что захотите. Но, пожалуйста, помогите мне перебраться через границу. — Я чувствую, как у меня начинают выступать слезы на глазах, но я не позволю ему увидеть меня плачущей. Не знаю почему, но я просто не могу позволить ему это. И я знаю, что он понимает, что я имела ввиду, говоря "все, что захотите". Я ненавижу себя за то, что предложила ему свое тело, но как я раньше говорила - я в отчаянии...

— Если ты имеешь в виду границу США,— он говорит и по некоторым причинам его голос удивляет меня,— тогда ты должна знать, что такое большое расстояние я не смогу тебя везти.

Я отрываю спину от сидения.

— Хорошо, как долго сможете?

Я снова ловлю его темный взгляд в зеркале. Наши взгляды пересекаются, и это вызывает дрожь по всей спине.

Он не отвечает.

— Почему вы не хотите помочь мне?— спрашиваю я, окончательно понимаю, что чтобы я не говорила это бесполезно. И когда он все-таки не отвечает, я говорю с отчаянием. — Тогда остановите у обочины и выпустите меня. Я сама дойду остаток пути.

Думаю, его глаза тронула легкая улыбка, когда он взглянул на меня в зеркало. Да, уверена, это я и увидела. Он знает также хорошо, как и я, что меня лучше силой вытащить и потащить обратно в лагерь, чем я по доброй воле выйду из машины.

— Тебе понадобится больше, чем шесть пуль из пистолета.

— Тогда дай мне больше пуль,— говорю я, становясь все злее.— И у меня не только один пистолет.

Это кажется, пробудило его интерес, хоть и не большой.

— Я забрала винтовку у охранника, ударив его по голове, когда проходила мимо забора.

Он кивает так слабо, что если бы я моргнула в этот момент, то не заметила бы этого.

— Хорошее начало, — говорит он и на мгновение снова переключает внимание на грязную дорогу и, в конце концов, поворачивает налево. — Но что ты будешь делать, когда закончатся пули. А они закончатся.

Я ненавижу его.

— Я побегу.

— И они поймают тебя.

— Тогда я ударю их.

Вдруг американец медленно сворачивает с дороги и останавливается у обочины.

Нет, нет, нет! Предполагалось, что все пойдет не так. Я ожидала, что он продолжит ехать, так как знает, что если он оставит меня здесь совсем одну, все, что случится со мной, будет на его совести. Но догадываюсь, что у него ее немного. Мне из принципа хочется выстрелить ему в голову. Он просто смотрит на меня с выражением чего-ты-ждешь? И я не трогаюсь с места. Я осторожно смотрю на дверь и снова на него, потом вниз на пистолет и снова на него.

— Вы можете использовать меня в качестве козыря, — я говорю это, потому что это мой последний шанс.

Его брови едва двигаются, но этого достаточно, чтобы я заполучила его внимание.

— Я любимица Хавьера, — я продолжаю. — Я... отличаюсь от... других девушек.

— С чего вы взяли, что я нуждаюсь в козыре? — спрашивает он.

— Ладно, Хавьер заплатил вам три с половиной миллиона?

— Это работает не так, — произносит он.

— Но я знаю, как работает Хавьер, и если он не заплатил вам до того, как вы вышли оттуда, он никогда этого не сделает.

— Вы собираетесь выходить?

Я тяжело вздыхаю, снова выглядываю в окно, затем поднимаю пистолет и говорю:

— Ты отвезешь меня к границе.

Американец облизывает свои сухие губы, затем машина снова начинает ехать. Сейчас я принимаю решение на ходу. Все продуманные детали моего побега закончились, когда я забралась в эту машину.

Когда американец говорил о границе Соединенных Штатов, мне казалось будто я ближе к границам других стран, чем к США и это приводило меня в ужас. Если я ближе к Гватемале или Белизу чем к Соединенным Штатам, то я сильно сомневаюсь, что мне удастся выбраться из этого живой. Я смотрела на карты. Я много раз сидела в той комнате и проводила кончиком пальца по не большой дороге между Саморой, Сан-Луис Потеси, Лос Мочис и Сьюдад-Хуарес. Но каждый раз я пыталась выкинуть мысли о возможности оказаться еще дальше на юге из головы, я не хотела мириться с тем, что могу быть так далеко от дома.

Дом. На самом деле это просто слово. У меня не было никакого дома в Соединенных Штатах. Тем не менее, там я родилась и выросла, хотя моя мама тоже принимала небольшое участие в моем воспитании. Но я хочу вернуться домой, потому что там всегда было лучше, чем в том месте, где я провела последние девять лет.

Я спиной частично опираюсь на дверь, частично на сиденье, так чтобы смотреть в оба за американцем. Как долго я смогу так продержаться неизвестно. И он знает это.

Может быть, мне следовало просто пристрелить его и забрать машину. Но что бы я тогда делала, ездила бы кругами без всякой цели в этой незнакомой стране, где я не видела ничего кроме жестокости, насилия, убийств и еще много чего невообразимого. Хавьер очень могущественный человек. Очень богатый. Внешность обманчива. Он мог бы жить как наркобароны, которых я видела по американскому телевидению, с богатыми безупречно чистыми домами с бассейнами и десятком ванных комнат, но он предпочитал жить просто. Я не знаю, на что он тратил свое богатство, но точно не на недвижимость.

Прошел час. Я начинаю уставать. Я чувствую жжение в глазах, которое понемногу расходится вокруг век. Не знаю, кого я обманываю. Мне нужно поспать немного, но в ту же секунду, когда я засну, я проснусь либо позади лагеря, связанной к стулу в комнате Хавьера или не проснусь вовсе.

Мне нужно постоянно говорить, чтобы не заснуть.

— Ты не можешь просто сказать, как тебя зовут? — делаю я еще одну попытку.

— Слушай, я знаю, я не выберусь из страны живой. Я знаю, моя попытка сбежать была обречена на провал в ту секунду, когда я вышла за ворота. Поэтому меньшее, что ты можешь сделать, это поговорить со мной. Подумай об этом как о последней милости.

— Я боюсь, что плохо подойду в роли жилетки.

— Тогда для чего тыходишь? — спрашиваю я, — помимо убийства людей, разумеется.

Я замечаю, как у него слегка двинулась челюсть, но он не посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Я веду машину, — отвечает он.

Ладно, это ни к чему не привело.

Я хочу плакать от разочарования.

Проходит еще пятнадцать минут в тишине, и я замечаю, что окружающая местность кажется слишком знакомой. Мы все это время едем и ехали кругами. Тут же я начинаю говорить об этом. Но решаю, что лучше всего не показывать, что я догадываюсь.

Я чуть приподнимаюсь с сиденья, направляю пистолет на него и говорю:

— Поверни налево прямо здесь, — и я делаю так следующие двенадцать минут, заставляя его ехать по моему указанию, хотя понятия не имею, куда мы держим путь. А он подыгрывает, на нем ни капли пота, ни малейшего признака того, что его беспокоит пистолет за спиной. Чем дальше мы едем, тем больше я начинаю понимать, что, несмотря на пистолет в моих руках, ситуацию контролирует больше он, чем я.

Во что я ввязалась?

Проходят еще минуты, и я теряю счет времени. Я так устала. Мои веки тяжелеют. Я отрываю голову от сиденья и пальцем нажимаю на кнопку, чтобы опустить окно. Теплый ночной воздух врывается в машину, кидая мои рыжеватые волосы мне в лицо. Я заставляю себя держать глаза широко открытыми и принимаю неудобную позу, чтобы не заснуть, но проходит немного времени, и я понимаю, что это не помогает.

Американец через зеркало следит за каждым моим движением. Время от времени я замечаю это.

— Что делает тебя его любимицей? — он спрашивает и это оглушает меня.

Я была уверена, все это время он ждал, что я засну; наверное, это бы произошло, подожди он несколько минут. Он сейчас говорит со мной? Я в смятении, но поддерживаю разговор.

— Я не была куплена.

Наконец он задает прямой вопрос, который может вылиться в разговор и может быть в помощь с его стороны, но по иронии тема разговора не располагает воспользоваться возможностью. Трудно говорить об этом, хотя изначально именно я начала разговор.

Прошло много времени до того, как я продолжила.

— Меня привезла сюда много лет назад... моя мать. Хавьер увидел во мне что-то такое, чего не видел в других девочках. Я называю это болезненной одержимостью, он называет это любовью.

— Понятно, — говорит он и хотя он немногословен, я могу сказать, что его слова значат больше, чем кажется.

— Я из Таксона, — говорю я. — Все, что я хочу, это вернуться туда. Я заплачу. Если вы не хотите... меня... Я найду способ заплатить наличными. Я держу свое слово. Я не буду прятаться от вас. Я постепенно выплачу долг.

— Если наркобарон полагает, что любит тебя, — небрежно говорит он, — это не от меня ты должна прятаться.

— Тогда вы понимаете, что я в большой опасности.

— Да, но это до сих пор не делает тебя моей проблемой.

— Ты человек? — с каждой минутой я начинаю ненавидеть его все больше. — Какой мужчина не мечтает помочь беззащитной молодой девушке сбежать из пожизненного рабства и насилия, особенно, когда она убежала от похитителей и умоляет вас помочь?

Он не отвечает. И почему это не удивляет меня?

Я тяжело вздыхаю и снова прислоняюсь к спинке сиденья. Мой палец на крючке онемел от длительного нахождения на металле. Опуская ниже пистолет за сиденьем, так чтоб американец не мог видеть, я перекалдываю пистолет из одной руки в другую столько времени, чтобы быстро согнуть и разогнуть свои пальцы, затем большим пальцем я надавливаю на кончик каждого пальца, чтобы размять их. Ты не понимаешь, какой тяжелый пистолет, пока долгое время не поддержишь его в руке.

— Я не вру вам,— говорю я.— О Хавьере и ваших деньгах.

Я ловлю его взгляд, смотрящий на меня в зеркало.

— У меня было много времени, чтобы понять, как он ведет свой бизнес.— Я перекалдываю пистолет в правую руку, потому что у меня ужасно ноют пальцы.— Ему легче убить тебя, нежели заплатить.

У него зеленовато-голубые глаза. Я вижу их более отчетливо сейчас, когда мы едем через маленький городок с уличными огнями. И «маленький» это преуменьшение, потому что через минуту нас поглощает темнота пустой автомагистрали. Вокруг нас снова ничего кроме ландшафта пустыни, освещаемой звездами.

И тогда я просто начинаю говорить; моя последняя отчаянная попытка не уснуть. Меня уже не волнует, присоединится ли он к моему одностороннему разговору, мне просто нужно не уснуть.

— Полагаю, если бы у тебя была дочь или сестра, тебе было бы не все равно. У меня была жизнь, до того как мать привезла меня сюда. Не очень хорошая, но, тем не менее, была. Мы жили в крошечном трейлере с тараканами и такими тонкими стенами, что казалось, будто мы спим зимой на голом полу. Моя мама была зависима от героина. Крэк, метамфетамин. И тому подобное, она любила это. Но не я. Я хотела окончить школу и получить стипендию в каком-нибудь колледже и зарабатывать себе на жизнь. Но меня привезли сюда и все изменялось. Хавьер некоторое время спал с моей мамой, но он всегда имел виды на меня...

Кажется, я задремала на секунду.

Я резко открываю глаза и делаю глубокий вдох, придвигаясь ближе к открытому окну, чтобы воздух освежил меня.

Следующие, что я почувствовала, так это ноющую боль с задней стороны головы и все стало черным.

Глава 3

Звук капающей воды вырывает меня из сна. Глаза неохотно открываются, веки вздрагивают от света, пробивающегося сквозь окно поблизости. Осознаю, что нахожусь в какой-то комнате. Зрение нечеткое, а голова словно повстречалась с кирпичной стеной прошлой ночью. Левая сторона лица опухла.

Я пытаюсь подняться, но что-то стягивает запястья и лодыжки. Постепенно зрение сфокусируется, и я могу видеть, что лежу на постели в темной комнате с коричневыми гобеленовыми обоями и покрытой пылью несочетающейся мебелью. Один телевизор выглядит как составляющая интерьера: старый и, вероятно, принимающий лишь один канал,

по которому, я уверена, показывают лишь драматичные испанские мыльные оперы. В поле моего зрения попадают тяжелые, зеленого цвета шторы на окне и помещенный между ними крошечный квадратный столик с одним деревянным стулом. На его спинке покоится длинное черное пальто.

Осознав происходящее и вернув себе самообладание, я с усилием переворачиваюсь на спину, получая возможность осмотреть остальную часть комнаты. Так я вижу американца, который, я знаю, принес меня сюда, где бы это "здесь" ни находилось.

Он связал меня. О нет...Он меня связал.

Когда я замечаю его, сидящего на стуле по другую сторону кровати, то в испуге визжу и сваливаюсь на пол, руки и ноги связаны так крепко, что у меня нет никакой возможности смягчить падение. Я сильно ударяюсь об пол, боль пронзает бедро и спину.

— Ммм! — издаю я громкий стон. Как можно скорее пытаюсь ослабить ткань на своих запястьях, ерзая по полу.

Американец появляется передо мной словно призрак, возникающий из ниоткуда.

— Зачем ты меня связал? — меня изрядно трясет, и я надеюсь, что он этого не видит. Не хочу, чтобы он знал, как велик мой истинный страх.

Он наклоняется, поднимает меня и укладывает обратно на кровать. Я пытаюсь пнуть или ударить его до тех пор, пока не понимаю, что это может привести лишь к очередному падению и удару об пол. Ничего не говоря, он возвращается обратно к тому месту, где сидел и кладет руку на миску с водой, стоящую на тумбочке. Выкручивает воду из тряпки и прикладывает её к моему лицу, но я пытаюсь от него отстраниться. Его это не беспокоит. Как и все остальное на самом деле. Я осознаю, что прямо сейчас никуда уйти не смогу, поэтому просто очень тихо лежу, пристально глядя ему в глаза, даже если он в ответ не смотрит в мои.

Я хочу, чтобы он видел меня, видел гнев на моем лице, но он не считает нужным удостоить меня взглядом.

— Ты ударил меня? — я не могу в это поверить и в то же время могу.

— Да, — он проводит холодной влажной тканью над моим левым глазом и вокруг брови.

— Так значит, ты не только убиваешь, но и избиваешь женщин.

Наконец, его темные глаза смотрят прямо в мои, а рука прекращает движение, словно мое несправедливое обвинение его задело.

Он отводит взгляд и продолжает протирать мое лицо.

— Я не бью женщин, — говорит он, — до тех пор, пока у них нет пушки, нацеленной мне в голову.

Я не отвечаю. Он привел весомый аргумент, если это можно так назвать.

— У меня вокруг глаза синяк?

— Нет, — произносит он, — убирая влажную тряпку.— Я несильно тебя ударил. Всего лишь небольшая опухоль.

Я смотрю на него словно на сумасшедшего.

— Нет? И все же ты ударил меня достаточно сильно для того, чтобы я пробыла в беспомощности всю ночь?

Он поднимается с постели, возвышаясь надо мной высотой своего роста, и направляется к своему пальто, висящему на спинке стула. Запускает руку в один из карманов и достает пузырек с таблетками.

— Ты проснулась вскоре после того, как тебя вырубил, — говорит он, откручивая крышку от пузырька.— Мне пришлось дать тебе наркотик.

Я ошеломленно моргаю.

Он перекачивает на ладони маленькую белую таблетку и протягивает ее мне. Я все еще смотрю на него как на выжившего из ума, сейчас, возможно, и того больше.

— Наркотик? А это что?

Мне хочется ударить его. Если бы мои руки не были связаны, так бы и сделала.

— Снотворное, — говорит он, поднося таблетку к моим губам.— Безвредное. Я сам принимаю. С другой стороны, тебе достаточно и половины одной, сейчас я это понимаю.

Я выплевываю таблетку на пожелтевшую простыню под собой.

— Думаю, спала я более чем достаточно.

— Как пожелаешь.— Он опускает пузырек обратно в пальто и движется к двери.

— Куда ты идешь?

Вместо этого он останавливается у окна и задергивает шторы до конца, но остается стоять рядом, смотря сквозь щель в плотной ткани. Пока он стоит ко мне спиной, я бесшумно стараюсь освободить запястья.

— В данный момент никуда, — говорит он и снова поворачивается, а я тут же прекращаю свою борьбу с путами, так что он даже не замечает.

— Хорошо... В таком случае, что ты делаешь здесь и почему я связана?

Он смотрит прямо на меня.

— Ожидаю человека по имени Хавьер, которого послали, чтобы забрать тебя.

Я лишь сглатываю. Слезы немедленно выступают в уголках глаз. Начинаю метаться в неистовой попытке освободить руки и ноги, но безрезультатно. Он связал меня лучше, чем поросят в загоне.

— Пожалуйста! Ты не можешь дать им увезти меня! Прошу тебя...

— Я ничего не могу сделать, — отвечает он, снова глядя в окно.— Поэтому и предложил тебе таблетку. Я думал, что ты бы предпочла быть без сознания, когда они приедут.

Начинаю чувствовать подступающую тошноту. Сердце неистово бьется, все внутри сжалось, и дыхания не хватает. С усилием сажусь прямо, перебрасываю ноги через кровать и пытаюсь встать.

— Сядь, — говорит он, поворачиваясь, чтобы снова взглянуть на меня.

Слезы выступают на моих глазах, и я протягиваю к нему связанные руки.

— Пожалуйста... — Я захлебываюсь слезами, грудь вздымается и дрожит, дыхание неровное.

— Не позволяй им забрать меня!

— Я спрошу еще раз, — говорит он, поворачиваясь, чтобы видеть меня полностью.

— Ты хочешь бодрствовать, когда это произойдет?

— Не хочу я, чтобы это происходило! — кричу я.

Я поднимаю руки и пытаюсь освободить запястья от ткани с помощью зубов. Американец не обращает внимания и движется к длинному черному чемодану, стоящему на полу у дальней стены. Взяв его в руки, переносит на край кровати рядом со мной и щелкает замком, чтобы поднять крышку, скрывая тем самым от меня то, что спрятано внутри.

Из-за шторы резко блестит отраженный луч солнца, а от скрипа тормозов снаружи у меня сводит желудок. Я замираю на краю постели, зубами все еще держусь за ткань, широко

открытые глаза полны страха. Смотрю на дверь, потом на американца, который стоит у изножья кровати, навинчивая длинную металлическую шуковину на гладкий ствол черного пистолета. А затем он быстро и вместе с тем небрежно, словно во время утренней прогулки, закрывает чемодан и помещает его под кровать, убирая из поля зрения.

Он приближается ко мне.

Я пытаюсь ударить его, но связанные лодыжки не позволяют этого сделать, зато я чуть не падаю с кровати.

— Нет! Оставь меня! Пожалуйста, не делай этого!

Свободной рукой он хватается меня за локоть и рывком поднимает на ноги, оружие в другой руке направлено в пол, затем он неловко сопровождает меня через небольшую комнату в очень маленький туалет.

Раздается стук в дверь, но американец не обращает на него внимания. Он затаскивает меня в туалет и практически толкает меня в отвратительную ванную. Кажется, что моя голова вот-вот ударится о край, однако он удерживает меня за ткань на запястьях и дальше опускает уже благополучно.

— Оставайся внизу. Не поднимай голову и не двигайся.

— Что? Я старюсь скрыть смятение. Я так напугана, кажется, я могу потерять контроль над мочевым пузырем в любую секунду.

— Ты понимаешь? — спрашивает он, нависая надо мной. В его глазах отчетливо читается серьезность.

Я сомневаюсь, нет, я не понимаю, но потом я просто киваю резким движением головы.

Он запрокидывает руку за спину и достает откуда-то нож. Мои глаза становятся огромными, когда острый, серебристый предмет движется в мою сторону. В тот момент я просто думаю, что он собирается зарезать меня, я не могу понять, зачем он проделал такой путь, чтобы просто убить меня. Он разрезает узел, сковывающий мои щиколотки.

— Лежи тихо, требует он в последний раз.

И сразу же покидает туалет и закрывает за собой дверь.

Я была в шоке, мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. Я разглядывала свободные ноги и удивлялась, почему он сделал это. Почему оставил руки связанными, но позволил пользоваться ногами, ведь так я могу убежать? Это не важно. Руки тоже надо освободить. Я снова отчаянно кусаю тугой узел, но ничего не получается, это только приводит меня в еще большее отчаяние. Я слегка приподнимаю голову пытаюсь рассмотреть уборную, нет ли здесь чего-либо похожего на нож или ножницы. Ничего. Только пластиковая тара с высохшей краской, маслянистые, грязные пятна и отвратительный унитаз без крышки.

Дверь в комнату открывается, и я слышу голоса снаружи.

— Где она?

О нет... это был голос Изель!

Сердце пускается вскачь, так что я чувствую головокружение, когда кровь приливает к голове. Я еще сильнее впиваюсь зубами в ткань, выкручивая невозможные узлы до тех пор, пока не ощущаю боль.

— Хавьер удивляется, почему вы сами ее не привезли? — добавила Изель своим фирменным томным саркастическим тоном.

Голосов становится больше, мужских, говорящих между собой на испанском, пока Изель разговаривает только с американцем. Голоса приглушены. Не могу разобрать, о чем

идет речь.

— Присаживайтесь, — спокойно говорит американец.

— Мы не в гости приехали, — возражает Изель. — Отдай нам Сэрай... или...

Я представляю, как она приближается к американцу, словно скользкая змея, каковой она и является.

— Или же ты и я сперва можем ненадолго уединиться. Я не против.

Она резко замолкает, обольстительные нотки мгновенно исчезают.

— Хорошо! Хорошо! Чертов ублюдок. Ты скорее пристрелишь меня, чем трахнешь?

— Да, — отвечает американец.

— Заберите ее отсюда, — командует Изель голосом, полным презрения.

— Для начала присядь, — говорит американец.

Внезапно я слышу, как взводится курок, и инстинктивно припадаю телом к ванной, насколько могу себе позволить. Начинаю понимать, почему он заставил меня остаться здесь.

— Нас пятеро, а ты один, — ядовито произносит Изель.

Затем раздается выстрел, и я вжимаюсь в твердый пластик под собой. Еще выстрелы. Пули дробят стены; две проходят напрямик сквозь стенку туалета, где, съжившись, лежу я. Через комнату от себя слышу звон разбитого стекла и шум от спасающихся бегством людей. Снова звучат выстрелы, а Изель выкрикивает проклятья в суматохе. Стены сотрясаются вокруг меня, отчего с лампочки на отсыревшем потолке летит пыль. Я слышу громкий хруст, а затем звон разбиваемого в комнате большого окна, словно кого-то в него толкнули.

Становится тихо. Все, что я слышу - лишь быстрый и неистовый стук собственного сердца. Мне настолько страшно, что я больше не плачу, а тело прекращает содрогаться. Меня парализовал страх.

В воздухе витает резкий запах пороха.

Мертв ли американец? Это все, о чем я могу думать. Возможно, они все мертвы, и я смогу выбраться отсюда живой.

Начинаю подниматься из ванной, когда раздается голос Изель.

— Пошел ты. Я ни хрена тебе не скажу!

Краткая тишина, затем я слышу спокойный голос американца:

— Ты уже сказала все, что я хотел услышать.

— Каким это образом?

— Если бы Хавьер хотел, чтобы я остался жив и убил Гузмана, ваши люди никогда бы не стали использовать меня.

— Он хотел, чтобы ты убил его.

— В таком случае ваши люди просто глупцы.

Изель ничего не ответила, но я могу представить выражение ее лица: недовольство вкупе со злобой.

Я выбираюсь из ванной бесшумно, осторожно, стараясь не делать резких движений, и тянусь к дверной ручке. В ту же секунду, когда мои пальцы коснулись ее, дверь открывается, словно до этого она и не была закрыта, хотя я знаю, что это не так. Должно быть, она отворилась, когда я слышала, как кто-то врезался в нее во время схватки.

Толкаю дверь, и та с едва слышным скрипом открывается. Прямо за дверью вижу раковину и зеркало над ней. Все, что от него сейчас осталось, - три огромных, неровных осколка, висящих на стене.

В отражении вижу спину американца.

— Должен тебе сказать, — говорит он, — что сейчас мы заключим новую сделку.

— Здесь не ты заключаешь сделки, — выплевывает слова Изель.

— А по-моему, я, — отвечает он.— Для начала ты скажешь, в чем заключались планы Хавьера, когда он пригласил меня в лагерь?

— Хрен тебе, а не ответ!

Раздается глухой выстрел, затем вскрикивает от боли Изель.

Американец то попадает, то исчезает в зеркале, и я мельком созерцаю Изель, сидящую на стуле возле стены. Ее лицо блестит от пота, а кровь сочится из огнестрельной раны на бедре, руки прижаты сверху в попытке остановить кровотечение. Ее загорелое лицо искривлено агонией и гневом. Она демонстративно сплевывает на пол.

— Обыкновенная рана, — произносит американец.

Я перемещаюсь поближе к двери. Возле ног Изель виднеется пара рук: один из мужчин, которого американец только что убил. Судорожно сглатываю и пытаюсь привести дыхание в норму. Дверь приходит в движение, когда я прислоняюсь к ней бедром, и я резко втягиваю в себя воздух, который только что вдохнула. Изель дергает головой в сторону, когда видит зеркало. Она знает, что я прячусь здесь. Пытаюсь отойти от двери и двигаюсь обратно в темноту комнаты, но она видит меня. Усмешка появляется на ее лице.

— Выходи, Сэрай, — произносит она мелодичным голосом.— Хавьер скучает по тебе.

Я не двигаюсь. Может быть, если я останусь неподвижной, что она и видит в зеркальном отражении, то подумает, что это лишь обманчивые блики света перед глазами.

Она отводит от меня взгляд, как если бы американец чем-то привлек ее внимание.

— Хавьер хочет смерти Гузмана, — говорит Изель.— Он бы не нанимал тебя и не отпустил с этими деньгами, если бы не хотел, — она усмехается, вскидывает голову на американца и добавляет:

— Ты дурак.

Слышу скрип кровати, словно он сидел как раз с краю, лицом к ней. Пока она отвлечена, я располагаюсь подальше от торца двери, но так, чтобы иметь лучший обзор комнаты через отражение в зеркале. Замечаю другое тело, распростертое у стены по другую сторону от нее.

— А если я убью Гузмана, — говорит американец,— я беспрепятственно получу остальную часть денег.— Это было утверждение, но в то же время и вопрос.

Изель усмехается.

— Разумеется, — она склоняет голову набок.— Она уже у тебя.

Никакого ответа. Я знаю, что Изель имеет в виду меня.

— Девушку не покупали и она не была продана, как тебе известно, — добавляет она.

— Не интересовался.

— Тебе и не нужно было.

Не поворачивая головы, Изель снова смотрит в сторону зеркала.

— Строишь из себя героя? — произносит она голосом, полным сарказма.

— Вряд ли, — произносит американец.— Я собираюсь использовать ее в качестве козыря.

Я судорожно сглатываю.

Нужно было держать рот на замке...

— С Хавьером так дело не пойдет. Она не была частью сделки. Ты держишь девушку у себя, чему Хавьер не обрадуется.— Прядь черных волос спадает на ее лицо. Она поднимает

руку, чтобы убрать остальные волосы, но на полпути рука замирает, и она опускает ее обратно. Гнев немного помогает ей скрыть страх на лице. Она понимает, что он вынесет ей мозги через затылок.

— Девушка останется со мной, пока я не убью Гузмана, а затем мы устроим торг: она в обмен на остальную часть моих денег.

— А если Хавьеру по барабану?

— В таком случае тебя бы здесь не было.

Глава 4

Изель вызывающе вздергивает подбородок, кожа вокруг ее глаз покрыта крошечными брызгами крови.

— Ты совершаешь ошибку, — выпаливает она с поражением в голосе. — Если тебе нужна девушка, Хавьер даст ее тебе. Только не эту. Так ты лишь сделаешь его своим врагом.

Я очень хорошо понимаю беспокойство в ее голосе. Когда Хавьер недоволен, он склонен обвинять в этом Изель. Если она не вернется в лагерь со мной, он попросту ее изобьет. Я безумно ненавидела ее за то, что она мне сделала, но так же временами и жалела ее.

— Твое предложение оскорбляет мой разум, — произносит американец. — Она - та, кого я хочу, потому что ею он дорожит больше всего. Если у Хавьера нет злых намерений, в таком случае ему не о чем волноваться.

Пока он говорит, Изель мельком смотрит на дверь ванной.

— Девушка будет у меня, пока я не убью Гузмана. Хавьер выплачивает мне остаток суммы. Я возвращаю девушку. И мы расходимся, каждый с тем, что хотел.

Мне хочется ринуться из ванной и добраться до одной из машин снаружи, но я понимаю, что не могу этого сделать. Ладони потеют и покалывают. Порезала левую руку в какой-то момент. Не могу вспомнить, когда это случилось.

Изель сыплет в его адрес испанскими проклятиями, опирается ладонями на сиденье под собой и начинает подниматься.

Американец весьма небрежно поднимает оружие, и она замирает с гневом и вызовом на лице.

— Сведи руки за стулом, — говорит американец.

— Поцелуй себя в зад.

Бах! Изель дергается в сторону, чуть не перевернув вместе с собой стул.

— Ублюдок! — выкрикивает она, прижимая руку к другому бедру со свежей пулевой раной, как раз на уровне предыдущей.

Американец даже не двигается, его выражение и поза как обычно непринужденные и сдержанные.

— Сведи руки за стулом, — также спокойно произносит он.

На этот раз Изель подчиняется. Она упряма, дерзка как всегда, но послушна.

— Выходи из ванны, — слышу я американца.

Я не хочу. Я тихо отталкиваюсь спиной от стены, подтягивая связанные руки к груди, нервно сцепив пальцы перед собой. Я шмыгаю носом, соленый привкус стекает по горлу. Что мне делать? Если я просто останусь здесь, это только затянет неизбежное. Из ванны нет другого выхода кроме двери.

Наконец я делаю так, как он говорит.

Пытаясь открыть дверь, мне приходится навалиться плечом из-за тела, лежащего на

полу по другую сторону от двери. Я стараюсь не смотреть, когда я обхожу левую руку мужчины, неестественно изогнутую за ним, но я вижу достаточно, что мой желудок скручивает. Особенно когда я вижу его глаза. Глаза, безжизненные, пустые и остекленевшие, отчего меня начинает подташнивать. Я делаю глубокий вдох и переступаю через него. Изель улыбается мне, не как страдая от пулевых ранений, как мог бы страдать, на мой взгляд, кто-то другой. Она дышит и пытается сохранить спокойствие для того чтобы посмеяться надо мной.

— Подойди сюда, — говорит американец, что я и делаю.

Он опять вытаскивает нож из кармана, его глаза быстро возвращаются к моим запястьям. Полагая и надеясь это то, что он хочет, я протягиваю к нему руки. Он скользит лезвием под тканью и освобождает мои руки.

— Ты сказала ему, что ты шлюха? — спрашивает Изель.

Я сглотнула накопившуюся во рту слюну. Я не шлюха, но ей всегда как-то удавалось своими обвинениями заставить меня чувствовать стыд. Я делаю вид, что сосредоточена на запястьях, когда они больше не связаны.

Изель поворачивается к американцу, ее руки все еще свободно сведены за спиной. Она говорит со злобной усмешкой:

— Если жалеешь ее, то не надо. С этой маленькой шлюхой обращались лучше всех, даже лучше чем со мной, а я его сестра. Хавьер имеет ее в любое время как захочет. И ему не приходится заставлять ее.

Я чувствую, как мои пальцы вонзаются в ладони, стыд затмевает мой гнев. То, что она говорит, - правда только наполовину, но сейчас не время защищаться. Ничего из того, что я скажу, не имеет значение. Ни для американца, ни для нее. Меня волнует только то, что подумает американец, потому что мне нужна его помощь. Если он думает обо мне как о шлюхе, он наверняка будет меньше расположен помочь. То есть, если я смогу когда-нибудь убедить его помочь мне, что сомнительно.

Совершенно не проявляя интереса к попытке Изель очернить меня, американец указывает на сумку на столе у окна и говорит мне:

— Открой замок, внутри сумки найдешь веревку.

Я осторожно пересекаю комнату, мое сердце бешено бьется о ребра, когда я иду между двумя телами, проходя мимо них, у меня на руках и шее волосы встают дыбом. Я почти готова к тому, что Изель воспользуется возможностью, дотянется и схватит меня, но чувствую облегчение, когда она не смеет шевельнуться. Продвигаясь дальше между телами и мусором, разбросанным по небольшой комнате, я слишком боюсь двух живых людей, находящихся в этой комнате и поэтому не замечаю глаза мертвого человека на полу, уставившиеся на меня. Я чувствую запах крови. По крайней мере, я уверена, что металлический запах это кровь. Ее так много вокруг меня. Занавеска на разбитом окне развивается с каждым порывом теплого ветра. Я засовываю руку в черную сумку американца и роюсь в ней, ища веревку. Я слишком нервничаю, чтоб заглянуть внутрь. Неизвестно, что он может носить там.

Держа в руках моток веревки, я удивляюсь, почему он использовал полоски ткани из простыней, а не более надежную веревку, чтоб связать меня. Я поворачиваюсь и смотрю только на американца, ожидая, что он скажет делать мне дальше, стараясь не встретиться взглядом с Изель. Ей всегда с легкостью удавалось напугать меня.

Американец кивает в сторону Изель.

— Завяжи ей руки за стулом, — дает он указания.

Мое сердце подскакивает. Изо всех сил я стараюсь не смотреть на нее, но попытка не удастся, когда он произносит слова, и я смотрю на нее. Она, несомненно, схватит меня, если я буду стоять так близко к ней.

Борьба в моих глазах говорит американцу, что я не могу сделать это, не могу.

Он незаметно направляет пистолет в сторону Изель, его запястье все еще находится на ноге.

— Она не тронет тебя, — произносит он, глядя только на меня. — Если она дернется, и я почувствую опасность, я убью ее и она это знает.

Краем глаза я вижу, как в гневе раздувается ноздри Изель и она кривит рот.

Американец снова кивает в сторону Изель и делает знак, что я могу продолжать

Перебирая веревку пальцами, я снова переступаю через тела и медленно двигаюсь к Изель, обнаружив, что чем ближе я к ней подхожу, тем невозможней становится не смотреть на нее. Она улыбается. Видно, что мои руки сильно дрожат, и она замечает это; не поворачивая головы, быстро пробегает по ним своими карими глазами.

— На сей раз тебе и в самом деле это удалось, — с насмешкой говорит она. — Как ты смогла перебраться через забор? Лидия помогла тебе?

Я уже почти за ней, когда она произносит имя Лидии, и я замираю на месте, а Изель отмечает в моей реакции действительное: беспокойство. И она хватается за это.

От садистской улыбки приподнимаются уголки ее губ.

— А, понятно, — произносит она. — Она же тебе помогла. — Она щелкнула языком. — К несчастью для бедной Лидии она будет наказана. Но ты об этом знала, не так ли, Сэрай?

— Лидия не имеет ничего общего с этим! — Кричу я на испанском, будто снова нахожусь в лагере.

Я знаю, что она пытается достать меня, но также знаю, что ее слова о наказании Лидии правда, и я уже жалею о своей реакции. Потому что именно это она хотела увидеть. Ситуация меняется к худшему. Она касается не только меня. Мне следовало знать это, до того как я выбралась из того окна. Хавьер и Изель знали как мы стали близки с Лидией за такое короткое время.

Часть меня хочет сдаться и вернуться, но сейчас, когда американец контролирует ситуацию, от меня ничего не зависит.

— Хватит болтать, завяжи ей сзади руки. — Говорит со спины американец.

— Прекрасно. Продолжай. Делай с ней, что хочешь, — говорю я Изель, обходя стул. — Я выбралась. Она нет. Печально, но я ничего не могу поделать с этим. Я не вернусь в это место, даже ради нее. — Надеюсь, она верит, что мне плевать на то, что происходит с Лидией, может быть, тогда они не будут использовать ее против меня.

— Я сказал, хватит болтать.

Непривычное раздражение в голосе американца, хотя и сдержанное, достаточно для того чтобы привлечь внимание обеих. Изель и я одновременно смотрим на него.

Я делаю в точности так, как он говорит, боясь, что в следующий раз он может просто выстрелить мне в ногу, я склоняюсь позади Изель и начинаю связывать ее запястья. Американец наблюдает за Изель по-видимому не моргая, ожидая, что она вскочит и даст ему повод пристрелить ее. Я крепко завязываю ей руки, обмотав веревку три раза, каждый раз делая узел. Один раз веревка защемила ее кожу, Изель откидывает голову в сторону, пытаюсь увидеть меня, и в ярости скрепя зубами.

— Осторожно,— огрызается она, и ее длинные черные волосы падают на одну сторону лица. Последний узел я завязываю еще крепче, как только могу. Если бы взгляд мог убивать, я бы десять раз уже умерла.

— Сейчас отойди от нее, — отдает приказ американец.

Он стоит у кровати и достает из-под нее свой длинный чемодан.

Я отхожу в сторону, по кивку его головы назад, продолжаю выполнять его указания и пробираюсь к нему. Одной рукой он хватается меня за запястье, другой свой чемодан и ведет меня до двери. Он опускает запястье лишь для того, чтобы поднять со стола свою сумку и закинуть ее на плечо.

Он оставляет свое черное длинное пальто. Конечно, он понимает это, но у меня чувство, что он специально оставляет его висеть на спинке стула.

— Я убью тебя, если ты так оставишь меня здесь. — Рычит Изель сквозь стиснутые зубы, но в ее угроза слышится больше отчаянье. Она начинает дергаться на стуле, стараясь высвободить руки. — Не оставляй меня так! Как я смогу передать Хавьеру, что ты хочешь, если я застряну в этой комнате?

В комнату проникает солнечный свет, когда американец открывает дверь двумя пальцами руки, занятой чемоданом.

— Ты вскоре освободишься — говорит он и выходит со мной за дверь. — Сообщи Хавьеру, что я свяжусь с ним, пусть он не теряет и не выкидывает номер моего сотового, по которому я звонил ему в последний раз. — Он также двумя пальцами закрывает дверь, и я слышу, как изнутри Изель злым голосом проклиняет нас, когда мы покидаем ее.

Он сопровождает меня на пассажирское место, и закрывает дверь после того как я оказываюсь внутри. Капот открывается, и он прячет внутри него свой чемодан и черную сумку.

Я слышу приглушенные выстрелы с улицы, когда он стреляет по двум шинам на каждом грузовике, припаркованным спереди.

Он закрывает дверь с водительской стороны и смотрит на меня.

— Пристегни ремень, — говорит он и отводит взгляд от моих глаз, поворачивая ключ в замке зажигания.

Машина заводится, пока я быстро пристегиваю ремень безопасности.

— Ты стреляешь в женщин, — тихо произношу я.

Он выезжает задом с грязного участка перед странным придорожным мотелем, который больше похож на пятизвездочную хибару.

Американец нажимает ногой на тормоз и снова смотрит на меня.

— Свежие раны, — говорит он и снова приводит машину в движение. — Она будет жить. И ее трудно назвать женщиной. — Он отъезжает, гладкая черная машина поднимает облако пыли позади нас.

В этом смысле он прав. Изель женщина, но она не заслуживает, чтоб с ней обращались как с женщиной и это ее вина.

Пока мы едем по пыльной магистрали, удаляясь от мотеля, американец протягивает руку к консоли между нами и достает маленький черный телефон. Проведя пальцем по экрану, он включает динамик и внезапно голос Изель заполняет машину. Сначала я в замешательстве, но вскоре понимаю, в чем была причина, что он оставил свое длинное пальто в комнате.

Я слышу голос Изель по крошечному динамику.

— Он ушел! Встань и развяжи меня! Быстрее!

Шелестящий звук заглушает ее голос, а затем появляется странный, непонятный шум.

— Убери эти веревки!

Один мужчина выжил?

Я смотрю на американца, чьи глаза сосредоточены на дороге, но его уши слышат голоса, раздающиеся из телефона в его руке. Он знал. Он все время знал, что один из них лежал, притворяясь мертвым. Я вздрогнула при мысли, что перешагивала его тело или проходила мимо так близко, что он мог схватить меня за лодыжку и повалить рядом с собой.

Из динамика раздается больше шаркающих и потрескивающих звуков. Я слышу, как Изель приказывает мужчине дать ей телефон и секундой позже, она говорит с Хавьером.

— Si², Хавьер. Он забрал ее. Он убил их. Нет.

Она замолкает, пока Хавьер, я знаю, даже не слыша его, сыплет угрозами на другом конце телефона.

— Si, — говорит она сиплым голосом, будто ее вынуждают соглашаться, хотя ей дается это нелегко.

Затем я слышу громкий выстрел и сразу же глухой стук! Я только могу предположить, что она только что убила мужчину, который помогал ей, в порыве гнева от того, что сказал Хавьер.

Все стихло. Может, Изель ушла из комнаты. Проходит несколько секунд, но все также тихо, кроме слабого гудения самого динамика. Американец, известный тем, что его лицо ничего не выражает, кажется разочарован. Он отключает телефон, опускает окно около себя и выкидывает телефон на дорогу. Затем он резко разворачивается и едет в противоположном направлении.

— Я так понимаю, ты не услышал того, что хотел услышать? — Осторожно спрашиваю я.

Он убирает руку с руля и кладет ее на ногу.

— Нет, — отвечает он.

— Ты все еще сомневаешься в моих словах, — произношу я.

Боковым зрением я замечаю, что он чуть поворачивает голову, чтобы видеть меня. Мне неудобно, когда я встречаюсь с его взглядом. И всегда будет неудобно.

Но он не отвечает.

Минутой позже, я произношу:

— Я не шлюха. Она просто пыталась разозлить тебя, на случай если ты пожалеешь меня.

Может быть, я оскорбляю его умственные способности, точно также как Изель в определенный момент, но я, таким образом, защищаюсь от обвинений. Я хочу, чтобы он знал. И я не хочу, чтоб он так думал обо мне.

Я продолжаю, наконец, смотрю на него, когда его взгляд снова перемещается на дорогу.

— Начнем с того, что ты никогда не испытывал ко мне жалости.

И снова моя попытка вовлечь его в разговор кажется незамеченной, я сдаюсь и прислоняюсь головой к окну.

— Я знаю, что ты не шлюха, — говорит он.

Глава 5

Это было редкостью, чтобы я видела какую-либо еще часть Мексики, кроме других барачков. Хавьер был не особо хорош в экскурсиях или ранних воскресных поездках. Я была

заперта большую часть своей жизни за теми заборами, покинув их только, когда я и Лидия с другим девочками были перевезены, пока Хавьер встречался с другими наркобаронами. Это был способ Хавьера охранять нас, на случай если сделка плохо завершится. Но это было в основном ночью, поэтому сейчас немного боюсь, наблюдая из окна автомобиля на проносящиеся мексиканские пейзажи.

Мы едем уже два часа.

— Я хочу есть, — произношу я.

Проходит несколько секунд, прежде чем он отвечает.

— В этой машине нет ничего, чтобы поесть.

— Ну, мы можем где-нибудь остановиться?

— Нет.

Если бы я могла заставить его прекратить, вот так отвечать на мои вопросы, я была бы почти удовлетворена.

— Если ты беспокоишься, что я попытаюсь убежать, мы можем подъехать к автомагазину. Я ничего не ела со вчерашнего утра. Пожалуйста.

— Здесь нет таких магазинов.

— Где здесь?

Тут мой голод отступил на второй план.

— По крайней мере, скажи мне, где я провела последние 9 лет жизни.

Я видела дорожный знак несколько минут назад, но не узнала его. Единственные карты которые я видела, были карты в учебнике 1997 года в средней школе.

— Сейчас мы находимся в 5 милях к югу от Нкацари де Гарсия.

Я вздохнула разочарованная собой, потому что и это ни о чем мне не сказал.

— Ты в двух часах езды от Соединенных Штатов.— Говорит он, чем ошарашивает меня.

Я полностью разворачиваюсь на сидении, прижимаясь спиной к двери машины.

— Но ты говорил я была... это звучало будто я была в нескольких днях от границы.

— Нет, я сказал, что расстояние больше, чем я хотел бы находиться в твоей компании.

С сердитым видом я скрещиваю на груди руки. Я понятия не имею, где я торчу, ужасно злюсь на него и не скрываю этого. Мое лицо принимает покорное выражение, когда я вспоминаю, где и с кем я нахожусь.

— Это то, куда мы едем?— спрашиваю я. — Мужчина, которого ты должен убить для Хавьера, находится в Соединенных Штатах?

— Да.

Тишина.

Я ударяюсь в слезы. Они вытекают из ниоткуда, обжигая мои глаза. Но я плачу, не потому, что мой дом недалеко отсюда. Я плачу из-за его странного, равнодушного отношения, и что достаточно каких-то коротких ответов, чтобы мне, образно говоря, захотеть застрелиться. Я рыдаю в ладони, выпуская свой страх и досаду на Американца, а также все, что спрятано глубоко внутри меня: облегчение, что я наконец-то убежала; страх, что меня вернут обратно; волнение за Лидию которую побьет Изель; понимание, что я нахожусь в ситуации, где трудно что-то решить; голод в животе; сухость в горле; невозможность помыться за последние два дня; осознание что я могу умереть в любой момент. Единственное, что я могу считать хорошим, - это то, что я все еще жива и нахожусь не так далеко от дома, как мне казалось раньше.

Я чувствую, что машина сворачивает направо и выезжает на другую дорогу.

Я смотрю на него, шмыгаю носом, сдерживая слезы. Ладонями я вытираю щеки. Он так и не говорит ничего, он не пытается утешить меня или задать вопросы. Кажется, ему плевать, а мне плевать на то, что ему плевать. Другого я от него не ожидала.

Через тридцать минут или около того, мы останавливаемся у старого придорожного магазина. У входа припаркован всего лишь один грузовик, белый фورد с ржавчиной на дверях.

— Хочешь есть, — произносит американец, заглушив мотор, — зайди и поешь.

Я удивлена, что мы вообще остановились, тем более для того чтоб накормить меня. Он обходит машину и открывает дверь с моей стороны, наверное, больше для того чтобы показать, что он всегда рядом, нежели показать что он джентльмен. Он стоит и терпеливо ждет, когда я выйду. Наконец, я выхожу, как только надеваю на голые ступни шлепанцы с пола.

Это место нельзя назвать придорожным кафе, думаю для этого здесь должно быть больше столов, но здесь есть, где посидеть и поесть, в темном углу около единственной черной двери. У меня подогретый сэндвич с курятиной из холодильника, у американца только черный кофе. Мы оба выглядим здесь ни к месту. Очевидно, что ни в ком из нас не течет испанская кровь, место, не является туристическим городом, и он одет в дорогие черные брюки и туфли, которые вероятно когда-то блестели, но сейчас покрыты толстым слоем грязи. Знаю, от меня плохо пахнет. Не помню, когда в последний раз я пользовалась дезодорантом.

Я проглатываю половину куриного сэндвича и жадно выпиваю практически всю воду из бутылки. Я давно уяснила, что в таких местах нельзя пить воду, кроме как из бутылок, иначе можно отравиться.

Американец потягивает кофе, читая местную газетенку. Со стороны мы могли бы сойти за нестандартную женатую пару, которая завтракает в типичном американском городке. Нестандартная, потому что мне всего двадцать три года, а американцу, он старше меня. Может быть за 35. Если бы я ничего не знала о нем, и однажды увидела его, сидящим за столом, как сейчас, с ногами на полу и локтями на столе, я бы посчитала его привлекательным для взрослого мужчины. У него приятные черты лица, несмотря на щетину, острые скулы и пронизывающие сине-зеленые глаза, которые, кажется, все подмечают, но ничего не выражают. Он очень высок, худощав и имеет устрашающий вид. Я нахожу, что он пугает меня больше чем Хавьер, даже не говоря ни слова. Тем не менее, я чувствую, что мне лучше находиться в бегах с американцем, чем быть рядом с такими как Хавьер.

По крайней мере сейчас. Это изменится, когда он передаст меня обратно Хавьеру.

Но я лучше умру, чем позволю этому случиться.

— Ты скажешь как тебя зовут? — спрашиваю я.

Он поднимает глаза от газеты, не меняя положения головы.

Я тут же понимаю, что у него нет ни малейшего желания отвечать мне, откровенничать с "заложником", но он, в конце концов, бросает мне подачку.

— Виктор.

Я так поражена, что он ответил, что уходит секунда на обдумывание следующих слов.

Я пью воду.

— Откуда ты? — спрашиваю я.

Стоит хотя бы попытаться.

— Почему бы тебе не закончить с едой. — Предлагает он и возвращается к газете.

Ты знаешь мое имя. Ты знаешь, откуда я. Почему бы тебе не шутить надо мной. Горечь в моем голосе была не случайной.

Я полагаю, что если бы он собирался меня убить, я была бы уже мертва. Потому я боюсь его не так сильно, как советует мне мое сознание.

Он вздыхает и раздраженно качает головой.

— Я родился в Бостоне. У меня есть сестра, младше меня на год. Моя мать где-то в Будапеште. Мой отец мертв. Он был первым кого я убил.

Те крохи мужества, что я в себе нашла, испарялись прямо на глазах. Я внимательно осмотрелась по сторонам, ища человека за прилавком, который продал нам еду.

Он подметает пол в противоположной стороне магазина, не обращая на нас никакого внимания.

Я оглядываюсь на... Виктора, нервно глотая то, что осталось от слюны во рту.

— Ты убил своего отца? Я должна поверить, что это было по какой-то очевидной причине: его отец избивал его мать, что-то вроде этого.

Он кивает.

— Почему? Сколько тебе было?

— Думаю, ты достаточно знаешь обо мне,— произносит он и делает глоток кофе, его длинные, ухоженные пальцы нежно обхватывают маленький белый пластиковый стаканчик. — Ты спросила, чтобы побольше узнать обо мне - я ответил. Это было одолжение. А не поощрение задавать больше вопросов.

Интересно, почему он вообще рассказал мне это. Может он просто пытается напугать меня и подчинить, так чтобы я перестала болтать.

Я встаю из-за маленького столика. Он снова поднимает глаза от газеты.

— Мне нужно в туалет, — говорю я.

Положив газету на столик рядом с кофе, он поднимается и приближается ко мне. Он спокойно берет меня за руку и я одергиваю ее, качая головой.

— Я могу идти сама.— настаиваю я.

— Да, но я пойду с тобой.

Я скрещиваю руки на груди и моргаю от удивления.

— Ты ведь не серьезно. Я не могу воспользоваться туалетом, когда ты рядом.

— Тогда не воспользуешься.

От удивления у меня отвисает челюсть. Я смотрю то на него, то на дверь позади, за которой как я надеюсь находится туалет - нет никаких табличек, указывающих на это. Я замечаю его раздражение, написанное на лице, такое ощущение, будто я прервала его роман с бокалом вина или классической музыкой.

Мне хватает совсем немного, чтобы понять.

— Сомневаюсь, что это будет так, как показывают в кино, — говорю я.— Я пытаюсь вылезти из окна, когда ты принимаешь необдуманное решение пустить меня одну.— Я стараюсь не кричать. Я просто объясняю очевидное. Надеюсь, до него дойдет.

— Либо так, либо никак, — говорит он.— Если ты не пойдешь сейчас, тебе придется терпеть еще долго.

Я закусываю изнутри щеку.

— Прекрасно,— я сдаюсь, обхожу его и иду впереди.

Он следует за мной в туалет. Здесь всего один унитаз, который выглядит так, будто за

последнее десятилетие, что он здесь стоит, его ни разу не убрали. Четыре грязные стены с облупившейся краской и жженое пятно около крошечного окна, через которое я бы никогда не пролезла, будь у меня шанс. Комнатка такая маленькая, что я могу протянуть руку и дотронуться до Виктора, пока он стоит лицом к двери, спиной ко мне, сложив руки. Слегка смущаясь - к сожалению, писать перед психом для меня не ново - я спускаю шорты и трусы и присаживаюсь. Когда я заканчиваю, мне нужно подтереться. Туалетная бумага это роскошь, которая, по мнению американцев, должна быть всегда.

Пока я натягиваю одежду, я замечаю, как плечи Виктора застывают в напряжении. Затем слышатся голоса, будто кто-то только что зашел в магазин.

Виктор протягивает руку за спину к штанам и достает из-под рубашки пистолет, его указательный палец уже на курке.

— Что это? — спрашиваю я, мои руки уже трясутся от страха.

Виктор открывает дверь и выглядывает наружу, подняв позади себя свободную руку, будто приказывает мне не шуметь.

Затем он быстро поворачивает ко мне голову и шепчет:

— Оставайся здесь, — и прежде чем я успеваю что-то спросить или запротестовать, он исчезает за дверью, а я остаюсь уже второй раз в туалете. Только на этот раз здесь нет ванны, которая защитит меня от летящих пуль и в которую я могла бы залечь.

Невзирая на страх, я не могу побороть в себе желание взглянуть на происходящее, я подхожу к двери, также как Виктор открываю ее, и прижавшись к ней, выглядываю. Мое горячее рваное дыхание наполняет пространство между дверью и моим лицом. Я едва могу рассмотреть прилавок, в стороне от которого стоит владелец магазина с веником, зажатым в старых пухлых руках. Но я не вижу его лица. И не вижу Виктора. Проходит несколько долгих тревожных секунд, но выстрелов нет. Это хороший знак. В поле зрения попадает человек, но это не Виктор. Мимо проходит еще один мужчина.

Слышится испанская речь, но с этого места, за дверью я слышу не совсем отчетливо. Что-то на счет запчасти к машине. Через несколько секунд владелец магазина отвечает, что у него есть эта деталь, но ему нужно принести ее. Я до сих пор не вижу Виктора. Неужели он бросил меня здесь? Станным образом эта мысль пугает меня, я открываю дверь еще шире, пытаюсь увидеть больше. Сначала неуместная паника, что меня бросили одну, заставляет меня усомниться в своем рассудке, но потом я снова сознаю, что несмотря на то, что Виктор убийца и что меня используют в качестве козыря в опасной игре, где ставкой является жизнь или деньги, я нахожусь в самом опасном месте, в чужой стране и я совсем одна.

Нравится мне это или нет, но до тех пор, пока я не окажусь за границей, Виктор - моя единственная защита, и я буду с ним как можно дольше, несмотря на отчаянное желание убежать от него.

Глава 6

Наконец я вижу лица обоих мужчин, радуясь, что я их не знаю. Я начинаю верить, что они здесь проездом. В приступе клаустрофобии я решаюсь полностью открыть дверь. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, затем выхожу, стараясь походить на обычного покупателя, который только что сходил в туалет.

Когда я выхожу из-за угла, Виктор снова сидит за нашим столиком, читая газету.

Он едва достаивает меня взглядом, но мне хватает и этого, чтобы понять, что он недоволен.

— Ты готов? — спрашиваю я на английском. — Я - да. Этот туалет ужасен, — добавляю

я с недовольным видом, изображая заносчивую американку.

Надеюсь, я достаточно убедительна.

Виктор встает, берет меня на этот раз за руку, а не за запястье, его пальцы сплетаются с моими. Этот жест сначала удивляет меня. Но потом я понимаю, что он подыгрывает мне.

Два покупателя и хозяин магазина смотрят прямо на меня, и у меня возникает ощущение, что моя небольшая игра в туристку привлекает больше внимания, чем я рассчитывала. Может потому что туристы никогда не заезжают в эти края.

Виктор неодобрительно сжимает мою руку.

Секундами позже, не успев ничего понять, я вижу, как оба покупателя уже с пулями в голове, замертво падают передо мной на пол. Я врезаюсь в грудь Виктора, закрываю уши в запоздалой реакции, чтобы приглушить звук выстрелов. Виктор отпускает мою руку и хватает меня за талию, зажимает в одной руке меня, в другой - пистолет.

Слышно, как хлопает дверь в магазине, я, все еще прижатая к Виктору, используя его тело в качестве опоры, поднимаю взгляд, и вижу за окном без стекла, как хозяин магазина куда-то убегает. Виктор толкает меня в сторону и наводит пистолет на мужчину в окне. Единственный выстрел сбивает его, так и не дав ему скрыться из виду, его тело падает на землю и поднимает вокруг себя пыль, которую тут же уносит ветер.

Я мчусь по магазину, мимо двух тел к Виктору, мое сердце бьется прерывисто.

— За что?

Он снова хватает меня за запястье и тащит меня к телам. Я пытаюсь вырваться, но его хватка слишком сильная.

— Они не представляли опасности, — произношу я раздраженно, чувствуя, как слезы обжигают мне горло. — А хозяин... какого... зачем ты убил его?!

Мы останавливаемся рядом с одним телом, и Виктор отпускает мое запястье, так что теперь он может опуститься на колени возле тела. Протянув руку к заднему карману джинсов мужчины, он вытаскивает пачку мексиканских денег. Просмотрев счета и не найдя никаких записок, он бросает деньги на спину убитого и обыскивает остальные карманы, находит пистолет, спрятанный за поясом. Но в этом нет ничего необычного. То же самое он проделывает с другим мужчиной и также не находит ничего стоящего, за исключением связки ключей, которые он решает положить себе в карман.

— Что ты ищешь?

— Я велел тебе оставаться в туалете.

Я удивлена обвинительной интонации в его голосе. Это так непохоже на него, продемонстрировать столько эмоций, хотя не так уж и много.

— Это были не люди Хавьера, — возражаю я. — Я достаточно долго прожила там и помню каждого из них.

Виктор выпрямляется и кажется, что сейчас он выше ростом, чем раньше, но я знаю, что это страх играет злую шутку с моими глазами.

— Ты помнишь тех, кого видела, — говорит он. — Но ты, девочка, глупа, если думаешь, что это его единственные люди.

Я вздыхаю.

— Но они только спрашивали о запчасти к автомобилю. Может, у них сломалась машина. Я слышала их разговор.

— Ты слышала код. — Поправляет он меня. — Он спрашивал хозяина о детали, которая не имеет отношения к машине. — Он смотрит на окно магазина, где припаркован другой

грузовик.— Когда хозяин магазина сказал, что у него есть деталь, он подтвердил что ты здесь.

Чувствуя себя глупо, я продолжаю притворяться, пытаюсь справиться с оцепенением.

— Так почему они ничего не сделали?

Он слегка качает головой.

— Они следили за нами, — отвечает он.— Или они собирались задержать нас. Пойдем. Нам нужно уходить.

Когда я недостаточно быстро иду за ним, он берет меня за руку и выводит из магазина и мы направляемся к грузовику, припаркованному недавно у входа, представляющему из себя груду старого металла, но все же новее того старого ржавого форда, что, должно быть, принадлежал хозяину магазина.

Он открывает дверь с пассажирской стороны.

— Садись, — командует он.

Смутившись, я просто смотрю на него, но в следующий момент, он отрывает меня от земли и заталкивает в кабину. Не смея противиться ему и тратить то малое время, которое у нас есть в запасе, я жду, пока он достает пистолеты из сумки и кидает их между нами на сиденье. Он захлопывает тяжелую дверь, как только он оказывается внутри.

— Что мы делаем?

Он находит нужный ключ и заводит машину с первой попытки, грузовик урчит и начинает оживать. Он дотягивается до коробки передач возле руля и приводит грузовик в движение, едва не задев хрупкий деревянный навес, закрывающий фасад магазина, разворачивается и уезжает.

— Машина слишком бросается в глаза, — говорит он.— Мне нужно было избавиться от нее, но натолкнуться на транспорт здесь, который не поломается через двадцать миль - удача.

— Мне было интересно, почему ты вообще ездил на такой красивой машине, — спрашиваю я.

— Тогда я не был мишенью.

— Теперь из-за меня ты ею стал.

Я выглядываю в боковое окно, наблюдая за грязным вихрем следом за грузовиком. Мы быстро проезжаем по голой пустыне, грузовик трясется и подпрыгивает на выбоинах, до тех пор, пока мы опять не попадаем на асфальтированную дорогу.

— Виктор? — спрашиваю я, и он бросает на меня взгляд, будто то, что я называю его по имени, странным образом нервирует его.

Я решила не говорить то, что собиралась сказать, потому что говорила это раньше и это тогда ничего не решило.

Я смотрю в сторону, он тоже отводит от меня взгляд.

— Неважно, — говорю я.

Придерживайся нового плана, Сэрай, говорю я про себя и чувствую себя глупо, когда на какую-то долю секунды пугаюсь, что он может услышать мои мысли.

Я подожду, пока мы не переберемся через границу, и тогда я сделаю все возможное, чтобы сбежать, даже если для этого мне придется убить его.

Через два часа мы пересекаем границу и выезжаем в Аризону без заминок на пограничном патруле. Виктор разговаривал с Инспектором пограничного патруля, которые

явно видят, что у нас на сиденье подозрительный чемодан и две спортивные сумки. Они перебросились парой слов на испанском, и я совсем ничего не поняла, что навело меня на мысль, что все это, что-то вроде кода, как у мужчин в магазине.

Ни чемодан, ни сумки, ни даже грузовик не были осмотрены. Мне без разницы почему. Меня не волнует, есть ли у Виктора определенного вида связи с пограничным патрулем, которые позволяют ему легко пересекать границу Соединенных Штатов. Это для меня очевидно. Но мне плевать. Все, что меня беспокоит, - это мои следующие шаги.

Изо всех сил я пытаюсь скрыть облегчение и нетерпение, осознавая, что после девяти лет я наконец-то нахожусь на земле США. Я прямо сейчас хочу открыть дверь грузовика, едущего на скорости пятьдесят миль в час по автостраде, выпрыгнуть и кубарем скатиться по земле, напоминаящей пустыню, навстречу к свободе, набивая синяки и получая раны. Но я не могу. Нужно подождать еще немного, пока мы не остановимся где-то, где я могу скрыться. Возможно, в городе. Маленькая заправка на отшибе не подойдет. Если мне повезет, и я смогу сбежать, это будет не открытая местность, где все видно как на ладони.

Мне не хочется закончить как хозяин магазина, лицом в грязь и с пулей в спине.

Наконец я вижу огни ночного города и здания на горизонте, кажущиеся маленькими на фоне гор. Вскоре мы останавливаемся на парковке за пятизвездочным отелем в Дугласе, штат Аризона.

Я выхожу из грузовика и закрываю дверь, пока Виктор забирает сумки с переднего сиденья. Осматриваясь вокруг, решая, куда лучше всего бежать и где я могу спрятаться, когда он начнет искать меня, я понимаю, что единственное, куда я могу бежать, это через улицу, туда, где расположено больше зданий.

Я незаметно смотрю на Виктора и, пользуясь секундой, когда он закидывает на плечо спортивную сумку, стремглав бросаюсь к улице. Несусь через фары и легко уворачиваюсь от машин, я перебегаю на другую сторону, со всех ног мчусь мимо маленького здания с арочными окнами. Шлепанцы бьют меня по пяткам, пока я бегу. Я практически спотыкаюсь, когда бегу по асфальту и поношенная резина изгибается под ступнями. Но я вовремя удерживаю равновесие, с трудом притормаживаю, оглядываюсь назад посмотреть, не преследует ли меня Виктор. Я вижу, как он бежит через небольшую толпу людей, и прибавляю скорость, пытаюсь как можно дальше оторваться от него. Практически задыхаясь, я заставляю свое тело бежать, пробегаю мимо припаркованных машин и других зданий. Вижу, как передо мной идет женщина с сумочкой на плече.

— Женщина! Пожалуйста, помогите мне!

Она поднимает голову, когда я оказываюсь возле нее, ее светлые волосы ниспадают на плечи.

— Пожалуйста, вы должны мне помочь! Вызовите...

Справа появляется Виктор, он обошел другую сторону ближайшего здания, вместо того чтобы встать прямо за мной. Он остается возле здания, прячась. Его могу видеть только я. Я замечаю в его руке пистолет, который он прижимает к ноге.

— Что случилось? Вы в порядке?— спрашивает женщина, прижав сумочку рукой, вероятно на случай, если я попытаюсь ее отобрать.

Мой взгляд блуждает между ними двумя, и в какой-то момент женщина поворачивается налево узнать на что я смотрю, но Виктор стоит спрятавшись в тени.

Я знаю, почему он не шевелится. Знаю, что пистолет находится у него в руке, а не за поясом брюк. Жить или умереть этой женщине решать мне.

— Мисс? — снова спрашивает она меня с обеспокоенным видом, в то же время опасаясь и меня. — Мне вызвать полицию?

Я стараюсь отдышаться, прижав руку к груди, но понимаю что это уже не из-за бега. Мысль, что Виктор застрелит из-за меня женщину...

Она достает из сумочки сотовый телефон.

Виктор чуть приподнимает пистолет.

— Нет! — выкрикиваю я, и женщина застывает с телефоном в руке, которую украшают кольца.

— Простите. Я спутала вас с другой. - Я размахиваю руками.

Звучит не очень убедительно. Она прищуривается.

— Серьезно, мне очень жаль. — Я выдавливаю из себя смешок. — Я со своим другом... неважно. Мне нужно идти.— Я поворачиваюсь и начинаю бежать обратно, покинув потрясенную женщину.

Через несколько минут я снова стою возле грузовика, скрестив руки на груди и жду. Мимо проходят два человека, один из них даже кивает и улыбается мне, но я не могу попросить их о помощи. Я не хочу рисковать.

Виктор подходит, как ни в чем не бывало, будто возвращается с утренней прогулки. Он открывает дверь с водительской стороны и закидывает на плечо спортивные сумки. Я стою спиной к нему, но чувствую, что он смотрит на меня по другую сторону от грузовика.

— Ты кровожадный ублюдок, — спокойно говорю я, нервно сжимая пальцами свои руки.

— Сядем в машину. — Говорит он, но затем добавляет. — И если ты еще раз попытаешься сбежать или что-нибудь выкинуть, я сделаю так, чтобы кое-кто узнал о том, как твоя подруга - кажется Лидия? - помогла тебе бежать.

Дверь хлопает с грохотом, в то время как я стою, остолбенев.

Я добровольно иду за ним в гостиницу.

Холл гостиницы украшен лампочками и красивыми картинами. На несколько метров простирается расписной витраж вдоль мезонина над мраморной лестницей. Высокие мраморные колонны поддерживают массивный потолок. Изнутри, кажется, что здание не соответствует маленькому пыльному городку. Покончив с регистрацией, Виктор ведет меня вверх по лестнице и мой интерес к обстановке сходит на нет, когда слышится его голос.

— Можешь принять душ, если хочешь.

Он кидает одну спортивную сумку на пол между двумя кроватями, другую на стол около окна, открывающего вид на город. Его блестящий чемодан, в котором, как я предполагаю, лежат пистолеты, он кладет на большую кровать, расположенную рядом с дверью.

Он протягивает обе руки и широко открывает занавески на окне. На улице становится темнее. Я вижу слабый свет уличных фонарей.

— Виктор, — произношу я, но он прерывает меня.

— Предпочитаю, чтоб ты не называла меня по имени.

— Почему? Это же твое имя. Как мне называть тебя?— Я поражаюсь себе каждый раз, когда бросаю ему вызов. Потому что в душе я ужасно боюсь того, что он может со мной сделать.

— Не имеет значения, — говорит он, садясь за стол и открывая замок на сумке. — Просто прими душ.

— Послушай, — говорю я, обходя кровати и приближаясь к нему. — Я напугана. Ты до

смерти пугаешь меня. Я не хочу притворяться, что это не так. То, что происходит со мной, наводит ужас...

— Ты как-то странно это демонстрируешь, — говорит он, даже не дав мне возможности увидеть его глаза. Он вытаскивает что-то вроде цифрового прибора, по размеру меньше чем ноутбук. — Я бы сказал, тебе не в первой, быть в передрягах, чтобы так сильно испугаться. — Он ставит прибор, а затем и спортивную сумку на стол. Думаю, это устройство — какой-то цифровой планшет.

— Может и так. — Я сглатываю, поднимаю подбородок. — Отчасти. Но какое это имеет отношение к тому, что я называю тебя по имени? — То, в чем он меня обвиняет, сказано в точку, но то, через что я прошла, его не касается. До тех пока он не намерен мне помочь, о чем, как мы уже выяснили, он даже не помышляет. — Почему это тебя волнует?

— Я не говорил, что волнует.

— Тогда не докапывайся, — огрызаюсь я.

Тот факт, что во время разговора он даже не смотрит в мою сторону, злит меня. И чем больше он делает это, ведет себя так, будто я не стою его взгляда, тем больше меня это бесит. А когда я злюсь, я всегда плачу. Так было всегда, сколько я себя помню. И я ненавижу это. Я никогда не кричу, не ругаюсь, не бью предметы или людей. Я плачу. Каждый раз.

Как только глаза наполняются слезами, я отворачиваюсь от него и быстро иду в туалет. Но останавливаюсь и поворачиваюсь еще раз посмотреть ему в лицо, мои ногти глубоко впиваются в ладони, руки спущены по бокам.

— Иди к черту! — это все, что я могу сказать, в слабой попытке разразиться словами, а не слезами.

Глава 7

Кажется, прошла вечность с тех пор, как я принимала такой горячий душ. В лагере время от времени я мылась под душем - я была единственной девушкой, которой предоставлена такая роскошь - но это было совсем не то. Вода там всегда была чуть теплой, а не такой горячей, способной обжечь кожу спины. Я сначала даже не включаю холодную воду, позволяя себе понежиться в горячей, пока не становится слишком горячо и приходится пустить холодную воду. Я хочу навсегда остаться тут и не думать о том, что ждет меня дальше по другую сторону двери, но реальность выигрывает, и теперь я думаю только о ней. Я сижу в ванне под струями воды, стекающими по мне сверху, прижав колени к груди и обхватив их руками.

Я много думаю о Лидии, гадая, все ли с ней в порядке, или из-за меня Изель избивает ее чаще, чем обычно. Знаю, что она избивала. И хотя я никак не могла остановить это, дала Лидии обещание, которое собираюсь выполнить. Я не позволю этому продолжаться вечно.

Но если они выяснят, что она знала о моем побеге...

Примерно через час горячая вода начинает остывать, и я выбираюсь из ванны, замотав волосы в полотенце, которое аккуратно сложили на крышке унитаза. Хотелось бы, чтобы у меня была чистая одежда, хотя бы трусы - все осталось в наволочке в машине Виктора, которую мы бросили. Я надеваю свои грязные спортивные шорты на трусы, затем натягиваю голубой топик на грудь. Хавьер всегда запрещал мне носить лифчик.

Когда я выхожу из ванной комнаты, Виктор все еще сидит на том же самом месте. Но возле ножки кровати чемодана уже нет.

Как только я подхожу к кровати, где раньше лежал чемодан и собираюсь присесть, Виктор поднимает голову и ловит мой взгляд. Он не говорит ни слова, но я чувствую, что в

нем что-то поменялось. На мгновение мне становится не по себе от его необычного поведения. Думаю, он даже не подозревает, что я вижу сейчас этот спокойный взгляд, который, пробуждает во мне интерес. Он почти... печальный.

— Расскажи мне о своей матери, — просит он.

Виктор поворачивается в кресле, обратив все свое внимание на меня, кладет руки на ручки кресла, свесив пальцы вниз. Рукава его белой рубашки закатаны почти до локтей.

Потрясенная вопросом, я тупо смотрю через комнату.

— Зачем? — просто спрашиваю я, не зная, как он распорядится этой информацией. Я продолжаю путь и сажусь на кровать, обеими руками высушивая волосы полотенцем. Но делаю я это только для вида; каждой клеточкой я сосредоточена на Викторе и его движениях.

Он не поясняет. И на случай если он решит передумать и снова принять безразличный вид, я заговариваю, пока еще не поздно.

— Что ты хочешь знать?

Я высушиваю полотенцем прядь волос и бросаю его на пол.

Виктор наклоняет голову в сторону, затем соединяет руки перед собой, его локти все еще находятся на ручках кресла.

— Как она познакомилась с Хавьером?

Я задумываюсь на мгновение.

— Не знаю, — отвечаю я. — Я знаю, это было связано с наркотиками и сексом. Так же как она знакомилась с каждым мужчиной, которого она приводила в наш дом. Я мало разговаривала с матерью.

Виктор задумчиво склоняет голову в другую сторону. Чего он ждет? Я рассматриваю его мгновенье, пытаюсь понять, что заставило его заинтересоваться моей матерью и, наконец, решаюсь рассказать обо всем. Может быть потому, что мне уже давно нужен был кто-то, кто мог бы выслушать меня. Лидия и другие девочки были слишком травмированы собственным похищением и опытом, полученным в лагере, чтобы я могла довериться им. В их жизнях было намного больше хаоса, чем в моей, намного больше... несправедливости. Я никогда не могла заставить себя разговаривать с другими девочками о своих незначительных проблемах, в то время как их били, насиловали, психологически и эмоционально унижали.

По сравнению с ними я жила в раю.

Я отогнала воспоминания и снова взглянула на Виктора.

— В первый раз, когда я увидела Хавьера, я поняла, что он отличается от других мужчин, которых мать приводила домой. Более властный. Воздух вокруг него был пропитан надменностью. Бесстрашный. Уверенный. Другие мужчины - а их было немало - были мразями. Они не могли дождаться, чтобы пройти по нашей крошечной комнате мимо меня и начать приставать к матери. Это были отвратительные, ничтожные существа.

— А Хавьер не был? — спрашивает он.

Я качаю головой, теперь уставившись на стену.

— Он был отвратительным из-за того, чем он занимался и как он использовал мою мать, да, но он был слишком профессионалом, чтобы быть ничтожеством.

— Профессионалом? — С любопытством он смотрит на меня.

— Да, — киваю я. — Как я сказала, он был властным. Хотя в то время я не знала, кем он был, но я знала, что он не похож на других. В двенадцать лет я перестала бояться за мать и опасаться, что она может влипнуть в историю. Привыкла к этому. Она всегда могла

добраться до дома. Несмотря на то, что она была обдолбана и иногда избита, она никогда не вызывала полицию и не казалась напуганной, поэтому я, также как и она, начала верить в ее безопасность. — Я опять посмотрела на стену, сжимая руками край кровати по обе стороны от себя и втянув голову в плечи. — Но когда я увидела Хавьера, я снова испугалась за нее. Испугалась за себя.

Я встречаюсь глазами с Виктором и продолжаю:

— В тот момент, когда я увидела его, поняла, что моя жизнь кончена. Не знаю, почему и как, но я просто знала. То, как он смотрел на меня. Я знала...

Мой взгляд перемещается на пол, покрытый ковром.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? — я снова поворачиваюсь к нему. — Откуда внезапно такой интерес?

Я ловлю его взгляд на цифровом планшете, лежащем на столе рядом с ним. Смотрю на планшет доли секунды, задаваясь вопросом, как много тайн он содержит. Виктор встает из-за стола, и мои глаза следуют за ним, пока он идет ко мне.

— Повернись, — говорит он, стоя надо мной.

Я поднимаю голову и смотрю ему в лицо. Он стоит слишком близко, заполняя мое личное пространство, и это пугает.

— Что? — спрашиваю перепуганная я, предчувствуя худшее.

Он наклоняется, достает спортивную сумку, лежащую между кроватями, и отыскивает там веревку, такую же, какой я привязывала Изель к стулу.

— Повернись, — снова говорит он.

Я яростно трясу головой.

— Нет, — говорю я и отползаю назад по кровати.

Он хватается меня за талию и переворачивает на живот.

— Мне нужно поспать, — говорит он, прижимая колено, хоть и бережно, к моей спине. — Придется потерпеть. Мне жаль.

— Не связывай меня! Пожалуйста! — Я пытаюсь высвободиться, но он хватается мою руку и прижимает к спине. Я борюсь, пинаюсь, извиваюсь, но он слишком сильный. Чувствую себя ланью в лапах льва.

— Тебе жаль!? Тогда не делай этого! Пожалуйста, Виктор!

Он хватается мои запястья, которые удерживает у меня за спиной, сжимает сильнее, и я не могу не думать, что это происходит из-за того, что я назвала его по имени, а не из-за моего сопротивления. Вжимаясь лицом в матрас, я чувствую, как Виктор обматывает мои запястья веревкой и завязывает несколько крепких узлов. Он удовлетворен тем, что я не могу освободиться, встает с кровати и хватается меня за лодыжки. Я подтягиваю ногу и ухитряюсь лягнуть его прямо в живот, но он не обращает на это внимание. Просто смотрит на меня, ловит мою ногу в воздухе во второй попытке лягнуть его и сжимает мои лодыжки рукой.

Слезы текут из моих глаз, и я прекращаю бороться.

Виктор осторожно переворачивает меня на бок лицом к стене, спиной к кровати, на которой он будет спать. Мысль о том, что он будет находиться за мной всю ночь и что я не смогу видеть его, ужасно нервирует меня.

Лампа между кроватями гаснет, частично погружая комнату в темноту. На улице еще не темно, только что село солнце, но я достаточно вымотана и мне кажется, что сейчас два часа утра.

Какое-то время я тихо плачу в подушку, раздумывая о маме и всех тех вещах, о которых

Виктор заставил меня вспомнить. Думаю о Лидии и миссис Грегори, которая жила через два трейлера от меня; они были моей единственной семьей. И когда неудобное положение рук начинает причинять мне боль, я переворачиваюсь на другой бок. Вглядываюсь в темноту и вижу на другой кровати Виктора, лежащего на боку спиной ко мне. Он полностью одет. Я замечаю, что на нем хотя бы нет обуви, вместо нее только тонкие черные носки. Интересно, спит ли он.

— Виктор?

— Спи, — он даже не шевелится.

— Когда ты вернешь меня Хавьеру, ты хотя бы дашь мне пистолет?

Между нами повисает тишина.

— Дашь? — снова спрашиваю я, потревожив тишину. — Тогда я смогу постоять за себя.

Либо я убью Хавьера, либо умру, зная, что хотя бы попыталась.

Плечо Виктора медленно поднимается и опускается, когда он делает глубокий вдох.

— Я подумаю об этом. А сейчас спи.

Глава 8

Виктор

Я просыпаюсь в 3:42 утра, под прицелом своей пушки 9-миллиметрового калибра.

— Какой пароль? — требует девушка.

Она держится на значительном расстоянии. Впечатляет.

— Пароль, — повторяет она строго, кивнув в сторону стола, где лежит мой iPad.

Я не двигаюсь. Может ей и хватает смелости, но она нервничает и мне не повезет, если она меня случайно пристрелит.

— Заглавная F, шесть, восемь, маленькая k, три, ноль, ноль, пять, заглавная L, заглавная P, маленькая w, шесть. — Учитывая ее местоположение, я с легкостью могу отнять у нее пистолет прежде, чем она выстрелит, но я не готов. Пока.

Девушка пытается повторить каждую букву в точности, как я сказал. Без ее просьбы все повторяю, и даже этот жест ее смущает.

Осторожно приподнимаюсь на кровати, и она крепче сжимает пистолет. Если бы она случайно нажала на спусковой крючок, то только повредила бы мне скулу. Пуля могла пройти сквозь мою челюсть. Я был бы обезображен, но жив.

— Ты же не хочешь увидеть то, что находится на этом компьютере, — говорю я.

— Тогда признай, — нервно говорит девушка. — Что-то случилось. Ты что-то узнал, пока я была в душе.

Сейчас я стою. Она все еще не пристрелила меня. И не собирается, если я не попытаюсь к ней подойти. Хотя я уже не так впечатлен. Если бы я был ей, то уже всадил бы пулю в мой череп.

Киваю в ответ. Я лишь слегка удивлен тем, что она вообразила, что легко выберется. Мне не стоило спрашивать о ее матери. Она умная девочка, это точно, хотя все еще слишком сочувствующая и человечная, чтобы выбраться из этого живой.

Держа пистолет правой рукой, не сводя с меня взгляда, она делает три с половиной шага назад и тянется к iPad, по секунде смотрит то на него, то на меня, достаточно долго, чтобы ввести пароль. После целой минуты растерянности, не способная что-либо найти, девушка указывает пистолетом на iPad и отходит от стола ближе к стене.

— Найди это, — требует она. — Что бы это ни было.

Ее руки, сжимающие рукоять пистолета, трясутся.

— Я говорю в последний раз, ты не хочешь это видеть.

— Просто покажи мне!

Она плачет. Слезы скатываются по ее щекам. Я заметил, что с правой стороны у нее дергается губа. Вероятно, у нее больной желудок, нервы ни к черту. Мельком увидел валяющиеся на полу веревки, которыми я ее связывал. Они не были перерезаны. У нее маленькие руки, маленькие запястья. Художественная работа по освобождению от узлов. Я заметил часы между кроватями. Вижу, что ей на это потребовалось слишком много времени.

— Скорее!

Ее глаза покраснели и блестят от влаги.

Я развернул iPad на столе дисплеем к себе. Пальцем открыл мой личный почтовый ящик и в папке, где хранились полученные сообщения, нашел послание, пришедшее прошлой ночью от моего связного:

— Что ты наделал? — спросил Флейшер прошлой ночью по видеосвязи. — Девчонка не была частью сделки.— Немецкий акцент всегда пробивался через его английский.

— Дочь Гузмана была здесь, — сказал я.— Я видел ее в лагере перед тем, как вошел в дом. — Я раз заглянул в уборную, где девушка купалась, после пятнадцати минут ожидания. — Хавьер Руис провел впечатляющую операцию.

— Ты уверен, что видел ту самую девушку?

Я был оскорблен тем, что Флейшер недостаточно мне доверяет, что после стольких лет совместной работы и отсутствия ошибок с моей стороны, он до сих пор меня проверяет.

— Это была та самая девушка, — спокойно подтвердил я.— Хавьер согласился, я взял половину денег и ушел, как мне и было приказано.

— И как тогда к тебе попала другая девушка?

— Она сбежала из лагеря и спряталась в моей машине.

— И ты не знал, что она там? — он выглядел удивленным.

— Да, знал, — подтверждаю я.

— Тогда объясни, почему...

— Вспомни, Флейшер, ты не мой работодатель. Было бы умнее не говорить со мной так, будто ты — это он.

Флейшер проглотил свою гордость и поднял подбородок, чтобы казаться увереннее, хотя в этот момент он был ниже меня.

— Что предложил Хавьер за убийство Гузмана?

— Не часть того, что предложил Гузман за убийство Хавьера и Изель, спасение и возвращение его дочери.

— Я мог выполнить контракт, пока был там, — добавил я.

— Да, — сказал Флейшер.— Но это не входило в план, так же как и спасение беглянки.

— Девчонка может быть полезной.

— Пока она этого не доказала, — сказал Флейшер с вернувшейся к нему уверенностью, которую я сорвал с него прежде. — Все изменилось. План. Контракт. Твои обязанности.

— Каким будет новый приказ? — Спросил я.

— Воннегут еще не отдавал приказов, — сказал он.— Он ждет связи со мной. Новый приказ будет зависеть от той информации, которую я сейчас от тебя получаю.

В этот момент мы смотрели друг другу в глаза, думая об одном и том же: ты мой брат и я не предаю тебя, неважно, какая у нас профессия и какие приказы каждый из нас получает.

Мы оба знаем, что у нас один отец. Но годы, прошедшие с тех пор, как мы были рекрутами Ордера, куда попали мальчиками, мы росли раздельно. Часто было легко забыть, что в нас течет частица одной крови, особенно Флейшеру по имени Николас, жившему в моей тени в Ордере так много лет.

Я просто кивнул, зная, что Николас передаст нашему работодателю, Воннегуту, все, что мне надо.

Чтобы сохранить наши с братом отношения, я предложил ему информацию, о которой он не спрашивал:

— Девушка может быть полезной, Николас, — повторил я, обращаясь к нему по имени, предлагая перемирие. — Похоже на то, что она нужна Хавьеру больше, чем он хотел бы нам показать.

Николас кивнул в ответ, понимая мои намерения.

— Ты хочешь использовать девушку в торговле за дочь Гузмана, — констатировал он.

— Если до этого дойдет, то да, — сказал я. — Скажи Воннегуту, что я все держу под контролем, но буду ждать от него любых приказов, как бы он не решил.

— Я скажу ему, — согласился Николас.

Я нажал на кнопку "проиграть", чтобы посмотреть видео, посланное Хавьером Воннегуту, которое Флейшер как мой связной должен был передать мне.

Я подумал, у Хавьера подруга девушки, Лидия, в сложном положении. Он хочет, чтобы девушка увидела это, узнала, что если она не сдастся или не попросит меня вернуть ее к нему, то Лидия умрет. Когда я увидел сцену, развернувшуюся на видео передо мной, понял, что мексиканский наркобарон гораздо более жестокий, чем думал Ордер.

Я услышал, как выключился душ и провел пальцем по экрану, чтобы закрыть видео, после чего отключил iPad.

Девушка будет опустошена. Если она узнает об этом, это ее сломает.

Но я могу использовать это как мое преимущество.

Теперь записанное видео проигрывается, я поворачиваю iPad на столе так, чтобы она его видела. Она смотрит вниз всего пару секунд, пистолет трясется в ее руках, и снова на меня, боясь, что я могу пошевелиться. Но когда видит свою подругу, Лидию, переключает все свое внимание на видео, опуская руки. Я не использую свое преимущество, полученное из-за этого. Засовываю руки в карманы брюк и стою, наблюдая, как глаза девушки расширяются в смятении, пока проигрывается видео.

Хавьер обходит вокруг Лидии, привязанной к стулу, красная бандана затыкает ее рот. Ее лицо мокрое от слез и пота. На левом глазу у нее синяк и опухоль. Ручеек крови капает из ноздри.

— Для тебя, Сэрай, — говорит Хавьер в камеру, когда Изель встает рядом с Лидией и наматывает ее волосы на кулак. — Я хочу, чтобы ты вернулась в течение тридцати шести часов. — Девушка зажимает рукой дрожащие губы, пистолет не был направлен на меня все прошедшие долгие секунды. — Или она умрет, и это будет твоя вина.

Изель отводит кулак и бьет Лидию в лицо и без того избитое и покрытое синяками. Тело Лидии откидывается назад и еще больше слез льется из ее глаз. Кровь течет из нижней губы.

Девушка бросает пистолет на пол и тянется к iPad, скидывает его со стола и падает на колени, рыдая, закрывает лицо руками.

Я сажусь на край кровати, не трогая пистолет на полу и оставляя девушку одну в момент

отчаяния.

Глава 9

Сэрай

Я ничего не вижу перед собой. Сквозь жгучие слезы, сквозь туман перед глазами, сквозь злость, ненависть и боль, пронзающую мою нервную систему. Мое тело как-то оказалось на полу. Я лежу, вжимаясь лицом в ковер.

Не Лидия... Кто угодно, но не она. Она невинная и хрупкая. Она никогда не сможет это вынести. Не как я...

Это настолько отдаляет меня от реализации моих планов, что я больше не держу пистолет, больше не контролирую ситуацию. В момент слабости, травмированная страданиями подруги, я потеряла свое преимущество. И я это заслуживаю. Заслуживаю любое наказание, которое мне приготовила судьба, потому что я сбежала, а Лидия - нет. Я должна была использовать телефон, находящийся в пяти футах от меня на тумбочке между кроватями, чтобы позвонить в полицию. Я должна была вызвать их до того, как его разбудила, но я слишком настойчиво пыталась узнать информацию, известную Виктору, а не мне. Я все еще надеялась, что он мне поможет, по крайней мере, сказав, где находится лагерь, чтобы у меня было хоть что-то, что сказать властям.

Я должна была пристрелить его, когда у меня был шанс.

Краем глаза я вижу на полу неподвижные ноги Виктора в черных носках. Я слегка приподнимаю голову. Мои глаза перемещаются с низа его штанов вверх к талии. Его предплечья покоятся на бедрах, ладони мягко охватывают колени. Он сидит достаточно прямо, его глаза пристально смотрят вперед.

Наконец, он поворачивает голову и переводит глаза на меня.

— Мне жаль, — говорит он абсолютно бесстрастно, но я каким-то образом замечаю слабый намек на эмоцию, спрятанный в глубине его глаз.

— Ты должен вернуть меня обратно, — говорю я, поднимаясь. — Ты не можешь позволить ей умереть. — Мой голос дрожит.

Виктор снова пересаживается к столу и начинает перебирать содержимое своей спортивной сумки. Мне не хочется знать, что он делает и как он планирует отсюда выбираться. Я больше думаю о Лидии и о том, что видела в том видео; эта картина навсегда выжжена в моем разуме. Часть меня хочет обвинить во всем этом Виктора, просто потому что он тот, кто он есть и потому что он мог бы быть человечнее достаточно долго, чтобы помочь мне забрать ее оттуда. Но я продолжаю винить себя, потому что на самом деле ни разу не попросила Виктора помочь мне ее освободить. Он отказался помочь мне, так что я знала, что он не вернулся бы туда за ней.

Во всем виновата я. Я могла бы сделать все по-другому, по-другому спланировать свой побег. Могла заставить Лидию вылезти в окно со мной той ночью.

Кажется, что есть много вещей, которые я могла иметь и должна была сделать. Я никогда не представляла себя немой девочкой из фильма ужасов, бегущей по страшному дому или через темные леса, путающейся в собственных ногах и спотыкающейся. Я предполагаю, что мы - все те, кто качает головами от глупости других, пока сами не получаем травмирующий опыт.

Ранним утром солнечный свет потихоньку начинает заливать комнату. Единственное движение, которое я сделала за всю прошлую ночь - перевернулась на другой бок так, чтобы

держат Виктора в поле зрения. Я не боюсь его. Больше не боюсь. Но, тем не менее, я не могла не знать, где он был.

Моя спина болит, а лицо зудит из-за отпечатка потрепанного ковра, оставшегося на коже.

Виктор сидит на стуле возле стола с обувью в руках, как будто он спокойно ждал наступления дня.

Я поднимаю свое болящее тело с пола и заставляю себя встать.

— Мне не важно, что ты сделаешь со мной, — говорю я. — Просто верни меня к Хавьеру, пожалуйста. У меня мало времени.

Лицо Виктора выражает любопытство.

— Ты не вернешься в лагерь.

Я ошеломленно моргаю от его слов.

— Что? Нет... — Я протестующе трясую головой. — Нет, ты должен вернуть меня! Ты смотрел видео! Они убьют ее!

Он встает со стула и расправляет рукава своей белой рубашки, которая сейчас аккуратно заправлена в брюки и застегнута вокруг его сильных запястий.

— План изменился, — спокойно говорит он.

Я практически бросаюсь к нему, останавливаясь всего в дюйме от его тела, мои глаза расширенные, дикие и неверящие.

— Нет, Виктор! — Он отступает. — Я должна вернуться! Ты не понимаешь?! Мы... я должна помочь ей! Я хочу, чтобы Изель умерла! Я хочу, чтобы Хавьер умер за то, что он сделал!

— Он умрет, — говорит Виктор.

Он отворачивается и застегивает "молнию" на спортивной сумке.

Я преодолеваю последние несколько дюймов пространства между нами и толкаю его обеими руками.

— Я возвращаюсь с тобой или без тебя! — Он хватается за запястья и крепко их сжимает. — Пожалуйста... — Слова исчезают с каждой унцией отчаяния во мне.

Он внимательно рассматривает мое лицо, так близко, что я могу ощутить его теплое дыхание.

— Просто будь терпеливой, — говорит он, ошеломляя и вводя меня в ступор.

Он отпускает мои запястья, когда чувствует, как я начинаю отходить назад, подальше от него.

— Терпеливой? — Я не могу поверить, что он мне это сказал. — Нет времени быть терпеливой! Как ты можешь говорить такое?

Он наклоняется, запускает руки под матрас ближайшей к окну кровати и убирает его в сторону, открывая пустое пространство под ним, окруженное деревянной рамкой, которая держит кровать. Он берет спортивную сумку, прячет ее и чемодан внутри, после чего возвращает на место матрас.

— Я жду слова, — говорит он.

— Слова от кого?

Раздраженный моими вопросами, он вздыхает.

— От Хавьера.

— Почему?

Я не знаю, что сказать и во что верить. Все, что я знаю, - мой разум не в силах понять

происходящее.

Виктор идет к двери и оглядывается на меня.

— Идем, — говорит он, кивком указывая мне следовать за ним.

— Что, ты не собираешься связывать мне руки и тащить по коридору за запястье? Что если я убегу?

— Не убежишь.

— Ты так не думаешь? — противлюсь я.

Он встряхивает головой.

— Нет, ты не сбежишь, потому что только я знаю дорогу обратно к Хавьеру.

Я просто стою на месте.

Виктор кладет руку на серебристую ручку и открывает дверь.

— Ты идешь или остаешься здесь?

Я безучастно смотрю на него через комнату.

Может быть, он поможет мне потом. Может быть, после того, как увидит, что Изель и Хавьер сделают с Лидией, Виктор вспомнит ощущение угрызений совести, если он вообще знает чувства, на них похожие.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, зная, что это где-то недалеко, раз он оставляет свои сумки здесь.

— Завтракать.

Глава 10

Виктор

Прошло больше двух часов, но я не получил ни слова. Ничего от Николаса или Воннегута. Ничего от Хавьера или Гузмана. Девушка была вне себя от беспокойства. В отеле я купил ей завтрак, но она едва ли откусила кусочек, только поковыряла вилкой омлет. Возможно, это результат беспокойства о подруге, но я нахожу ее неспособность непрерывно задавать вопросы или пытаться побеседовать со мной освежающей.

Я задаюсь вопросом, почему она до сих пор не попыталась связаться с членами семьи. Сложно поверить в то, что, несмотря на опасную ситуацию, в которую попала ее дорогая подруга, она не проявляет интерес к звонку сестре, бабушке или тете. В то, что она не воспользовалась единственной возможностью прошлой ночью, пока я спал.

Все это приводит меня к двум теориям: она больше заботится о жизни своей подруги или у нее нет семьи. Возможно, и то, и другое. Я вполне уверен, что так и есть.

Ногой я ощущаю вибрацию моего сотового телефона, встаю из-за стола в кафе и достаю его, чтобы ответить на звонок.

Девушка немедленно обращает на меня внимание.

На дисплее высветилось кодовое имя моего брата.

— Кто это? — спрашивает девушка, вставая рядом со мной.

Я пробежался пальцем по окошку ответа, держа телефон вниз дисплеем напротив груди, жестом указав девушке сесть обратно, говорю.

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Я выйду наружу, чтобы ответить на вызов. Надеюсь, ты будешь здесь, когда я вернусь. — Я знаю, что она никуда не уйдет.

Она глубоко и тяжело дышит, скрещивает руки и садится на свое место, несомненно, желая только одного - выйти вслед за мной и ловить каждое мое слово.

— Хорошо. — Она стискивает зубы за слегка сжатыми губами.

Я выхожу через главную дверь и прикладываю телефон к уху.

— Я собираюсь подключить Хавьера к этому вызову, — говорит Николас. — Ты готов?

— Да, — отвечаю я и жду, пока Николас подключит.

Голос Хавьера кипит от с трудом сдерживаемой злости, когда он включается в разговор:

— Ты умрешь за то, что ты сделал, — говорит он на английском. — Сэрай должна быть возвращена мне в ту же секунду, как ты ее найдешь!

— Что сделано, то сделано, — говорю я. — Объясни причину нашего контакта.

Я слышу его тяжелое дыхание в трехстороннем соединении. Николас сидит, тихо слушая.

Наконец, Хавьер берет себя в руки.

— Я все еще хочу, чтобы Гузман был убит за цену, о которой мы договаривались. И я дам тебе миллион сверху, американец, за убийство Сэрай.

Убить ее? Я не ожидал, что переговоры с Хавьером смогут меня удивить. Это очень интересно, на самом деле.

— Почему ты желаешь ее смерти? — спрашиваю я.

— Не важно, — говорит он. — Причины не имеют значения в этом бизнесе. Ты должен это знать.

Я это знаю и это первый случай, когда я спросил, почему клиент хочет смерти цели.

— У меня для тебя есть предложение получше, — заявляю я. — Ты привезешь ко мне подружку девчонки, Лидию и еще одну девушку из твоего лагеря - фото будет прислано тебе сразу после этого звонка — в Грин Вэлли, штат Аризона, в течение двадцати четырех часов. Я обменяю эту девушку на тех двоих, после чего убью Гузмана, а затем верну обратно девушек, как только мне полностью заплатят.

Я не хотел слышать комментарии Николаса, зная, что он совершенно не согласен с этим, но тот по-прежнему молчал.

— Ты имеешь в виду дочь Гузмана, — проверяет Хавьер, зная. — Я прав?

— Да, — говорю я, — Если не ясно, Гузман заплатил за ее возвращение к нему.

Хавьер смеется.

— И все это время я думал, что он пытается меня убить! — Он старается отойти от этого юмористического открытия. — А ты хорош, — говорит он. — Я дам тебе их. Выполнишь два контракта за раз. Покажи Гузману его дочь, возьми деньги за ее возвращение, а затем обернись и убей его и забери деньги, которые плачу я за его убийство. — Он снова смеется.

Я остаюсь спокойным и бесстрастным.

— Заключаем сделку или нет?

— Значит, ты принимаешь контракт на убийство Сэрай? — спрашивает он.

— Сейчас, — начинаю я, — она - мой единственный рычаг. Как только я сделаю то, за что ты мне заплатил, я верну ее тебе, и делай с ней что хочешь. Это не моя проблема.

Николас завершает звонок после того, как мы приходим к соглашению. И перезванивает мне, как только узнает, что линия Хавьера отсоединена.

— Виктор, ты не можешь этого сделать, — требует Николас. — Ты заключаешь сделки без...

— Какие указания дал Воннегут? — спрашиваю я.

Я заглядываю в окно, чтобы увидеть встревоженную девушку, все еще сидящую в кафе отеля.

— Он их еще не давал, — говорит Николас.— Тебе не позволено заключать такие сделки, только выполнять их.

— Тогда скажи Воннегуту, что я только пытаюсь сохранить власть, — объясняю я. — В тот момент, когда Хавьер поймет, что у меня нет полномочий предлагать и принимать такие условия, он решит, что ему все сойдет с рук и станет требовать больше. Я не имел в виду неуважение, и Воннегут должен мне поверить. Прежде он всегда доверял моим решениям. И у него нет причин не доверять мне сейчас.

Николас молчит. Я верю, он использует против меня тот факт, что Ордер доверяет мне, а ему они никогда не предоставляли такой же роскоши.

— Очень хорошо, — соглашается Николас.— Я скажу Воннегуту. Но, Виктор, ты становишься неуправляемым. — Он делает паузу, как будто решает, следует ли ему продолжать. — С миссии в Будапеште в прошлом году, я заметил перемены в тебе. Думаю, Ордер еще не увидел, но это только вопрос времени.

— Николас, — говорю ему я заботливо как своему брату, а не связному, — Я благодарю тебя за твое благоразумие. Сейчас мог бы ты сделать кое-что для меня?

— Я когда-нибудь тебе отказывал?

Я разъединяюсь с Николасом, засовываю телефон обратно в карман и направляюсь в отель искать девушку.

Она мерила шагами пол, но, когда заметила меня, остановилась, ее руки разомкнулись и упали, на лице появился вопросительный взгляд.

— Пойдем со мной, — говорю я, беря ее за локоть.

— Куда мы идем? — Она следует за мной без вопросов или споров.

— В Грин Вэлли.

— Но зачем, Виктор? Что происходит?

Я бросаю на нее быстрый взгляд и тяну за руку, когда мы заходим за угол верхней площадки лестницы.

— Я скоро скажу тебе, — говорю я, — но сначала ты мне кое-что расскажешь.

Мы проходим по коридору и останавливаемся напротив двери нашего номера, пока я выуживаю из кармана ключ-карту.

Девушка выглядит растерянной.

— Ты должна рассказать мне, почему Хавьер Руис хочет тебя убить.

Она в шоке.

Глава 11

Сэрай

Виктор быстро подходит к кровати и небрежно поднимает матрас. Держа его одной рукой, другую он засовывает внутрь и достает сумки одну за другой, отставляя их с сторону.

— Я не понимаю, — говорю я, скрещивая руки на груди и потирая плечи вверх-вниз, как будто воздух похолодел. — Он сказал, что собирается убить меня?

Виктор открывает спортивную сумку на столе и перебирает ее содержимое.

— Нет, он предложил мне миллион за то, чтобы я убил тебя для него.

Я ошеломленно моргаю и просто стою, не веря, большие мурашки пробегают по моему телу.

Виктор подходит ко мне и кладет обе руки на мои плечи. Мягко подталкивает к краю кровати, куда я охотно сажусь. Затем садится на один из стульев возле стола, повернувшись

лицом ко мне.

— Почему Хавьер настолько хочет твоей смерти, что готов так много заплатить за твое убийство?

Я рассеянно поднимаю на него глаза, все еще потерявшаяся в своих мыслях.

— Я... я не знаю, — заикаюсь я.

— Нет, знаешь, — настаивает он.— Возможно, это не на поверхности, что-то подсказывает мне, что в глубине души у тебя есть какая-то идея - думай.

Я отвожу взгляд от его глаз, в поисках ответа стараясь вспомнить время в лагере. Через некоторое время, в течение которого я ничего не нашла, Виктор медленно встает со стула и подходит ко мне. Это привлекает мое внимание.

— Мне нужно, чтобы ты рассказала мне все, — мягко говорит Виктор. — Расскажи мне о твоих отношениях с Хавьером. Ты сказала, что он верит в то, что он влюблен в тебя.

Я медленно киваю.

— Да. Однажды он мне сказал, что любит меня, но я лучше знаю. Он сумасшедший. Собственник. Но он защищал меня от того, через что прошли другие девочки.

Я не люблю думать об этих вещах, а тем более открыто о них говорить. Мне стыдно и я ненавижу себя за то, что они пережили.

— Он защищал тебя? — спрашивает Виктор, нуждаясь в большем количестве информации.

— Да. Я была запрещенной для людей Хавьера. А Изель Хавьер однажды чуть не убил когда она ударила меня по лицу. После этого она ко мне не притрагивалась. У меня была роскошь, которой были лишены другие девочки.

Горячий душ, хорошая еда, я видела места за пределами лагеря. Я даже несколько раз летала с ним на маленьком самолете. Хавьер редко выпускал меня из поля зрения. Изель меня за это ненавидела, обвиняла Хавьера в том, что он "становится мягким", влюбляясь в "глупую американскую девчонку".

Искра заинтересованности пробежала по лицу Виктора.

— В каких местах ты была?

Я слегка пожимаю плечами и позволяю рукам упасть между бедер, мои пальцы нервно вращаются вокруг друг друга.

— Иногда, — начинаю я, — он брал меня с собой в дома других богатых людей, с искрящимися голубыми бассейнами в форме подков и другими странными вещами. Хавьер говорил, что это просто для общения, но я знала, что мы были там ради сделок о наркотиках и девочках.

— Иногда мы возвращались с обновками. Он одевал красивый костюм и блестящие черные туфли, похожие на твои.— Я бросила короткий взгляд на туфли Виктора. — Он не был похож на подонка, живущего в грязи, каким ты его видел в тот день. Он богат, несмотря на то, что ты видел.

— Я так и понял.

Я продолжаю:

— И, конечно, он заставлял и меня тоже наряжаться.

Я стыдливо опускаю глаза, по большей части потому, что иногда я наслаждалась тем, что меня наряжают и относятся как к принцессе. Так я всегда об этом думала: принцесса, такая же тревожная, как и окружающая обстановка.

— Я чувствовала себя ручной добычей.

— Именно такой ты и была, — говорит он, и я снова смотрю на него, уязвленная его словами. — Ты помнишь что-нибудь о людях, в чьих домах вы побывали?

— Да, — говорю я, кивая. — Я думаю, это были загородные дома или что-то вроде того.

— Почему?

— Потому что они упоминали что-то о том, как они были в Мексике всего пару недель или как они возвращались в Калифорнию, Неваду или Флориду, в места, похожие на это.

— Они были американцами?

— Некоторые из них, я уверена, были ими, — говорю я. — У них не было акцента, иностранного, по крайней мере. Они определенно не были мексиканцами, это точно.

Они, возможно, были американцами, но я знала, что они мне не помогут, как поможет Виктор, я надеюсь. Они просто были такими же злыми, как и Хавьер. Двое из них даже пытались купить меня у него. Нет, никто из них никогда не помог бы мне сбежать, поэтому я посчитала Виктора первым американцем, увиденным мной за девять лет. Те люди потеряли эту привилегию по ассоциации.

— Ты помнишь имена кого-нибудь из них?

Виктор выглядит сейчас более напряженным, чем я когда-либо его видела, но ему все еще удастся сохранить почти безупречно бесстрастное лицо.

Я снова думаю, пытаюсь вспомнить и назвать имена.

— Нет, — говорю я, разочарованная собой, — не сейчас, но я слышала их имена, когда они представлялись друг другу. — Я останавливаюсь и говорю уже более эмоционально, — Виктор, что случилось?

Его опасные синеватые глаза остановились на мне.

— В лагере или где-то еще Хавьер мог следить за тобой и контролировать тебя, ты ему не угрожала. Но сейчас, когда ты сбежала, ты угрожаешь ему больше, чем кто-либо, потому что слишком много знаешь. Очевидно, Изель была права, думая о его чувствах к тебе, как о глупости; он, вероятно, никогда не предполагал, что ты сбежишь. Живая и свободная, ты представляешь собой угрозу для всего его бизнеса и для всех, участвующих в нем.

В этот момент я думала, позволяя очевидной правдивости слов Виктора затопить мой разум. Я никогда не могла знать, где в Мексике я находилась и даже где я сейчас. Я не в состоянии сказать американским властям, где Лидию и остальных девочек удерживают против их воли. Но я знаю имена, хоть и спрятанные в глубине моей памяти, но, тем не менее, они там есть.

Я вспоминаю лица и разговоры, хотя обычно они содержали в себе маленькие частички информации, я предполагаю, нужные люди смогут разоблачить их как торговцев наркотиками и сексом.

— Ларсоу или, может быть, Ларсен, — внезапно говорю, потому что это имя вертится у меня на языке. — Джеральд Ларсен. Я помню, он был первым американцем, которому меня показали, когда Хавьер взял меня в мой первый дом. У него были седые волосы. Он был полным. Но меня никогда непосредственно не представляли никому. Мне нельзя было говорить. Я выучила их имена, слушая их разговоры.

Виктор выглядит глубоко задумавшимся и внезапно трясет головой.

— Джон Джеральд Лансен - главный исполнительный директор компании Бальфур, основатель наиболее авторитетной благотворительной организации, направленной на ликвидацию насилия в отношении женщин в США. — Он смотрит прямо на меня. — Информация, имеющаяся у тебя, не важно, насколько она незначительна, может свергнуть

множество высокопоставленных лиц.

Я полагаю, известие о твоём побеге, скоро разнесется и одна персона - мстительная сестра, — говорит он, я знаю, что он имеет в виду Изель, — возможно, решится рассказать подходящим людям. За тебя дадут больше, чем Гузман заплатит за убийство Хавьера и Хавьер знает об этом.

Это поражает меня, как удар током, я спрыгиваю с кровати и пытаюсь добежать до двери. Виктор ловит меня на полушаге, хватая за талию.

Я кружусь вокруг него, ударяя вслепую. Мне удается ударить его, но я не уверена куда, мои кулаки двигаются неуклюже и настолько хаотично, что глаза не успевают следить за дракой.

Я падаю на пол спиной, и смотрю вверх, мои темно-рыжие волосы сильно запутались вокруг лица, вижу Виктора, прижимающего меня, широко расставив ноги возле моей талии.

— Пусти меня! Пусти меня, черт побери!

Я мечусь под его весом, не в состоянии двинуть ногами, мои руки прижаты к полу над головой, захваченные его руками.

— Он хочет меня убить! Помогите кто-нибудь!

Ему удается схватить оба мои запястья одной рукой, другой зажать мой рот, заглушив мои крики. Слезы текут из моих глаз. Я умоляю его снова и снова, мой голос почти полностью заглушен весом его руки.

— Я не собираюсь тебя убивать, — спокойно говорит он. — Если бы таково было мое намерение, ты была бы уже мертва.

Он ждет, пока мое напряженное тело немного расслабится, и я чувствую, что его хватка слегка ослабла.

— Будешь тихой?

Я киваю, потому что все еще не могу говорить, его рука на моих губах.

Наконец, после долгой паузы, Виктор медленно убирает руку.

— Почему ты не убьешь меня? — спрашиваю я, задыхаясь от слез, мой голос все еще дрожит. — Используюсь меня, как рычаг давления?

— В некотором смысле да, — отвечает он.

Я хочу закричать снова, пока у меня есть такой шанс, но его слова удерживают меня от этого:

— И я не убиваю невинных людей.

Молчание заполняет небольшое пространство между нами.

— Никто не невинен, — огрызаюсь я, удивив саму себя.— Меньше всего я. Годами я позволяла отвратительному убийце насиловать себя и никогда не говорила «нет». Сидела и смотрела в тишине, как он, его люди и эта сука его сестра избивали, насиловали и продавали девушек, с которыми я сблизилась.

— Я ничего не делала. Никогда не кричала, не сопротивлялась и не заступалась за них. Ни за одну из них.

Я слышу, как мой голос наполняется гневом, но меня это не заботит. Я прижимаю кулаки к груди, глядя ему в глаза, пока он сидит на мне.

— Я делала вид, что это не беспокоит меня, что руки Кармен, разбитые вдребезги молотком, не волновали меня! Я не дрогнула, когда Марисоль была вынуждена сделать аборт у мясника-врача, который оставил её истекать кровью до смерти на столе!

— Я не пролила ни одной слезинки, когда девушка с рыжими волосами и веснушками

была убита прямо напротив меня, потому что мужчине, который пришел купить её, не понравилось то, что он увидел!

Я вскидываю кулаки, чтобы ударить ими по его ногам, но он перехватывает мои запястья и удерживает их вместе.

— Я не невинная! — реву я.

Я чувствую, что его руки выворачивают мои запястья, но мой разум слишком омрачен эмоциями, чтобы заботиться об этом.

Вещи, в которых я призналась, преследовали меня долгое время. Они были погребены в моей душе, сжигая меня до самой сердцевины, делая меня бесчувственной и превращая меня в кого-то отличного от того, кем я могла быть.

Я откидываю голову назад, испытывая боль поражения. Не могу смотреть на него больше. Не из-за гнева, ненависти или мести, а от стыда. Я не могу смотреть убийце в глаза, потому что я не лучше, а возможно и хуже, чем он.

— Ты очень сильная, — говорит он и встает с меня.— С сильным инстинктом самосохранения. Это единственное, что отличает тебя от остальных девушек. Как и они, ты удерживалась там против воли. Ты делала эти вещи против своей воли. Над тобой надругались физически и эмоционально. Ты не должна винить себя за слабость.

Он идет обратно к столу.

Я поднимаюсь с пола и просто смотрю на него, пытаюсь понять смысл его слов. Или, может быть, чувство вины, которое я испытывала так долго, не позволяет мне поверить ему.

Он смотрит на меня и добавляет:

— Ты все сделала правильно.

— Нет. — Я качаю головой. — Не сделала. Я должна была что-то сделать, чтобы помочь им.

Виктор закидывает на плечо спортивные сумки и берет в другую руку чемодан.

— Ты сделала, — говорит он, стоя передо мной. — Ты сохранила хладнокровие. Ты дождалась своей возможности. Ты сделала вид, что достойна принятия и доверия. Ты рискуешь своей жизнью прямо сейчас, чтобы вернуться за той девушкой.

Он проходит мимо меня и идет к двери, оглянувшись назад, дойдя до неё.

— Ты невиновна, — говорит он.— И поэтому ты все еще жива.

Затем он открывает дверь, и я неуверенно следую за ним.

Глава 12

Сэрай

Мы прибыли в Грин Вэлли почти три часа спустя. Оба сидели молча большую часть дороги. У меня было о чем подумать, слишком много нерешенных вопросов, к ответам на которые я не приблизилась за столь короткое время. И мне понадобится очень много времени, чтобы простить свою вину, если я вообще смогу когда-нибудь. Меня не волновало, что то, что сказал Виктор, имело смысл, я все еще чувствовала себя самым эгоистичным человеком в мире. Наверное, я так буду чувствовать себя всегда.

Я спросила Виктора, зачем мы направляемся в Грин Вэлли. Он сказал, что расскажет мне, когда мы доберемся, но когда это случилось, он стал скрытным. Виктор сказал мне, что ему надо провести обмен рядом с Грин Вэлли, но он не будет вдаваться в детали. Я думаю, что все, что он сказал в отеле в Дугласе, исчерпало его лимит разговоров. Потому что он снова стал собой - быстрым, молчаливым, скрытным, устрашающим убийцей, с которым, по

непонятным мне причинам, я чувствую себя почти в полной безопасности.

Мы заехали на парковку в конце улицы, на которой стояли дома отдыха. Я однажды была здесь с моей лучшей подругой, когда её старшая сестра забрала нас из школы на новой машине. Мы заблудились, и она использовала это место, чтобы развернуться. Это было за неделю до того, как моя мама забрала меня с собой в Мексику к Хавьеру. Это знакомое место напомнило мне, что я очень близко к дому. Я была так близко, что могла дойти пешком. Это заняло бы несколько часов, но я могла бы.

Но куда бы я пошла?

Виктор глушит двигатель грузовика. Я через лобовое стекло вижу деревья и кусты, отделяющие парковку от автомагистрали, связывающей штаты. Автомобили пролетают каждую секунду. Но парковка пуста, на ней только одна машина, припаркованная вдалеке около мусорного бака. С другой стороны низкой бетонной стены у торгового центра припарковано много автомобилей.

Я удивляюсь, почему он выбрал общественное место, которое сейчас тихо и заброшено, чтобы сделать то, ради чего мы сюда приехали. Потому что Хавьер не заботится о публике или риске попадания невинного свидетеля под перекрестный огонь.

— Оставайся в грузовике, — говорит Виктор, как раз перед тем, как закрыть тяжелую металлическую дверь.

Он обходит машину сзади, как раз в то время, как гладкий черный внедорожник въезжает на парковку позади домов. Мое сердце начинает быстро биться. Я соскальзываю с сиденья, но передвигаюсь на его сторону, так я могу лучше видеть из окна. Я хочу смотреть, но не хочу быть увиденной.

Виктор встречает внедорожник на полпути, около пятидесяти футов от того места, где я, и останавливается посередине дороги. Я вижу мужчину. Белый мужчина, и, похоже, я этим смущена. Виктор кивает, и я вижу, как его губы шевелятся. Я тянусь и кручу старый оконный подъемник. Сначала он не движется, но затем окно поддается и мне удается открыть его на несколько дюймов. Но мужчины слишком далеко от меня, чтобы услышать, о чем они говорят.

Виктор идет обратно к грузовику, и внедорожник следует за ним. Я сглотнула и обнаружила себя практически полностью сползшей на коврик, макушкой упираясь в руль. Открывающаяся водительская дверь поставила меня в неловкое положение. Другой мужчина стоит за Виктором и оба смотрят на меня.

Незнакомец, которого я вижу, несколько похож на Виктора высоким ростом, каштановыми волосами, голубыми глазами и лепными скулами, кивает мне, будто говоря «привет». Само собой разумеется, что я слишком боюсь и не уверена в нем, чтобы ответить ему той же самой любезностью.

Мужчина по-прежнему смотрит на меня, как на причудливый образец, заслуживающий изучения, говорит что-то Виктору на другом языке. Это не испанский. Виктор отвечает ему на том же языке, и я начинаю думать, что, скорее всего это немецкий. Человек, наконец, смотрит на Виктора.

— Это Николас, — говорит мне Виктор.— Ты поедешь с ним и последуешь за мной в другое место неподалеку.

Я моментально ощущаю, что отрицательно машу головой.

Виктор протягивает мне руку, но я ее отклоняю. Вместо этого поднимаюсь с коврика и перебираюсь на другую сторону грузовика. Я чувствую тяжесть руки Виктора на своем

бедре.

— Он не навредит тебе, — говорит Виктор. — Этот грузовик небезопасен для тебя, если Хавьер или его парни будут стрелять по нам.

Я смотрю в заднее стекло на внедорожник, предполагая, что возможно у него пуленепробиваемые стекла. Меня это не настолько волнует, чтобы спросить об этом, я просто не хочу оставаться одна с этим мужчиной в более безопасной машине или нет.

— Это не похоже на сотрудничество, — говорит на английском мужчина по имени Николас. У него, безусловно, присутствует акцент, в отличие от Виктора, который, кажется, бегло разговаривает на всех языках, которыми владеет.

— Сэрэй, — Виктор произносит мое имя и это заставляет меня замереть; он никогда раньше не называл меня по имени.

— Я прошу тебя сотрудничать.

Я смотрю в суровые глаза Виктора и на мгновение задерживаю на них свой взгляд, позволяя разуму очиститься от неожиданной реакции на мое произнесенное имя. Мое тело расслабляется и вскоре после этого пальцы Виктора отпускают мое бедро. Я медленно перевожу взгляд между ними, все еще неуверенно, но теперь с большим желанием.

— Вы мне расскажете, что произойдет? — спрашиваю я, смотря на них обоих, но Виктор точно знает, что вопрос адресован ему.

Николас не спускает с меня холодных голубых глаз, но взгляд кажется больше изучающим, чем собственническим.

— Мы встречаемся с Хавьером недалеко отсюда в более уединенном месте. Там твою подругу передадут нам.

Темное чувство неуверенности засосало под ложечкой.

Я, прищурившись, смотрю на Виктора.

— Просто так? — спрашиваю скептически. — Нет, Хавьер ни за что её не отдаст. Он... — я отползаю к пассажирской двери, моя рука уже на ручке, на случай, если мне надо будет распахнуть ее, — ...не сделает этого. Вы собираетесь обменять ее на меня, не так ли? — Я повышаю голос. — Не так ли!

— Да, — говорит Виктор.

Николас тих и спокоен и такой же изучающий. Это начинает нервировать меня.

Но потом я прихожу в себя и отворачиваюсь от них обоих. Я смотрю через ветровое стекло на пейзаж и автомобили по другую сторону бетонной стены, но, в действительности, не вижу ничего из этого. Я вижу только лицо Лидии в своей памяти, таким, каким я видела его в последний раз на том видео: в синяках, окровавленное, заплаканное и испуганное. Знаю, что это нужно сделать. Обмен: меня на Лидию. Исходя из того, что я знаю, Хавьер согласится, а сейчас более чем когда-либо.

Но он хочет меня убить...

Мои руки сжимают потрепанную кожу сиденья подо мной, пальцы копаются в разорванной обивке. Все мое тело дрожит от страха. Но я упрямо заставляю спрятаться этот страх в глубине сознания. Может быть, он не убьет меня, как только получит обратно. Я могла бы продолжать делать вид, что быть с ним - это то, чего я хочу. Я даже могла бы притвориться, что Виктор похитил меня. Знаю, что смогу обмануть Хавьера. Я знаю, я смогу! Я делала это в течение многих лет! Я заставила его мне доверять, да так, что он считал, что любит меня. Я могу сделать это снова.

Достаточно долго, пока я не получу свой первый же шанс убить его.

Да, это именно то, что я сделаю. Потому что больше всего меня заботят две вещи: безопасность Лидии и убийство Хавьера. Знаю, что как только я это сделаю, я подпишу свой собственный смертный приговор. Изель или один из парней Хавьера найдут меня, прежде чем я могу убежать хоть на милю от дома, и они застрелят меня, как Виктор сделал это с владельцем магазина там, в Мексике.

Но сначала Хавьер умрет.

И я не боюсь смерти.

Открываю дверь грузовика и вижу Николаса, ожидающего меня. Я настолько потерялась в своих мыслях, что даже не заметила, как он подошел к грузовику с моей стороны.

Я закрываю дверь и смотрю вверх капота грузовика на Виктора, стоящего с другой стороны. Я действительно никогда не была способна прочитать выражение его лица, потому что, если у него и есть эмоции, то они настолько непроницаемые. Но сейчас я обнаруживаю слабый намек на что-то не свойственное ему в его глазах. Может быть сожаление? Нет, может колебание или... нет, этого не может быть.

— Я сделаю это, — заявляю я, не спуская глаз с Виктора. — Если вы сможете увезти Лидию в безопасное место, я сделаю это.

Виктор кивает. Затем идет к двери грузовика, и я останавливаю его.

— Виктор, прошу, отвези ее домой. Умоляю тебя. Просто отвези ее домой. Она живет в Эль Пасо, Техас. С бабушкой и дедом. Пожалуйста.

Виктор не кивает и не отвечает на этот раз, но просто глядя ему в глаза, я знаю, что он сделает это. Не уверена, почему я верю в это, но верю.

После переноски его вещей из грузовика во внедорожник, Виктор забирается внутрь грузовика и в следующую секунду раздается грохот заведенного двигателя.

— Пошли, — говорит Николас, беря меня за руку, его пальцы сжимают мой бицепс немного более жестко, чем это делал когда-либо Виктор.

Он подводит меня к заднему сиденью, открывая дверь, стоит прямо позади меня, чтобы быть уверенным, что я залезу внутрь, а не попытаюсь убежать. Запах новой кожи и автомобиля наполняет мои чувства. Металлическая сетка-барьер отделяет заднее сиденье от передних, прямо как у офицера полиции в патрульной машине. Я уже чувствую себя в ловушке. Слышу щелчок, с которым Николас запирает все двери, после того, как сел в машину. Я оглядываюсь влево и вправо, чтобы убедиться, что у задних дверей нет изнутри ручки. Я действительно здесь в ловушке.

В конце концов, мы выезжаем на 19-тое шоссе между штатами, следуя за Виктором в его старом потрепанном грузовике.

— Ты стала ключом к шестеренкам, — говорит Николас с водительского сиденья.

Я поднимаю взгляд и встречаюсь с ним глазами в зеркало заднего вида.

Он мне не очень нравится. Не то, чтобы он не нравился мне из-за этой ситуации, но, по крайней мере, с Виктором, несмотря на то, что он убийца, у меня было чувство безопасности. Даже там, в поместье, когда я подглядывала с Лидией за ним через дверь, у меня было чувство, что я могу доверять ему, что он сможет мне помочь. Признаю, мои догадки были полностью беспочвенны, но он никогда не бил меня. Независимо от того, чем он является и что делал, и в какие сложности я втянула его, он никогда не относился ко мне плохо.

У меня было такое чувство, что Николас не настолько толерантен.

Я стараюсь не спускать глаз с дороги впереди, но очень трудно то и дело не встречаться

с ним взглядом в зеркале. Потому что он всегда наблюдает.

Я сглатываю и говорю:

— Я не хотела создавать проблем тебе и Виктору.

Его глаза вдруг прищурились в зеркале, и я немедленно это уловила.

— Но я не понимаю, почему любому из вас настолько сложно помочь мне.

Я попыталась замаскировать горечь, но не преуспела в этом.

— Виктор, — ледяным тоном говорит Николас, что неприятно удивляет меня, — раз ты теперь обращаешься к нему по имени, должен был вернуть тебя Хавьеру Руису в те же секунду, как обнаружил тебя.

Я ненавижу этого мужчину.

Стискиваю зубы и резко выдыхаю через нос.

— Но он не вернул, — огрызаюсь я. — И это говорит мне о том, что очевидно он более человечен, чем ты.

Мои едкие слова не задевают его настолько, как я рассчитывала. Вместо этого он делает то, что я меньше всего ожидала: он улыбается.

— О, я вижу, что ты об этом думаешь, — говорит он с очевидным немецким акцентом. — Ты думаешь, что очаровала его какими-то своими девичьими хитростями. Но ничего подобного у тебя не получилось, чтобы ты знала. Все, что делает Виктор, он делает на пользу нашему Ордеру. Если он считает, что лучше не освобождать тебя и вернуть обратно, то это не имеет ничего общего с твоим благополучием.

Я не хочу ему верить, хотя какая-то часть меня именно это и делает, но я не собираюсь давать понять Николасу, что он меня задел.

Поднимаю подбородок и отворачиваюсь от него, глядя исключительно на грузовик Виктора, едущий впереди нас. Вскоре мы сворачиваем вправо с автомагистрали и едем по пыльной грунтовой дороге. Дорога петляет через посадки низкорастущего кустарника и молодых деревьев, но в основном здесь нет ничего, только грязь и бесконечный участок почти бесплодной земли на триста шестьдесят градусов вокруг меня. Несколько домов стоят на вершинах грязных холмов, но у меня возникает чувство, что эту землю долгое время не навещали не только владельцы, но и кто бы то ни был еще.

Передняя часть внедорожника поднимается над землей все выше, когда мы направляемся в гору. Как только мы выбираемся на гребень, и пыль начинает оседать, я вижу четыре старых грузовика, таких же, как и тот, на котором едет Виктор, припаркованных на открытом месте и ожидающих нас.

Глава 13

Восемь человек стоят перед грузовиками, на плечах винтовки, все они люди Хавьера. Я вцепляюсь в кожаное сиденье подо мной, которое труднее проткнуть кончиками пальцев, чем поношенное в старом грузовике. Мы останавливаемся в ста метрах от них.

Но я не вижу Хавьера. Или Изель.

Я начинаю паниковать, когда не вижу Лидию, но потом замечаю кого-то внутри форда кремового цвета. По крайней мере, я уверена, что это Лидия. Прижимаюсь лицом к металлической сетке, насколько могу, стараясь получше разглядеть, но это не очень помогает.

Николас поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Расслабься и не высовывайся, — требует он.

Я делаю то, что он говорит, не потому, что он это приказал, но потому что так,

вероятно, лучше.

Дверь грузовика хлопнула. Виктор выходит и направляется к ним. Одного за другим я осматриваю каждого из восьми мужчин, пытаюсь определить, кого послали сюда говорить за Хавьера, так как самого его нет, но потом вижу, как мелькают черные волосы Изель в окне зеленого грузовика, когда она выходит наружу.

— Хавьер дважды трус, раз не пришел сам, — говорю я громко, не обязательно для Николаса.

— Сейчас он знает, что Виктор может убить его без особых усилий, — говорит Николас, наблюдая в окно. — Я бы сказал, что это умный шаг со стороны Хавьера.

Изель пытается приблизиться к Виктору своей обычной знойной походкой, но у нее явно болят раны на ногах, оставленные им, и она спотыкается, как только проходит проржавевший капот. Один из мужчин быстро подскакивает, чтобы помочь ей, но она бьет его по лицу и кричит ему какие-то ругательства, приказывая ему отойти. Она ненавидит жалость. Я думаю, она ненавидит все, включая себя.

Слова, которыми обмениваются Изель и Виктор, я не слышу, о чем они говорят, но по языку тела могу сказать, что все как обычно: Изель пытается напугать его угрозами Хавьера, говоря, что Виктор наживет очень опасного врага - то же начало разговора, что и в мотеле в тот день. И так же, как и раньше, Виктор равнодушен к ней, и это только подливает масла в огонь ее выражений.

Я пытаюсь услышать, о чем они говорят, хотя и знаю, что не смогу, и я больше стараюсь увидеть Лидию.

Несмотря на распоряжение Николаса, я прижимаюсь ближе к сетке, пытаюсь разглядеть ее в окно. Уверена, что она сидит на пассажирском сиденье. Но я думаю, что кто-то еще сидит рядом с ней.

Изель машет рукой мужчинам около грузовика и один из них подбегает, чтобы открыть дверь. Он залезает внутрь, вытаскивает, как я и предполагала, Лидию и тянет ее.

— Это она! — говорю я взволнованно, с облегчением.

Николас крутит головой.

— Я сказал, сидеть тихо, — рычит он сквозь зубы.— Не наделай больше, чем уже натворила.

Я замираю, услышав это, и снова откидываюсь на спинку сиденья, хоть и только для того, чтобы это удовлетворило его, и он отворачивается.

Лидия ужасно выглядит, но, по крайней мере, она может ходить. По крайней мере, она жива. Она одета в ту же самую грязную одежду, в которой была, когда я увидела ее на том видео. Пятна крови, вытекшей из ее рта и носа, даже с расстояния были видны на ее тонкой белой футболке. Ее руки спереди связаны в запястьях. Светло-рыжие волосы растрепаны, грязны и спутаны. Она плачет, безнадежно глядя на нас во внедорожнике, и я могу только предположить, что ей интересно, здесь я или нет. Я хочу бежать к ней, чтобы она знала, что я в порядке и что она, наконец, собирается домой, но желая это сделать, я знаю что не могу.

Мужчина, который рывком вытащил ее из грузовика, тащит ее за локоть, дергая из стороны в сторону.

Виктор говорит что-то Изель и она хитро улыбается. Затем оглядывается через обнаженное плечо и указывает двумя пальцами другому мужчине, которого она только что ударила, что-то сделать. Он быстро реагирует, обходит открытую дверь грузовика, откуда была вытащена Лидия, и тянется внутрь за другой фигурой, которую я видела, сидевшую

рядом с ней.

— Боже мой, — я говорю больше самой себе.— Это Корделия. Зачем они привезли ее?
— Я смотрю на Николаса в поисках ответа, но он молчит.

Корделия и Лидия теперь стоят бок о бок, дрожат, с заплаканными лицами, обе не спускают глаз с внедорожника.

Виктор указывает нам двумя пальцами.

— Ты готова? — Николас поворачивается.

— Да. — Я с трудом сглатываю.

Николас открывает дверь, и когда он выходит, скрытые замки внедорожника щелкают еще раз. Он распахивает заднюю дверь и протягивает мне руку. Я неохотно берусь за нее.

— Сэрай! — Слышу в воздухе голос Лидии, как только выхожу из внедорожника.

Пока я обхожу открытую дверь, оглядываюсь, чтобы увидеть, как мужчина, держащий ее за локоть, толкает ее на колени на покрытую грязью землю. Другой мужчина делает то же самое с Корделией только потому, что это в его власти.

Я медленно прохожу короткое расстояние между мной и Виктором, ноги с каждым шагом заплетаются все больше. Ощущаю на себе взгляд Изель, холодный и хищный, но я не буду смотреть на нее. Она не получит такого удовольствия. Вместо этого я смотрю только на Виктора и, хотя он смотрит прямо в мои глаза, я знаю, что он ни на грамм не обделяет своим неусыпным вниманием тех, кто вокруг него.

Затем он смотрит в сторону, поднимая руку, и я инстинктивно останавливаюсь.

— Пусть один из ваших парней приведет их, — инструктирует Виктор Изель.

Изель ухмыляется, ее ноздри раздуваются, делая ее взгляд еще более ненавидящим. Затем кивком головы она приказывает мужчине, стоящему над Лидией, сделать это. Он закидывает винтовку за спину, и протягивает обе руки, хватая Лидию и Корделию, поднимая их на ноги.

Виктор снова смотрит на меня. Он протягивает руку, и я иду к нему, чувствуя, что его, казалось бы, бесстрастный взгляд проникает в мой разум. Что-то есть в его глазах, что-то тихое и таинственное, и я чувствую, что он пытается говорить со мной с их помощью. Я беру его за руку, и его пальцы очень аккуратно охватывают мои.

Что-то не так, так же, как и этот взгляд украдкой, который я заметила секунду назад.

По мере приближения мужчины, рука Виктора сжимает мою. Сейчас я вижу только глаза Лидии, полные страха, надежды, и облегчения, когда она подходит ближе. А затем, когда они попадают в зону досягаемости Виктора, быстрым, неуловимым движением толкает меня на землю, и я вижу, как Виктор хватается мужчину за голову и ломает ему шею. Лидия и Корделия падают на колени и следующее, что я вижу, Виктор берет полуавтоматическую винтовку мужчины и обстреливает Изель и остальных.

Лидия и Корделия пытаются подобраться ко мне, но звук выстрелов громогласно разносится по воздуху во всех направлениях, и я прижимаю руками их обоих животами и лицами в грязь.

— Лежать! — кричу я, пыль попадает мне в рот. — Следуйте за мной! Давайте! — и я ползу к внедорожнику так быстро, как только могу, как солдат под вражеским огнем.

Раздаются еще выстрелы, две или три пули попадают в песок рядом с нами, одна рикошетит от внедорожника со стороны открытой двери. И хотя внедорожник в пятнадцати футах от нас, я чувствую, что это слишком далеко и что мы никогда не доберемся до него. Одна пуля ударила в землю в футах от моего лица, и я замерла. Я уже потеряла из виду

Виктора, но видела, как Николас убегает от внедорожника, сжимая в руках пистолет, и быстро делает несколько выстрелов.

— Быстрее! — я перекрикиваю окружающий хаос, оборачиваясь, чтобы посмотреть, следуют ли за мной Лидия и Корделия, мои руки еще сильнее вжимаются в грязь.

Лидия кричит, и я вижу кровь на песке возле ее ног. Корделия в ужасе быстро проползает мимо меня, заставляя свое тело продвигаться по песку даже со связанными запястьями. Но Лидия остается на прежнем месте, и я поворачиваю назад, чтобы помочь ей. Если мне придется в одиночку тащить ее по земле под градом пуль, я это сделаю.

— Моя нога! — кричит мне Лидия.

— Не останавливайся, Лидия! Поднажми! Ты должна двигаться!

Я наконец подползаю к ней, и накрываю ее голову обеими руками, когда пролетает следующая очередь пуль, едва не задев нас. Она прячет лицо на сгибе моей руки. Рыдания сотрясают ее тело.

Поток пуль прерывается, но жуткая тишина почти так же страшна, как и шум. Кажется, прошла вечность, прежде чем я опасно поднимаю голову и после того, как пыль оседает, я вижу только два стоящих тела среди мертвых.

Виктор и Николас.

Я неожиданно зарыдала от облегчения, из-за чего моя грудь сокращалась снова и снова, пока меня не вырвало. Я даже не поняла, как мне удалось усесться прямо на голые пятки, закопанные в песке. В какой-то момент я потеряла свои шлепанцы. Лидия бросается ко мне, и я так крепко ее обнимаю, что чувствую, как мои пальцы впились в ее спину. Она бы сделала то же самое, если бы ее руки не были связаны веревкой.

— Сэрай! Сэрай! — плачет Лидия на моем плече. Мое имя - это все, что она смогла сказать.

— Знаю, Лидия! Мне так жаль, что я убежала без тебя. Мне так жаль! — мой нос обожгло обильными слезами.

Лидия отстраняется и смотрит на меня, качая головой.

— Нет, нет, ты пыталась, — говорит она, пока я яростно терзаю узлы веревки и наконец освобождаю ее запястья.

— Я приняла решение остаться. Но видишь, видишь, Сэрай, ты сдержала свое слово. Ты обещала вернуться за мной.

Я сжала ее в объятиях, и мы просто вместе сидели на земле, не беспокоясь ни о чем в мире, о мертвых людях, лежащих неподалеку. Мы сдвинулись с места только тогда, когда я увидела Николаса, идущего к нам.

Я бросила короткий взгляд на внедорожник и порадовалась, что Корнелия тоже благополучно добралась. Она свернулась на заднем сиденье, подтянув ноги к груди, в состоянии шока раскачиваясь из стороны в сторону.

Я поворачиваюсь к Лидии и беру ее избитое и грязное лицо своими руками, пальцами убирая ее длинные, рыжеватые волосы ото рта и щек. Я прижимаюсь губами к ее лбу.

— Мы собираемся доставить тебя домой, — говорю я, с мягкой, дрожащей улыбкой на губах.

Она улыбается мне в ответ.

Раздается одиночный выстрел, разрывая открытое пространство. Улыбка Лидии исчезает, когда я снова смотрю в ее глаза.

Эта жуткая, полная дурных предчувствий тишина возвращается, окуная нас в свою

бесконечную жестокость. Я ощущаю, как замедляется время, как окружающий меня мир разбивается и остается только страдание. Только я и Лидия, смотрим друг другу в глаза. Полные недоумения. Ее застывший на чем-то взгляд вызывает у меня холодную дрожь

Взгляд в вечность...

Я смотрю в эти бездонные глаза, пока жизнь ее полностью не оставляет и ее голова откидывается назад, как сломанная пружина.

Раздается еще один выстрел. Несмотря на все это, я вижу, как пуля проходит через череп Изель, и Виктор медленно опускает свой пистолет. Я чувствую, что никогда не смогу отвести взгляд от Лидии, чье тело обмякло в моих руках.

А затем реальность снова возвращается вихрем цвета, движения и звука, и я кричу любой ее части, способной меня услышать, прижимая к груди безжизненное тело Лидии и раскачиваясь вперед и назад. Ее безвольные руки падают и висят. Я чувствую ее кровь, теплую и густую, стекающую из-под рубашки и льющуюся по мои рукам, сжимающим ее спину.

Я рыдаю, зарывшись в ее волосы, до тех пор, пока не ощущаю, что ее тело оттаскивают от меня.

— Нет! — кричу я на кого-то. — Отойди от меня! Оставь ее в покое! — Мой голос хриплый и искаженный от тяжести эмоций, которых я никогда прежде не ощущала.

— Нам надо уходить, — голос Виктора доносится откуда-то сзади. — Мы больше не можем здесь оставаться.

— Нет! — я набрасываюсь на него, ударяя рукой и пытаюсь оттолкнуть.

— Пора, Виктор, — говорит Николас позади. — На это нет времени.

Виктор обхватывает меня вокруг талии, с легкостью поднимая, и перебрасывает через плечо животом вниз. Я пинаюсь, кричу и бью его по спине кулаками, пока он несет меня к внедорожнику прочь от тела Лидии.

— Мы не можем просто оставить её здесь!

— Мы сделаем это.

Он сажает меня на заднее сиденье рядом с Корделией.

— Виктор! Ты не можешь! Пожалуйста, не бросай ее так!

В его глазах появилось раскаяние. Я вижу его, хотя оно скрыто обычной непроницаемостью его лица, вижу совершенно отчетливо.

Он закрывает дверь, и замки снова закрываются. Я еду в абсолютной тишине туда, куда они везут нас.

Глава 14

Виктор

Николас никогда не знает, когда нужно молчать. Ему не хватает дисциплины и из-за этого наш Ордер всегда предпочитал меня.

Мы были вместе, когда нас завербовали в возрасте семи-девяти лет, но тогда мы были просто соседями, хорошими друзьями. Мы играли в мяч на поле за школьным двором, так же, как и каждую субботу, вечером, когда пришли эти люди. В то время мы с Николасом не знали, что мы братья. Но были лучшими друзьями. Неразлучными, как братья. Так что, возможно, все это время в глубине души мы знали.

Только четыре года спустя, когда моя мать была убита во время выполнения миссии, мы узнали правду. Мать Николаса открыла нам секрет.

И по сей день это держалось в тайне.

— Что ты наделал, Виктор? О чем ты думал? Где твоя голова?

Николас вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Каждые несколько секунд он поворачивается ко мне, ожидая ответа, которого я ему не могу дать.

Спокойно терплю жгучую боль в бедре.

Я смотрю на Николаса.

— Ты должен сказать Воннегуту, что они выстрелили первыми, — говорю я и вижу, что его лицо мгновенно омрачилось. — Скажи ему, что у меня не было выбора.

— Виктор. — Он качает головой, а затем ударяет ладонью по рулю. — Что с тобой случилось? — Он стискивает зубы, сдерживая слова, которые хочет сказать, но знает, будет лучше их не произносить.

Он снова бьет по рулю.

— Я всегда делал все, что ты когда-либо просил меня сделать. Ни разу я не отказал тебе. Редко задавал вопросы. Я делаю это, потому что доверяю тебе, насколько могу.

Он делает резкий вдох, и я замечаю его мимолетный взгляд в зеркало заднего вида. Затем он смотрит на меня.

— Но это другое. Ты рискуешь всем: своим местом в Ордере, своими отношениями с Воннегутом, своей жизнью, моей жизнью.

Он разрубает рукой воздух между нами.

— Все из-за этой девушки.

— Ничего подобного.

— Тогда почему? — отрезает он. — Если не из-за нее, тогда почему? Объясни мне, Виктор!

Он сворачивает на встречную полосу шоссе, чтобы обогнать медленно движущийся автомобиль.

— И почему ты сказал ей свое имя? Ты стал ненадежным. Они устраняют ненадежных, Виктор, ты это знаешь.

Он нервно перевел взгляд обратно на дорогу. Его мать была одной из «ненадежных».

— Я не позволю, чтобы из-за меня с тобой что-нибудь случилось, — говорю я. — Если ты чувствуешь, что должен сказать Воннегуту правду, я пойму. Я не буду тебе мешать.

Он уныло качает головой.

— Нет. Я как обычно скажу ему все, что тебе нужно ему передать.

Он прерывается и кладет обе руки на руль, пальцами одной руки поглаживая другую, будто удерживая ее от того, чтобы кого-нибудь ударить.

— Я надеюсь, что в один прекрасный день ты скажешь мне правду, — добавляет он, не глядя на меня. — О том, что с тобой происходит. О том, что на самом деле произошло в Будапеште. И имеет ли это отношение к тому, что ты делаешь сейчас.

— Мне нечего рассказывать, — говорю я.

— Черт возьми! Я не Воннегут!

— Нет, ты Николас, единственный человек в мире, которому я доверяю. — Я указываю вперед. — Высади нас здесь. Мне нужна новая машина.

Несмотря на то, что больше всего ему хотелось кричать на меня весь день, пока я не скажу ему что-то, что его удовлетворит, Николас полностью подчинился. Дисциплина. Что-то, чего у него не было.

Мы остановились у центральных ворот автосалона.

— Развернись, — говорю я. — Жди меня там.

Без возражений Николас делает, как я говорю, и паркуется возле следующего здания, рядом с другим автомобилем.

Прежде, чем выйти, я оглядываюсь на девушку, Сэрай. Она неподвижна и потеряна. Ее глаза открыты, но она смотрит так, что я знаю, она ничего не видит. Я хочу, чтобы она взглянула на меня, хоть на секунду. Но она этого не сделает, и я выхожу.

Сэрай

Я чувствую себя так же, как и Корделия, сидящая рядом со мной, которая проснулась, но сама этого еще не поняла. Знаю, у нее уйдут месяцы терапии, чтобы преодолеть то, через что она прошла. Я знаю это, потому что прошла через то же, когда смотрела, как умирает моя мать.

Единственное, в чем я не похожа на бедную Корделию, так это в том, что не могу найти в себе силы, чтобы говорить. Я просто сижу здесь, позволяя времени проходить и не чувствуя его, это состояние причиняет дискомфорт. Пятнадцать минут могут оказаться двумя часами, я действительно не чувствую разницы.

В отличие от Корделии, я в курсе всего, что меня окружает. Просто меня это не волнует.

Через некоторое время Виктор выходит из здания и открывает мою дверь внедорожника. Мгновение он смотрит на меня, ожидая чего-то, и я понимаю, мне нужно выйти.

Я смотрю на него, уронив голову на сиденье.

— Ты не должен был оставлять ее там.

— Да, — говорит он и берет меня за руку. — Она скоро будет найдена, если ее уже не нашли. Даю тебе слово.

Я беру Виктора за руку, но оборачиваюсь на Корделию, прежде чем выйти.

— Что насчет нее?

Виктор переводит взгляд на Николаса на водительском сиденье.

— В пути надолго не останавливайся, — инструктирует он. — Встреться с Гузманом там, где договаривались. Деньги за его дочь. Сообщи ему о повороте событий и о том, что мы не могли предугадать, что Хавьер не появится. Но работа будет сделана.

— Как скажешь, Виктор, — Николас полностью соглашается, но его слова полны горечи и разочарования.

Виктор тянет меня за руку, и я выхожу из внедорожника.

Когда мы отходим, Николас останавливает нас:

— Куда вы направляетесь? — спрашивает он, высунувшись из окна.

— Сейчас, — говорит Виктор, — Таксон. По поводу остального я свяжусь с тобой.

Николас уезжает.

Когда Виктор подводит меня к новенькой темно-серой машине, я на шаг отстаю от него.

— Почему мы едем в Таксон?

Он останавливается на полушаге и поворачивается ко мне лицом.

— Я отвезу тебя домой.

Глава 15

Когда я вижу "дом" на горизонте много минут спустя, это не производит на меня такого впечатления, как мне всегда мечталось. Я даже не поднимаю голову с пассажирского

сиденья, чтобы посмотреть в окно, куда мы едем. Потому что я знаю, здесь для меня ничего нет.

Вместо того чтобы смотреть на город, я смотрю на черный асфальт, быстро исчезающий под колесами.

— Где ты живешь? — спрашивает Виктор.

Наконец, я поднимаю голову и поворачиваюсь к нему лицом.

— Почему ты делаешь это?

Виктор вздыхает и переводит взгляд обратно на дорогу.

— Потому что, я думаю, ты достаточно насмотрелась.

Он сворачивает на стоянку перед придорожным супермаркетом и останавливается в парке. На улице начинает темнеть.

— Ты должна сказать мне, где тебя высадить, — говорит он, я замечаю слабый намек на беспокойство на его лице.

— Твой отец? — продолжает он, когда я не отвечаю.

Я рассеянно качаю головой.

— Моим отцом может быть один из сотен мужчин в Таксоне. Я никогда не знала его.

— Бабушка? Тетя? Дальние кузены? Куда бы ты хотела пойти?

У меня в буквальном смысле нет семьи. Так как я не знаю своего отца, то не знаю никого из родственников с его стороны. У меня не было никаких братьев и сестер; моя мать сделала перевязку маточных труб после моего рождения. Мои бабушка и дедушка умерли, когда я была подростком. Моя тетя Джилл живет где-то во Франции, потому что она могла позволить себе переехать туда, и она отреклась от моей мамы, когда мне было тринадцать. И в свою очередь, она отреклась от меня, обвиняя меня в том, что я, как моя мама, хотя я отличалась от нее, как ночь ото дня.

Не желая давать Виктору никаких оснований полагать, что он должен мне что-нибудь еще, я называю единственного человека, который приходит на ум, так что он может высадить меня и оставить меня жить той жизнью, что я смогу себе обеспечить.

— Миссис Грегори, — тихо шепчу я, уже забыв, когда видела её в последний раз. — Она живет приблизительно в десяти минутах отсюда.

Я ловлю взгляд Виктора, направленный на меня и на мгновение встречаюсь с ним глазами. Чего он ждет? Кажется, что он изучает мое лицо, но я не понимаю, почему.

Я отворачиваюсь и указываю ему направление, куда ехать.

Виктор ведет машину, и мы подъезжаем в парк трейлеров, где я жила.

Все выглядит именно так, как было, когда я уехала, с поломанными игрушками, разбросанными вокруг подобия дворики, старыми потрепанными автомобилями, припаркованными в разных местах с травой, выросшей вокруг сдутых шин. Кондиционеры на оконных блоках гудят, как ракеты в раннем вечернем воздухе, и собаки лают со своих коротких цепочек, обернутых вокруг деревьев. Когда мы подъезжаем к маленькому синему прицепу, в котором я жила в течение большей части своей жизни, я едва смотрю на него. Но мне интересно, лишь на мгновение, кто живет там сейчас и, удалось ли им избавиться от бесконечных тараканов, чего моя мама не смогла сделать.

— Прямо сюда, — спокойно говорю я, надеясь, что дом миссис Грегори все еще через два трейлера.

Но увидев ярко-красный бронко, припаркованный напротив, я начала думать, что это не так. После девяти лет мне не стоило ожидать подобного.

Я собираюсь выйти, но Виктор остановил меня.

— Возьми это, — говорит он, потянувшись во внутренний карман пиджака.

Он достает толстую пачку стодолларовых банкнот и протягивает их мне. Я перевожу взгляд с денег на него, колеблясь только потому, что это было неожиданно.

— Я знаю, это кровавые деньги, — говорит он, протягивая их мне, — но я хочу, чтобы ты взяла их и потратила на то, что будет тебе необходимо.

Я одобрительно киваю и пальцами беру пачку банкнот.

— Спасибо.

Я начинаю выходить, но останавливаюсь и говорю:

— А как насчет Хавьера? Если он готов так много заплатить, чтобы меня убили, он пошлет кого-то еще, чтобы найти меня, если ты не сделаешь этого.

— Он будет мертв, прежде чем это случится.

— Ты собираешься убить его? — спрашиваю я, но затем киваю. — Я имею в виду, не из-за меня, конечно, но из-за другого мужчины? — Я хочу, чтобы он сказал, да, из-за тебя, но знаю, что для этого нет причины.

— Теперь ты будешь жить своей жизнью в безопасности, — просто говорит он.

Несколько секунд мы молчим, я выхожу из машины, мягко закрыв за собой дверь. А потом смотрю, как Виктор уезжает, его стоп-сигналы частично разгоняют тьму в самом конце дороги. А потом он исчез. Вот так просто.

Что только что произошло?

Я сомневаюсь, смогу ли я забыть когда-нибудь прошедшие девять лет моей жизни и даже больше, а особенно последние пару дней. Стою здесь в конце дороги; места, знакомые мне, кажутся такими чужими, и я понимаю, что не чувствую себя самой собой. По крайней мере, человеком, которым я была раньше, или человеком, которым я должна была стать, но эта возможность была отнята у меня Хавьером. И моей матерью.

Я прожила жизнь в изоляции и рабстве, узницей мексиканского наркобарона, который хоть и относился ко мне с какой-то странной добротой, оскорблял меня в других отношениях. Я спала с мужчиной, которого не любила и с которым мне не хотелось спать большую часть своей молодой жизни. И Хавьер единственный мужчина, с которым у меня когда-либо был секс. Я видела изнасилования, похищения и надругательства в любой возможной форме. И я видела смерть. Столько смертей. Моя единственная подруга умерла у меня на руках несколько часов назад. Я наблюдала, как жизнь оставляет ее тело, когда она смотрела на меня.

После всего этого, я чувствую, что не могу небрежно отбросить эти воспоминания или стереть их из памяти, ни одно из них не укажет мне, как быть нормальной девушкой. И я знаю почему. Я просто ненавижу признаваться в этом самой себе: за эти годы привыкла к нему. Это была моя жизнь. Мой ум приспособился и адаптировался лучшим способом, который знал.

Но теперь я здесь, вернулась назад домой в Таксон, способная делать все, что захочу. Я могла пойти через несколько кварталов в небольшой магазин, куда заходила каждый день после школы и купить соду и мешок доритос. Если бы захотела, я могла бы пойти к моей старой начальной школе и качаться на качелях или сесть в парке, который окружает здание и просто смотреть на звезды, пока я не усну. Я могла украсть велосипед в ближайшем дворике, один из двенадцати, и поехать в дом моей старой подруги за двадцать километров. Но трейлер позади меня в конце растрескавшейся дорожки был так же хорош. И прямо тут. К

двери я приближалась дольше, чем ожидала, чтобы выяснить, может ли единственный человек, которого я знала, помочь мне, и живет ли здесь еще сейчас.

Я могу делать все, но сейчас мне трудно выбрать, с чего начать. И начинать ли вообще.

Я думаю, теперь я знаю, что чувствует люди, который провели половину своей жизни в тюрьме, когда их отпускают обратно в мир. Они не знают, что делать с собой, не знают, как вписаться в общество. Они постоянно оглядываются. Они не могут спать дольше пяти утра и поверить в то, что они могут выбрать, что и когда поесть. Насилие, тьма и заключение занимают такую их часть, что половина из них никогда не узнает, как может быть по-другому.

Я не хочу быть такой. Но сейчас, пока я стою здесь, глядя на слепящий свет на крыльце и позволяя ему оставить пятна в моих глазах, я чувствую, такой буду вечно, хочу того или нет.

Тень пересекла переднее окно.

Я засунула пачку денег за шорты, потянула майку вниз, затем сделала глубокий вдох.

Я поднимаюсь по деревянной лестнице и легонько стучу в дверь.

— Кто там? — спрашивает мужской голос с той стороны.

Я почти уверена, что её давно нет в этом месте.

— Это... Сэрай. Я жила здесь в пятнадцать.

Гремит дверная цепочка, затем дверь приоткрывается. Невысокого роста упитанный мужчина смотрит на меня.

— Чем могу помочь?

Он без рубашки и его округлый живот свисает над спортивными шортами до колен. Запах попкорна просачивается через дверь и достигает меня.

— Миссис Грегори здесь еще живет? — неловко спрашивать, потому что я знаю, что ее здесь нет.

Мужчина качает головой.

— Извините, но я здесь живу уже два года, — говорит он. — И я никогда не знал миссис Грегори.

— Хорошо, спасибо.

Я поворачиваюсь спиной и спускаюсь по лестнице.

— С вами все в порядке? — окликает мужчина.

Я мгновенно поворачиваюсь к нему.

— Да, я в порядке. Спасибо, что спросили.

Он кивает и закрывает дверь, после того, как я ушла, слышится краткий звук запираемого дверного замка.

Мои босые ноги безболезненно двигаются по песку и камушкам, валяющимся по дороге в парке трейлеров. Уличные фонари, установленные высоко на фонарных столбах, начинают редеть, окуная меня в темноту, когда я подхожу к дороге и покидаю квартал. Проезжает автомобиль, и я мгновенно отпрыгиваю, думая, что это может быть Хавьер, приехавший, чтобы убить меня. Но водитель проезжает и оставляет меня наедине с неровным сердцебиением и параноидальными мыслями. По крайней мере, я знаю, что Изель мертва. Я представляю ее последний миг: лежащая на животе, на песке с этим пистолетом в руке. Я не дрогнула и не отвернулась, когда увидела, как пуля Виктора входит через ее череп и ее тело падает лицом вниз, как малыш, засыпающий на своем дне рождения в торте. Нет, я чувствовала только удовлетворение от мести. Я была рада смотреть, как она умирает.

Потому что она это заслужила.

Мне только жаль, что я не была тем, кто убил ее, после того, что она сделала с Лидией.

Прогуливаясь по улице мимо десятка почтовых ящиков, я вижу впереди знак остановки, где помню, если свернуть налево, можно прийти к начальной школе. В этот момент я решаю, куда мне идти, потому что идти мне некуда. И после долгих минут ходьбы прихожу туда, радуясь, что, по крайней мере, ничего в детской площадке не изменилось. Те же старые проржавевшие качели. Помню, как сидела на них, взлетая высоко в воздух.

Три пружинных наездника: дельфин, лев и морж, стоят друг рядом с другом, на площадке с галькой. Я прохожу через сухую траву и сажусь на те же качели, на которые всегда садилась во время перерыва. И к счастью ощущаю то же самое. То, как я обхватываю пальцами связанные цепи чуть выше моей головы, как похожее пластиковое сиденье в самый раз подходит моим бедрам. Но я намного выше, чем была тогда, так что ноги пришлось неловко подогнуть под себя. Я зарываю пальцы в прохладные камешки и смотрю на крошечный белый огонек самолета, летящего в далеком небе, не издавая ни звука.

И единственное лицо, которое я вижу в своих мыслях, это лицо Виктора. Он помог мне, в конце концов, даже когда я смирилась с тем, что он никогда не сделает этого. Я думаю о разговоре, состоявшемся у него с Николасом во внедорожнике, который вызвал у меня только больше вопросов о Викторе. Интересно, почему он выстрелил первым. Я удивляюсь, почему он не последовал первоначальному плану сдать меня, выменять на Лидию и, видимо, Корделию, о которой я даже не могла подумать как о части всего этого. Может быть, он знал, что Изель убила бы меня так или иначе, а потом попыталась бы убить Виктора и забрать Лидию и Корделию назад. Очень вероятно, что Хавьер приказал Изель пойти на это, совершить обмен, а затем у нее появилась бы возможность перестрелять нас. Я не знаю, есть много причин, почему все пошло не так. И много причин, почему Виктор сделал то, что сделал.

Все, в чем я уверена, это то, что я жива только благодаря Виктору. Я дома в Таксоне из-за Виктора. Я свободна от жизни, которую не выбирала, из-за Виктора.

Хладнокровный убийца по найму или нет, но он спас мне жизнь.

Я прошлась вокруг и вытатила деньги из-за шорт. Мои пальцы быстро пробежались по краям, позволяя каждой банкноте стремительно падать на следующую, создавая небольшой ветерок. Тут должно быть не менее пяти тысяч долларов. Я начала пересчитывать банкноты, но остановилась на четверти пачки, просто признавая, что там много. Достаточно, чтобы арендовать себе комнату на ночь, чтобы я могла принять душ и немного отдохнуть. Я решаю сделать именно это, радуясь, что придумала первую часть очень долгого плана. Но потом понимаю, что у меня нет даже водительских прав. У меня нет ни одного клочка документов, чтобы доказать, что я - это я, а не кто-либо еще. Мне очень повезет, если найду отель, чтобы снять комнату без документов, независимо от того, сколько денег я предложу, чтобы подкупить их. И мне нужно потратить эти деньги с умом, чтобы растянуть их. Потому что это все, что у меня есть.

В глубине души я понимаю, что могу просто пойти в полицию и рассказать им свою историю, и что они помогут мне. Но я чувствую себя такой ошеломленной даже простейшими вещами, что осознаю, я просто не справлюсь с этим.

Я печально вздыхаю, поникнув головой, и еще сильнее вжимаю пальцы в гальку, перемещая их по кругу.

А потом в первый раз за все время я разразилась слезами от жалости к себе. Не от гнева,

тоски, или разочарования. Я оплакиваю себя. Рыдания сотрясают все мое тело. Я позволяю деньгам упасть на землю рядом с моими босыми ногами, и обхватываю себя руками, просто позволяя этому выйти.

Несколько минут спустя я поднимаю голову и вытираю слезы со своего лица.

На противоположной стороне улице, возле здания школы показывается свет фар, и я слежу за машиной, пока она не останавливается на дороге в пятидесяти футах от меня.

Это Виктор.

Глава 16

Я не встаю сразу. Я просто пристально смотрю поверх травы на машину, зная, что я хочу сделать, но с трудом определяюсь, то ли это, что я должна делать. Но наконец я встаю, поддаваясь этому желанию, подбираю деньги с земли и направляюсь к машине.

Окно опустилось за секунду до того, как я подошла.

— Кем была миссис Грегори? — спрашивает Виктор, небрежно опираясь обеими руками на руль.

Я открываю дверь и забираюсь внутрь; для любого из нас нет необходимости задавать вопрос или объяснять, почему он здесь. Мы оба уже знаем. По большей части.

Я закрываю дверь.

— Она была мне матерью больше, чем моя настоящая мать.

Легкий ветерок из открытого окна треплет мои волосы.

Виктор молчит, глядя на меня, позволяя мне пережить эти моменты. Я смотрю вперед, вглядываясь в темноту сквозь чистейшее лобовое стекло.

— Я провела большую часть времени с ней, — продолжаю я, представляя в уме лицо миссис Грегори. — Она готовила мне по вечерам ужины, мы вместе смотрели телевизор. Она любила выпекать свое печенье по собственному рецепту. — Я подняла взгляд, слегка усмехнувшись. — Она была придирчивой старушкой. Не со мной, конечно, но она разговаривала с моей мамой несколько раз. Однажды, один из бойфрендов мамы зашел к миссис Грегори забрать меня. — Я снова резко поднимаю взгляд и говорю. — Он был одним из тех ничтожеств, которые думали, что раз они спят с моей матерью, значит, могут говорить мне, что делать. Во всяком случае, он громко постучал в дверь миссис Грегори и позвал меня по имени. Это было так смешно. — Я снова засмеялась, опустив голову на подголовник. — Она подошла к двери с дробовиком в руках. Он был не заряжен, но этого и не надо было. Парень выглядел так, будто кто-то пнул его по яйцам. Он никогда больше не приезжал забирать меня.

Я чувствую, как улыбка увядает на моих губах, когда появляются другие воспоминания.

— Однажды ей стало плохо, — говорю я отстранено. — Должно быть, что-то связанное с сердцем, я не помню, но было так страшно, что она умрет. Но она справилась с этим. — Моя голова склоняется набок, оставаясь на подголовнике, и я смотрю прямо в глаза Виктору. — Но что я всегда буду вспоминать о ней - как она учила меня играть на пианино. За пять лет, с того момента, как мне было восемь и я познакомилась с ней, до того момента, пока я не стала больше гулять со своей лучшей подругой, миссис Грегори, кажется, учила меня почти каждый день. Я возвращалась после школы, иногда забывая про домашние задания, и играла до тех пор, пока пальцы не начинали болеть. — Я опечаленно опускаю взгляд вниз, к приборной панели. — Я жалею, что встретила Бейли. И по сей день сожалею, что заменила миссис Грегори своей подругой.

Я больше не могу говорить об этом. Качаю головой и глубоко вздыхаю, поднимая голову

с сиденья. А затем я передаю ему деньги, предлагая их забрать.

— Сохрани их, — говорит Виктор, выводя машину на дорогу.— Позже они тебе понадобятся.

Я заталкиваю их между сиденьем и консолью.

— Ты знаешь, что находишься в опасности стать надежным членом общества, — шучу я. Я вижу, что он быстро взглянул на меня, не двигая головой.

— Возможно, — говорит он, выезжая на автостраду. — Запомни это, на случай, если мне снова понадобится тебя связать. — Он смотрит на меня, и хотя его губы не улыбаются, я вижу улыбку в его глазах.

Я поворачиваюсь к окну рядом со мной, потому что в отличие от Виктора, я абсолютно не могу контролировать улыбку на лице и не могу допустить, чтобы он ее увидел.

Мы останавливаемся в отеле в непосредственной близости от Таксона и вместо того, чтобы убегать, на этот раз я помогаю ему нести привычные сумки до нашего номера на третьем этаже. Наш номер. Два слова вместе, несколько дней назад я бы и представить себе не могла, что буду использовать их так обычно. Я спросила о собственном номере, но он настаивал, чтобы я находилась рядом. Я не стала спрашивать почему. Будучи в бегах с кем-то вроде него, предполагаю, что так будет лучше, но чувствую, что есть что-то большее, о чем он не говорит мне. Я отвлекаюсь от этих мыслей, видя кровь внизу рубашки Виктора, когда он вытягивает ее из брюк.

— Ты ранен? — я подхожу к нему, чтобы лучше рассмотреть ту сторону его тела.

— Да, но я в порядке.

— Но почему... в тебя стреляли?

Он расстегивает рубашку донизу, обнажая свои четко очерченные мышцы груди и живота, но все, что я замечаю, это еще больше крови.

Теперь я понимаю, почему она так спешила попасть в комнату, и почему казался таким нехарактерно обеспокоенным, когда мы расставались с Николасом и Корделией.

— Сходи вниз на ресепшн и попроси бутылку перекиси, марлю и алкоголь. У них должна быть аптечка.

Я перевожу взгляд с его глаз на кровь, пытаюсь увидеть рану. Он снимает рубашку и бросает на пол.

Наконец я замечаю его телосложение.

— Сэрай?

— Хорошо, я сейчас вернусь. — Я смотрю на него.

Я тороплюсь за дверь, не бегу, но иду поспешно, так, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Боже, я чувствую себя, как беглянка.

Несколько долгих минут у клерка с ресепшн занял поиск того, что я просила, в течение которых она вышла из холла и искала в комнате обслуживающего персонала. Потому как у нее в столе была только крошечная аптечка с несколькими лейкопластырями и мазью-антибиотиком.

— Сожалею, я не могу найти перекись, но вот полная бутылка алкоголя. — Девушка протянула мне бутылку и не распакованную упаковку с рулончиком марли. — Что случилось? Все в порядке?

Я поблагодарила её и взяла вещи со стола.

— Да, все в порядке. Мой э-э... парень, порезал палец своим карманным ножом. — Я потрясла головой и драматично закатила глаза. — Он попытался открыть один из этих

пластиковых пакетов. Я говорила ему спуститься сюда и попросить ножницы, но он настаивал, что сделает это. — Я закатила глаза снова, чтобы немного поддержать эффект.

— Звучит, как про моего парня. — Девушка усмехается.

Я смеюсь вместе с ней, снова благодарю ее и поворачиваюсь обратно к лифту, чувствуя, что недостаточно быстро разобралась с ней.

Виктор к моему возвращению стянул брюки с одного бедра. Он стоит перед зеркалом, неловко поворачиваясь, чтобы лучше разглядеть рану, которую я теперь отчетливо вижу. Небольшая дырочка в толще плоти сзади, в верхней части тазовой кости. Кровотечение кажется не таким большим, хотя кровь на рубашке служит доказательством, что оно было обширным.

Я подхожу и выставляю запасы на длинной тумбочке от телевизора перед зеркалом.

— Пуля все еще там? — спрашиваю я, внимательно рассматривая рану.

— Да, — говорит он, потянувшись к алкоголю, — но не глубоко. Свернув крышку, он немного наливает на рану. Морщится и на мгновение закрывает глаза, пока обжигающая боль не станет легче.

— Все это время она была там? — спрашиваю я, не находя потенциальную причину приемлемой. — Почему ты не занялся этим раньше? Или не обратился в госпиталь?

В голове пронеслось, что он не занялся этой раной после того, как высадил меня, что он ждал все это время...

— Виктор? — осознав, я задаю вопрос.

Он подходит к спортивной сумке на столе у окна и что-то ищет внутри.

— Да? — он едва взглянул на меня, больше занятый ножом, который только что достал из сумки.

В последнюю секунду я решаюсь не высказывать своих предположений вслух. Потому что, вероятно, я далека от истины и не хочу выглядеть глупо, веря во что-то настолько нелепое.

— Ничего, — говорю я. — Нужна помощь?

Он оценил предложение.

— Нет, я справлюсь. Я уже это делал раньше.

Возможно, во лжи, которую я рассказала клерку на ресепшн, была доля правды. Я слегка улыбнулась, думая об этом, когда шла к нему через комнату, с марлей и алкоголем в руках.

— Ты даже не можешь увидеть ее полностью, — указываю я. — Я могу помочь. Просто скажи мне, что делать. Я не совсем бесполезна.

Снова на его лице появляется легкая задумчивость, а потом, к моему удивлению, он снимает брюки и остается передо мной практически голым, одетым только в тонкие черные боксеры, которые облегают каждую мужскую выпуклость и углубление от талии до вершины бедер. Вполне естественно, что я немного изучала его, тем более, что он в такой хорошей физической форме, но я не могу допустить, чтобы это отвлекло меня. Пуля заслуживает всего внимания, которое я могу ей дать.

Некоторое время он опалает лезвие ножа зажигалкой и протягивает его мне. Я никогда прежде не делала ничего подобного и чувствую, что меня слегка тошнит даже при мысли об этом, но я стараюсь, чтобы это не отразилось на моем лице. Я беру нож за рукоятку и жду от него инструкций.

— Как я сказал, она не глубоко. Просто приподними ее лезвием ножа.

Я вздрагиваю от картинки, которую его слова создали в моей голове.

— Но что, если я тебя порежу?

— От этого не станет хуже, чем уже сделала пуля. Теперь поторопись, — говорит он, стягивая резинку нижнего белья чуть ниже бедренной кости, что бы дать мне больший доступ к ране.

Я нерешительно подношу нож к его коже и смотрю на него, надеясь, что, в конце концов, он передумает и сделает это сам. Потому что я действительно не думаю, что смогу сделать это.

— Давай, — он подбадривает меня. — Ты не сможешь сделать мне больнее, чем она уже делает.

Я встаю на колени, так чтобы мои глаза были на одном уровне с раной, и чувствую, что мое лицо краснеет, когда я вижу очертания его мужественности через облегающие боксеры. Но по-прежнему, я не позволяю его очевидно хорошим генам отвлечь меня.

Я осторожно ввожу кончик ножа в рану, мое лицо скорчивается в ужасной гримасе. Поначалу нервничая, я слишком долго проталкивала его дальше, пока Виктор не устал ждать.

— Это похоже на срывание лейкопластыря с раны, Сэрай, — раздраженно говорит он. — Просто сделай это, и покончим с этим. Чем дольше ты ее достаешь, тем хуже ощущения.

Я прикусываю нижнюю губу, сжимаю пальцами свободной руки заднюю часть его твердого бедра, чтобы получить лучший доступ к ране и ввожу нож глубже. Я чувствую, как напряглись его мышцы под моей рукой, но я слишком сильно нервничаю, чтобы посмотреть вверх и увидеть боль, которая, я знаю, отражается на его лице.

— Почему ты вернулся за мной? — спрашиваю я, частично для того, чтобы отвлечь разум от того, что я делаю, но часть меня действительно хочет это знать.

— Я и не уезжал, — говорит он, и я гляжу вверх, чтобы увидеть его глаза. Он смотрит вдаль и затем добавляет, — думал, ты последуешь за мной. Я планировал вернуться и подождать, пока Хавьер или тот, кого он пошлет за тобой, покажет, где ты была.

Озадаченная его признанием, я вынимаю нож из его плоти и, подняв голову, свирепо смотрю на него.

— Ты использовал меня как приманку? — Я не знаю, отчего возникла боль, которую я внезапно ощутила: потому что я рисковала своей жизнью ради поимки Хавьера или же потому что Виктора не заботит мое благополучие так сильно, как я начала думать.

Виктор легко вздохнул, хоть и оставаясь раздраженным, но мне кажется, больше из-за того, что я сказала, а не из-за того что я не тороплюсь снять этот чертов лейкопластырь.

— Нет, — говорит он. — Вскоре после того, как я выехал на главную дорогу, я увидел другую машину, следующую за мной. Брендовый новый кадиллак. Черный, с хорошей ценой. Я подумал, что он не совсем подходит для этого района.

Я ощущаю себя глупой даже прежде, чем он заканчивает объяснение.

— Так что я развернулся, припарковался на дороге и наблюдал за ним, чтобы убедиться.

Теперь я вспомнила эту машину, она единственная проехала мимо меня и заставила сильно понервничать.

Я возвращаюсь к поиску пули, стараясь быть очень осторожной.

— Прости, — говорю я.

— За что?

Наконец, я вижу среди крови пулю и достаю ее кончиком ножа.

— За то, что обвиняла тебя.

Пуля падает на пол и из раны вытекает струйка крови.

— Возьми марлю, — небрежно говорит он, указывая на стол.

Я делаю, как он говорит, пока он поливает кровавую рану алкоголем, сжимая зубы сильнее, чем прежде.

Я беру со стола марлю и вынимаю ее из упаковки, разматывая на всю длину, которой явно недостаточно даже для того, чтобы дважды обернуть вокруг его талии, не говоря уже о том, чтобы хорошо забинтовать рану и остановить кровотечение.

— Я не должна ее зашить или что-нибудь еще? — спрашиваю я.

— Не сейчас, — говорит он. — У меня нет ничего, чем можно ее зашить. У тебя есть только марля, чтобы забинтовать ее.

— А не получится, что...

— Все будет в порядке, — он уверяет меня, кивая на марлю, свисающую из моей руки.

— Я полагаю, Изель отомстила тебе за те поверхностные раны, которые ты нанес ей, — говорю я, опускаясь на колени на уровне раны.

— Думаю, она так и сделала, — говорит он. — Просто затолкай марлю внутрь пальцем. И сильно надави.

Даже не думая о том, что мои руки пачкаются в крови, я начинаю заталкивать марлю в рану до тех пор, пока она не перестает влезать. Но теперь я вижу, что рана не настолько глубока, возможно, около дюйма и в действительности выглядит хуже, чем есть на самом деле.

После обрезания излишков марли, он натягивает обратно свое нижнее белье, чуть ниже бедра.

— Я иду в душ, — говорит он по пути в ванную комнату. — Никому не открывай дверь. И держись подальше от окна. Спасибо тебе за помощь.

— Конечно. Обращайся, — уныло говорю я.

Я хочу, чтобы он был чуть более разговорчивым. И собираюсь исправить это.

Он скользнул в ванную комнату и секундой позже я слышу, как течет вода.

Я плюхаюсь на край кровати и включаю телевизор, в поиске местных новостей. Когда я их нахожу, я ничего не могу делать, только плююсь на черноволосую женщину, стоящую вне области, где "десять тел были найдены застреленными сегодня ранним утром". Остальная часть того, что она говорила, осталось на задворках моего сознания. Больно думать о Лидии, о той ужасной смерти, которая ее настигла. Больно знать, что я не смогла ей помочь, как обещала, и ее дедушка и бабушка скоро узнают о ее смерти, их сердца будут разбиты.

Единственное хорошее, что я узнала из этих известий, - то, что тело Лидии найдено, что она не останется там, распадаясь и превращаясь в пыль, оставаясь неопознанной.

Глава 17

Виктор

Когда я вышел из душа, девушка уже спала. Я выключил свет в комнате и перепроверил дверь, прежде чем остановился возле ее кровати. Она свернулась в позу эмбриона, прижав к груди подушку. Девушка грязная, может быть, она и сходила бы в душ, но все произошедшее ее истощило.

Я изучаю ее длинные растрепанные каштановые волосы, обрамляющие очертания ее лица. Лежа здесь, она кажется такой спокойной и невинной. Несмотря на истощение от

того, через что она прошла, мне кажется интересным то, что она вообще может спать.

Я собираюсь приобрести для нее новую одежду и обувь в ближайшее время.

Осторожно накрываю ее покрывалом и оставляю глубоко спящей, усаживаясь за стол на другой стороне комнаты.

Я нарушил собственные правила, взяв ее с собой. Я знаю, что должен был оставить ее на парковке трейлеров и ждать, пока Хавьер приедет за ней - потому что это одно из тех мест, где он будет искать в первую очередь - облегчая мне его ликвидацию. Но я чувствую, что я в долгу перед ней, должен сохранить ее жизнь. По крайней мере, пока. По крайней мере, пока Хавьер Руис не умрет. Она слишком много видела, слишком много знает. У нее появились все признаки того, что она потеряла способность реагировать на страх и опасность соответствующим образом. Она окаменела из-за опасности, что само по себе является смертным приговором.

Как только все закончится, я снова верну ее к самостоятельности. Возможно, она найдет свой путь, хотя ее шансы невелики. Но я должен принять этот риск. Девушка не может оставаться со мной дольше; мой образ жизни ее убьет.

Я устанавливаю контакт с Николасом через живую видеосвязь на моем iPad, одевая только один наушник так, чтобы я мог контролировать громкость своего голоса, пока буду разговаривать с ним.

— Она все еще с тобой? — Скептически спрашивает Николас.

Ничего другого я от него не ожидал.

— Я избавлюсь от нее, как только ликвидирую Хавьера Руиса, — говорю я. — Сейчас она нужна мне рядом. Я не могу гоняться за Хавьером, если он будет переезжать от места к месту в погоне за ней.

— Так ты используешь ее как наживку? — Он, кажется, одобряет перспективу.

Я взглянул на Сэрай, чтобы убедиться, что она не проснулась.

— Да, — отвечаю я, смотря на Николаса, но сразу же чувствую, что обманываю моего брата и, в свою очередь, нашего работодателя.

Я известен тем, что беру дела в свои руки и нарушаю протокол для успешного выполнения задания. Со временем мои решения, основанные исключительно на инстинкте, Воннегут принял и начал уважать. Потому что я никогда не ошибался. Но нарушение протокола явным обманом Ордера - для меня что-то новое.

И я до сих пор не совсем понимаю, почему это делаю.

— Хорошо, — говорит Николас. — К делу. Последнее известное местонахождение Руиса было за пределами Ногалеса. У него были трудности с пересечением границы в Аризоне, но в итоге он получил разрешение, как только один его "свой человек", засланный в пограничный патруль, прибыл встретить его. Мы считаем, что он уже на дороге в Таксон, если уже не здесь.

Николас добавляет:

— Каким будет твое следующее действие? Воннегут почти полностью переложил управление этой миссией на тебя. Все, о чем он просит, - держать его в курсе. И, как ты понимаешь, я надеюсь, он считает, что дело слишком затянулось, пора его завершать. Хавьер должен был быть ликвидирован вчера, а ты сейчас уже должен был лететь в самолете на следующее задание.

— Я осведомлен, — подчеркиваю я. — Все, что мне нужно, - еще сорок восемь часов самое большее.

Николас соглашается, кивая в ответ.

— Утром я возьму с собой девушку в Хьюстон, — продолжаю я. — Сообщи Явочной Квартире Двенадцать о моем прибытии.

— Почему Двенадцать? — Николас осторожно смотрит на меня. — Ты всегда выбирал Явочную Квартире Девять. Двенадцать не твоя... Сказать ее тип?

— Я отправляюсь туда не за этим, — говорю я ему.

Он верит, но я чувствую, что он не совсем согласен с этим.

Что-то отличает брата как связного от моего брата, и я намерен выяснить, что.

— Зачем вообще ехать в Хьюстон? — спрашивает он, по-видимому, раздраженный моими решениями в целом. — Ты должен ждать, пока он придет к тебе, и быть готовым к этому. Почему ты затягиваешь это, Виктор? — Злость и разочарование повышают его голос.

— Я заберу девушку туда, чтобы оставить ее в безопасности, — говорю я, и на его лице отражается более чем достаточно вопросов, показывая, что он вышел из себя из-за моей аргументации. Так что для сохранения отношений с братом я добавляю, — Николас, это временно, я тебя уверяю. Ты должен доверять мне.

— Очень хорошо, — Николас соглашается, подавляя подозрения. — Я предупрежу Явочную Квартире Двенадцать о твоём прибытии. Она будет ждать тебя.

А затем видеосвязь обрывается.

Я пробегаю пальцем по ряду сенсорных клавиш, взламывая систему через черный ход. Я набираю длинную серию команд, очищая устройство от всей компрометирующей корреспонденции, а затем вызываю сбой в системе. Я беру iPad и тихо прохожу мимо Сэрай в ванную комнату, стирая с каждого его квадратного дюйма свои отпечатки пальцев с помощью оставшегося алкоголя. А затем бросаю устройство в дальнюю часть туалета.

Я заползаю на кровать у окна и ложусь на спину, в темноте глядя в потолок.

— Я ему сильно не нравлюсь. Не так ли?

Я тихо столбенею от того, что ей удалось притвориться спящей без моего ведома.

Она притворялась? Или из-за нее я становлюсь рассеянным?

— Нет, — отвечаю я, не глядя на нее.

— А тебе?

Вопрос озадачивает меня.

Девушка встает с кровати, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть, как она приближается. Не зная, что делать, неспособный читать ее из-за смущения от ее действий, я молчу. Она ложится рядом со мной. Ее колени подтянуты и сжаты вместе, руки зажаты между ними, Сэрай смотрит на меня.

— Ты должна вернуться в свою кровать, — говорю я.

— Я просто хочу спать здесь. Это не то, что ты подумал. Я просто боюсь.

— Ты ничего не боишься, — говорю я, снова смотря в потолок.

— Ты ошибаешься, — возражает она. — Я боюсь всего. Того, что будет завтра, и выживу ли я, чтобы увидеть, чем все закончится. Я боюсь Хавьера или кого-нибудь еще, кто войдет в эту дверь и убьет меня спящей. Я боюсь оказаться неспособной жить нормальной жизнью. Я уже даже не знаю, что чувствуют нормальные люди.

— Страх и неопределенность - совершенно разные вещи, Сэрай. Ты ничего не боишься, но сомневаешься во всем.

— Как ты можешь в это поверить? — Она кажется по-настоящему озадаченной моей оценкой ее.

Я смотрю на нее и отвечаю:

— Потому что ты не пошла в полицию. Потому что ты не пыталась связаться с кем-нибудь еще, кого ты знала, хотя у тебя было множество возможностей сделать это. Потому что ты вернулась в машину. Со мной. Убийцей. Потому что ты знаешь, что я убью тебя, не раздумывая дважды и не буду раскаиваться, а еще ты лежишь рядом со мной. Здесь, на этой кровати. Одна и охотно.

Я поворачиваюсь и поднимаю с пола за кроватью пистолет и до того, как девушка понимает, что происходит, его дуло прижимается к ее подбородку, принуждая ее откинуть голову. Я прижимаю ее своим телом, наши плечи соприкасаются, вес моей руки с пистолетом давит ей на грудь. Мои глаза изучают ее, в ее глазах вопрос и удивление, хоть и слабое. Я смотрю на ее рот, ее нежные и невинные губы мягко сжаты.

Я наклоняюсь и шепчу ей:

— Потому что ты не дрожишь, Сэрай. — И затем медленно убираю пистолет, не сводя с нее своих глаз.

— Я не Хавьер, — говорю я. — Ты ошиблась, если решила, что можешь манипулировать мной так, как ты делала это с ним.

Девушка кажется обиженной, хотя этого очень мало в ее глазах, я это вижу. Это именно та реакция, которую я хотел. В которой я нуждался, чтобы узнать, что обвинение было ложным.

Не споря, она смотрит мимо меня и переворачивается на другой бок. Она не встает и не уходит на свою кровать.

И я не принуждаю ее.

— Я не была с Хавьером по собственной воле, — говорит она спиной ко мне. — У меня нет никаких причин манипулировать тобой.

Проходит минута тишины; только шарканье ног, спускающихся по покрытому коврами полу коридора за дверью, нарушает ее.

— Я рада тому, что ты вернулся, — мягко говорит Сэрай. — И Виктор... Я должна сказать тебе. Я была лгуньей в течение последних девяти лет моей жизни. Все, что я сказала, сделала и выразила, было ложью. Мне нравится думать, что я научилась этому к настоящему времени. — Она прерывается, и я не хочу долго задаваться вопросом, что она будет с этим делать. — Я заметила, что все время, что ты говорил с тем человеком, Николасом, обо мне, ты ему врал. — Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. — Спасибо за то, что ты помогаешь мне.

Затем она отворачивается, и остаток ночи ничего мне не говорит.

Сэрай

На следующее утро я просыпаюсь, запутавшись в простыне на середине кровати Виктора.

Интересно, здесь ли он спал прошлой ночью.

— Идем, — говорит он где-то позади меня. — У нас есть два часа до отлета самолета, а тебе нужна новая одежда.

Я переворачиваюсь, чтобы увидеть его стоящим в комнате, полностью одетого в свой костюм и окровавленную белую рубашку, ожидающего меня.

Я вижу на его рубашке, заправленной в брюки, кровавое пятно.

— Не мне одной нужна новая одежда.

Я подхожу к нему и пытаюсь вытянуть его рубашку, но он запахивает пиджак и застегивает его только на одну пуговицу, скрывая заметное красное пятно на белой ткани.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, слегка задетая тем, что он не дал мне шанса осмотреть его рану.

— Я в порядке.

— Но тебе нужно как минимум сменить эту марлю.

— Я знаю, — беспечно говорит Виктор. — И позабочусь об этом, когда мы будем в Хьюстоне.

Мы едем в соседний универмаг, он паркуется у входа и выходит из машины. Я остаюсь сидеть, не ожидая, что она заставит меня идти внутрь разутой, наблюдая за мной.

Перед тем, как он закрывает дверь, говорю:

— Я, наверно, должна сказать тебе размер, который я ношу.

Он закрывает дверь, не позволяя мне закончить, обходит машину и открывает дверь с моей стороны, ожидая меня.

— У тебя шестой размер, — говорит он, удивляя меня. — А теперь выходи. Ты не можешь остаться здесь одна.

— Я не могу идти внутрь так. — Я указываю на свои босые ноги, мои ступни уже черные от хождения без обуви со вчерашнего дня. — Я босая. Ни футболки, ни обуви, никакого обслуживания.

Явно раздраженный мной, Виктор берет меня за руку и вытаскивает из машины.

Я с трудом протестую.

Мы находились в магазине всего пятнадцать минут перед тем, как выйти из него с новыми обычными серыми штанами, простой белой футболкой и парой кроссовок. Он также позволил мне взять упаковку белых носков и шесть пакетов белых хлопковых трусиков. Все время у меня было ощущение, будто я что-то забыла, но вспомнила только, когда мы вернулись в машину: я должна была купить лифчик. Прошло так много времени с тех пор, как я его носила, что я действительно забыла его важность.

Я ожидала увидеть обычный аэропорт и полететь на пассажирском самолете, но вместо этого мы поехали в место за Грин Вэлли и сели в частный самолет. В этом есть смысл, как я понимаю, так как он не может спокойно пройти личный досмотр в любом государственном аэропорту с полным чемоданом оружия, спортивной сумкой с кучей наличных и множеством других подозрительных предметов.

Пока мы летим в крошечном самолете, Виктор дарит мне мое собственное фальшивое водительское удостоверение, которое настолько похоже на настоящее, что легко могло бы сойти за выданное ДАТ³. Я удивляюсь, где он его взял, но не спрашиваю, предполагая, что рано утром, как раз перед тем, как мы ушли, он спустился к ресепшн в холле, чтобы получить "посылку".

Сегодня я двадцатилетняя Изабель Сейфрид из Сан-Антонио, Техас.

И фотография, я даже не уверена, как ему удалось ее сделать, но она определенно моя и настолько свежая, что я на ней одета в ту же грязную майку, которую носила с тех пор, как сбежала из лагеря. Естественный фон с фото был удален и заменен на скучный голубой фон ДАТ, так что у меня нет идей, где я была, когда он сделал фото. Я не знаю, но у меня есть водительское удостоверение, и для меня нет ничего лучше.

— Место, куда мы направляемся, — говорит Виктор, — безопасное, но женщина оттуда

не знает твоего настоящего имени. Никто оттуда не должен его узнать. Я буду обращаться к тебе как к Изабель, и ты должна отзываться на это имя так, будто оно твое собственное.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Кто эта женщина?

— Она связной... своего рода. Хотя больше для контактов.

Смутившись, я спрашиваю:

— Но если она одна из вас, зачем ей врать?

Он делает плоток воды и ставит бутылку обратно на маленький столик, прикрепленный к стенке самолета под овальным окном.

— Это просто предосторожность, — говорит он, опираясь головой на подголовник. — Когда один человек разыскивается множеством состоятельных людей, практически каждый может начать сомневаться.

Я поднимаюсь с сиденья.

— Подожди, что ты сказал? Ты думаешь, что кто-нибудь еще знает о том, что я сбежала от Хавьера?

— Я не получил этому подтверждения, но лучше подготовиться заранее.

Как будто я недостаточно побывала на краю...

Глава 18

Наш самолет приземляется в Хьюстоне только после двенадцати и там обычная голубая машина - похожая на ту, что водила моя мать, - ожидает нас у входа. Виктор берет все три сумки и прячет их в багажник. Женщина за рулем - связной, предполагаю я. Но она выглядит такой же обычной, как и ее машина. Я ожидала большей утонченности, как у Виктора в его черном костюме и дорогих туфлях, но в действительности она больше похожа на меня.

— Я не видела тебя годами, — говорит женщина после того, как Виктор садится на переднее сидение. Я сажусь на заднее, позади него.

— Да, прошло некоторое время, — отвечает Виктор.

Когда женщина улыбается ему, глубокие морщины образуются вокруг уголков ее рта. У нее светлые волосы, ее возраст больше всего выдают ее волосы, судя по количеству седины в них. Она намного старше Виктора, лет на десять, по крайней мере. Но она очень хорошенькая и чистая, и я ощущаю смущение, сравнивая с ней себя в моем нынешнем состоянии.

Мы отъезжаем от здания возле взлетно-посадочной полосы и держим курс на шоссе.

— Интересно, как тебя занесло на мою голову в леса, — добавляет она. Затем бросает на меня быстрый взгляд. — И кого ты взял с собой? Хорошенькая девочка. У меня есть чувство, что она не...

— Нет, она не, — прерывает Виктор.

Я не что именно?

Затем он начинает говорить с ней по-французски.

Испанский, немецкий, французский? На скольких языках говорит этот человек?

Я ненавижу то, что не могу понять, о чем они говорят, но знаю, что они говорят обо мне. Женщина несколько раз смотрит на меня в зеркало, легкая понимающая улыбка приподнимает уголки ее губ. Но, даже не понимая языка, я могу сказать, что он не был до конца честен с ней. Или, может быть, не могу. Возможно это только потому, что в глубине души я знаю, что мне не о чем беспокоиться, когда дело касается Виктора.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Этот факт с каждым днем все больше меня удивляет.

— Рада знакомству с тобой, Изабель, — говорит она.

Я слегка улыбаюсь ей и решаю, что раз у меня нет идей о том, что Виктор сейчас рассказал ей обо мне, то лучше буду поменьше разговаривать, чтобы не противоречить его истории.

Некоторое время спустя мы съезжаем на дорогу, ведущую к скромному маленькому домику, стоящему рядом с такими же домами. Два мальчика проехали мимо нас на своих велосипедах, когда мы выходили из машины. Непосредственно через улицу мужчина на дороге моет свою машину. Женщина с нами поднимает руку и машет ему, он машет в ответ. Это очень типичная местность, в подобной которой жили все мои друзья из школы, которая больше уважалась популярными девочками, чем парк трейлеров, где я росла.

Женщина открывает багажник кнопкой в машине, и я присоединяюсь к Виктору позади машины, когда он достает свои сумки. Но у меня не появляется шанса приватно спросить у него, что он мог сказать, женщина подходит к нам секунду спустя.

— Извините за беспорядок, — говорит она, перебирая ключи; на ее плече висит сумочка. — Я сделала уборку, но если бы у меня была еще пара дней на подготовку, я бы наняла горничную Молли. — Она машет нам следовать за ней. — Пойдемте внутрь. Мой бедный Перчик растерзает жалюзи, если мы еще дольше здесь простои́м.

Когда мы подходим к двери под навесом, я слышу со стороны окна приглушенный лай маленькой собачки. Жалюзи хаотично перемещаются за занавеской. Под навесом припаркована еще одна машина, она старая и выглядит так, будто стоит здесь уже несколько лет. Когда женщина открывает дверь, запах еды, восхитительной еды, немедленно заставляет мой желудок урчать и болеть.

— Обед готов, — говорит женщина, провожая нас в кухню. Она кладет свою сумку на стойку; ее лающий шпиз бегаёт вокруг, решая, чью ногу понюхать подольше, мою или Виктора.

— Садитесь, — говорит она, указывая на кухонный стол.

Не заставляя звать меня дважды, я сажусь на ближайший стул, пустая тарелка ожидает меня.

Виктор садится на соседний стул.

Женщина кружится вокруг с керамической миской, наполненной картофелем-пюре в одной руке и тарелкой, полной жареной курицы в другой, а затем ставит их напротив нас. Маленькая миска с хлебом и корзинка с рулетами следуют за ними.

Не чувствуя права быть первой, я жду, пока Виктор что-нибудь возьмет.

— Что бы вы хотели выпить? — спрашивает женщина. — У меня есть содовая, чай, молоко, лимонад.

— Воды достаточно, — говорит Виктор и смотрит на меня, вскользь кивая на еду, давая мне разрешение начинать наполнять мою тарелку. — Из крана, — добавляет он в последнюю секунду.

Я тянусь к курице и беру кусочек щипцами.

— Мне тоже воды, — говорю я, поднимая взгляд на женщину, когда кладу ножку курицы на свою тарелку. — Спасибо.

Она мило улыбается, подходит к бару около холодильника и начинает готовить нам напитки, ругая маленькую собаку и выгоняя ее из кухни, подальше от нас.

Когда она вернулась с нашими стаканами, мы с Виктором уже успели положить на свои тарелки, всю еду, которую хотели.

Она ставит наши напитки перед нами.

Я снова благодарю ее и уже не думая о том, кто "начнет первым", беру ложку и начинаю есть, но Виктор останавливает меня, положив два пальца на мое запястье и опуская мою руку обратно на стол. У меня вспыхивает лицо, и я опускаю глаза, надеясь, что женщина не подумает, что я плохо знаю столовый этикет. Я полагаю, она религиозна, потому что мы должны неловко держаться за руки вокруг стола, пока она разговаривает с Иисусом и говорит Ему, как мы благодарны за эту еду и все такое.

— О, Виктор, — шутливо говорит она, — ты не можешь быть серьезным.

Он ничего не отвечает.

Я смотрю на него, сидящего справа от меня, сдвигая брови. Может быть, он один из тех, кто считает, что нужно молиться.

Конечно, нет...

Женщина вздыхает и закатывает глаза, когда тянется и отодвигает мою тарелку от меня.

Теперь я окончательно сконфужена. Я кладу руки на колени под столом, потому что не уверена, что еще я должна с ними делать.

Я поворачиваюсь к Виктору, на мгновение потерявшись в таинственных глубинах его глаз под ярким светом светильника над центром стола. Я нервно сглатываю и возвращаюсь к реальности, когда снова слышу голос женщины.

— Он никому не доверяет, — говорит она мне, зачерпывая немного пюре с моей тарелки и отправляя его в свой рот. Она указывает своей ложкой на меня и продолжает с набитым ртом. — Никогда. Но этого и следовало ожидать. — Она сглатывает. — Что вполне понятно, с учетом его работы и всего остального.

Ее глаза перемещаются на Виктора, и вдруг она меняет тему, как будто он послал ей предупреждающий взгляд, который я пропустила за то время, что поворачивала голову, чтобы тоже посмотреть на него.

— В любом случае, — продолжает она, теперь откусив кусочек от моей курицы, — вы двое можете оставаться здесь так долго, как вам нужно. Свободная комната находится в конце коридора. — Она откусывает от моего хлеба, а затем от рулета, в конце обмывая мою еду своим чаем.

Затем она пододвигает мою тарелку обратно ко мне. Я нерешительно принимаю ее, взяв за край тарелки и ощущая дискомфорт из-за того, что мне придется есть все, чего она просто коснулась ложкой.

Виктор следующим пододвигает к ней свою тарелку, и она проделывает то же с его едой.

Меня беспокоит то, что в доме одного из своих связных он чувствует необходимость заставлять ее пробовать еду первой, чтобы доказать ему, что она не отравлена. Я кратко задумалась о нашей воде и поняла, почему она попросил налить ее из-под крана. Он наблюдал за каждым движением женщины все время, что я, образно говоря, пускала слюни на первую мою домашнюю еду с тех пор, как я гостила в доме миссис Грегори.

Виктор кивает мне, давая знать, что теперь можно есть. И я не даю зародиться новой мысли и начинаю есть.

В течение следующих тридцати минут, пока мы ели, говорила в основном женщина, которую зовут, как я узнала, "Саманта". То и дело Виктор добавляет несколько комментариев там и тут, но мне кажется, что у него еще меньше охоты общаться, чем было со мной или Николасом. Но, кажется, она не возражает. На самом деле она спокойнее относится к этому,

чем я могла бы. Если бы эти двое были сейчас на свидании, всем в ресторане было бы очевидно, что он не с ней и ей тоже был бы ясен этот факт. Но это не свидание и у меня такое чувство, что я единственная в этой комнате, кто не обращает внимания на то, что происходит.

Моя теория подтверждается после ланча тем, что эти двое начинают... меняться.

— Вы будете спать на одной кровати? — спрашивает она из дверного проема свободной спальни.

Здесь только одна кровать. Этот вопрос я задаю себе с тех пор, как вошла.

— Если нет, продолжает она, взглянув на Виктора так, будто она не ожидала, что я замечу, — тогда я могу постелить одному из вас на диване.

— Это не важно, — отвечает Виктор, и я не знаю почему, но мое сердце подпрыгнуло в груди. — Я не буду спать.

Мое сердце приходит в норму. Скучную, без трепета норму.

Саманта выглядит довольной.

И по какой-то причине, я немедленно... начинаю ревновать.

Пытаясь познакомиться с этой глупой, абсурдной эмоцией, которая только что проникла в мою голову, я заставляю себя избавиться от нее. Я начинаю осматривать различные объекты в комнате: двуспальная кровать, накрытая простым покрывалом кремового цвета, соответствующие шкаф и комод, размещенные у противоположной стены, большой дубовый сундук с вырезанной на нем лошадью стоит в изножье кровати, окно с одинаковыми простыми белыми занавесками, с одного конца карниза свисает ожерелье из бисера.

— Хорошо, тогда, — говорит она, стоя в дверном проеме, обнимая себя руками. — Чувствуйте себя как дома. И Виктор... — она бросает взгляд ниже его пояса, — когда будешь готов к перевязке, ты знаешь, где меня найти.

— Я скоро приду, — говорит Виктор, она вежливо улыбается нам обоим и идет по коридору, оставляя в комнате нас одних.

— Почему мы именно здесь?

Виктор открывает свой чемодан с оружием на кровати и достает оттуда два гладких черных пистолета. Он кладет один под матрас, а второй на маленький столик в углу комнаты. Затем он открывает шкаф и достает новый костюм, после того, как перебрал несколько других, висящих на вешалках. Сначала брюки, затем рубашку на пуговицах с длинными рукавами и последним подходящий пиджак.

— Ты остаешься здесь, — говорит он, — пока я не убью Хавьера. Сегодня вечером я вернусь в Таксон или туда, где мне скажут, что видели Хавьера в последний раз, а затем найду его и убью.

— Но почему Хьюстон? — спрашиваю я, сидя на краю кровати. — Не была ли... "Явочная Квартира" где-нибудь в Аризоне ближе? Знаешь, возможно, ты должен был использовать меня в качестве наживки, в конце концов. Я могла бы помочь тебе. Я имею в виду, что вполне вероятно тот, кто ищет меня, в первую очередь проверит место, где я раньше жила, людей, которых я знала. — Я прерываюсь, думая про себя, как я рада тому, что миссис Грегори больше не живет там, где жила.

— Ты права, — говорит он. — И именно поэтому я, скорее всего, вернусь в Таксон. Я видел, где ты жила раньше, где жила женщина, с которой ты проводила большую часть времени. Приехав туда вчера вечером, ты уже помогла мне, точно показав, где может быть

найден Хавьер. Больше нет нужды рисковать твоей жизнью, оставляя тебя там.

— Так значит, ты с другой целью отвозил меня домой, — говорю я, чувствуя себя сейчас очень маленькой. — Ты просто хотел увидеть местность.

Виктор встряхивает головой и задвигает верхний ящик комода. Он поворачивается лицом ко мне и что-то незнакомое появляется в его зелено-голубых глазах.

Длинный выдох вырывается из его ноздрей.

— Я забрал тебя домой потому, что ты этого хотела, — говорит он и идет к двери со всей своей одеждой, аккуратно перекинутой через руку.

— Даже зная, что они вернутся туда искать меня?

Он останавливается у двери спиной ко мне, его пальцы лежат на ручке, готовые ее открыть. Он откидывает голову назад и опускает плечи.

Тотчас я чувствую, что обидела его.

— Я воспользуюсь душем в комнате Саманты, — говорит он, и это ранит. — Ты должна привести себя в порядок и переодеться в свою новую одежду.

А затем он выходит, оставляя меня здесь в одиночестве.

Глава 19

Сэрай

Вместо душа я долго отмокала в горячей ванне. Боль в мышцах была чем-то ужасным незадолго до того, как я скользнула в горячую воду и начала чувствовать мелкие ссадины и порезы по всему телу, которых раньше не замечала. Удивляюсь, как не получила вместе с ними огнестрельное ранение.

К тому времени, как я выхожу, я ощущаю себя чище, чем когда-либо раньше, у меня есть новая одежда, которую я надену, есть чем побриться. Там в универмаге Виктор мне сказал, что я могу взять все, что хочу и не имеет значения, сколько оно стоит, только побыстрее. Я выбрала самые немодные, обычные вещи, которые только смогла найти. Потому что меня не волнует мода и я, честно говоря, не могу припомнить, когда в последний раз для меня имело значение что-нибудь подобное.

Одевшись, я собираю свои влажные волосы в хвост и роюсь в вещах, оставленных на раковине в ванной. Дезодорант, зубная паста и зубная щетка, различные бутылочки с лосьонами и прочие крема разных сортов аккуратно выстроились у зеркала. Все новое и никто не знает, как долго все это здесь стоит, ждет, пока гость вроде меня придет и использует их. А я определенно воспользуюсь, начиная с дезодоранта, роскоши, которая редко бывала у меня в лагере. Хавьер по большей части был уверен, что у меня есть потребности и мне нужны милые вещицы, но он отправлял по магазинам Изель. А так как она безмерно меня презирала, она изо всех сил старалась покупать самые дешевые, самые бесполезные вещи, которые только могла найти. Когда дело дошло до дезодоранта, лучшее, что я получила - жидкий роликовый дезодорант, который оставил красные, воспаленные пятна у меня подмышками.

Я чищу зубы и даже использую зубную нить впервые за много лет, а затем нахожу себя безучастно стоящей перед зеркалом. В действительности я не вижу себя, но думаю о Викторе, о том, что происходит в комнате Саманты. Подробные картинки того, как он ее трахает возникают у меня в уме, и это расстраивает меня сильнее, чем я хотела бы признаться себе.

На самом деле меня не мог привлечь мужчина вроде него, не так ли? Мужчина, который

убил не знаю сколько людей. Неважно, что я чувствую себя рядом с ним в безопасности или что я доверяю ему; правда в том, что он - то, что он есть, и было бы глупо полагать, что он не убьет меня, если решит, что в этом есть необходимость.

Но он меня привлекает. Я ощущаю странные, незнакомые чувства к нему.

И я ненавижу это!

Я встряхиваю головой, злясь на себя, и наконец, замечаю свое отражение. Область вокруг правого глаза пожелтела из-за ушиба. Губы сухие и потрескавшиеся. А здесь крохотный порез вдоль левой брови. Я выгляжу усталой и... использованной.

Только звук чего-то падающего на пол в другой комнате дальше по коридору выхватывает меня из моего отвращения к себе.

Я приоткрываю дверь ванной и выглядываю в коридор. Я слышу голос Саманты, но не могу разобрать, что она говорит. Наконец, я выхожу из ванной и крадусь по коридору к ее комнате на цыпочках, проходя по ковру как можно тише. Ее дверь закрыта, так что я прижимаюсь ухом к дереву и пытаюсь подслушать, но когда я касаюсь двери, она со скрипом приоткрывается и мое сердце уходит в пятки. Я плотно закрываю глаза и задерживаю дыхание до тех пор, пока не понимаю, что не выдам себя.

Я не должна этого делать, думаю я про себя, просто ничего не могу с собой поделать.

Я заглядываю в тускло освещенную комнату. Телевизор включен, но звук сильно убавлен или выключен, а его свечение дает в комнате больше всего света. Я вижу окровавленную рубашку Виктора и остальные части его костюма, перекинутые через бортик корзины для белья, прижатой к стене возле хозяйской ванной. Ее дверь тоже приоткрыта.

Приоткрыв дверь спальни еще немного, только чтобы я могла протиснуться внутрь, я захожу в комнату Саманты. И с каждым шагом я все сильнее ощущаю себя неотесанной грубиянкой, но я должна знать. Потому что мысли о нем с ней мучают меня изнутри. Возможно, позже я постараюсь выяснить почему. Ну а сейчас я просто хочу знать.

Я прохожу через комнату к двери ванной, возле которой я жду, мое сердце колотится в груди, волнуясь, что они поймают меня за подслушиванием. Когда прошло несколько секунд, и Саманта снова заговорила, я чувствую, что можно безопасно заглянуть внутрь, чтобы лучше рассмотреть, надеясь только на то, что частичная темнота в комнате поможет мне остаться незамеченной.

Виктор

Я стою, опираясь на раковину, с полотенцем, обернутым вокруг бедер после душа. Я вглядываюсь в зеркало над раковиной, поворачивая подбородок то в одну, то в другую сторону, ощущая, что мне, вероятно, следовало бы побриться, но решаю не делать этого. Саманта садится на опущенную крышку унитаза со швейной иглой и нитью в руке, готовая меня штопать.

— Ты собираешься снимать полотенце? — спрашивает она. — Мне с ним будет неудобно это делать. И не похоже, что я чего-то там не видела раньше.

Я начинаю снимать полотенце так, как она сказала, но вдруг замечаю звук, слабый, как вздох, и удивляюсь, что вообще его услышал. Я взглянул в зеркало и посмотрел на дверь позади меня, ничего не видя, но зная, что Сэрай находится за ней.

— Виктор? — подгоняет меня Саманта, раздраженная моей медленной реакцией.

— Нет, — отвечаю я, наконец, поворачиваясь раненной стороной к ней. Я тянусь вниз и

стратегически приспособливаю полотенце вокруг задней части бедра так, чтобы у Саманты был к ней доступ, затем крепко завязываю его с другой стороны, чтобы оно держалось на месте.

— Если ты настаиваешь, — говорит Саманта и приступает к работе.

Я чувствую, как впивается игла, и на мгновение стискиваю зубы, пока боль не отступит.

— Ты никогда не говорил мне, почему перестал приезжать сюда, — говорит Саманта.

— Это было к лучшему.

— Чушь собачья. Это из-за того, что я сделала или сказала, или, может быть, не сделала.

Я просто хочу знать. Никаких обид. Никакой неловкости. Просто ответь на вопрос, который доканывал меня в течение десяти лет. Я этого более чем заслуживаю.

Через несколько секунд после того, как игла прошла сквозь мою кожу, я ее больше не ощущаю.

— Я уважал тебя, — говорю я. — Я считал неправильным использовать тебя.

— Милый, ты прекрасно знаешь. — Она кратко улыбается мне. — Я не возражаю; черт, я наслаждаюсь этим.

— Но я против.

Саманта еще раз проталкивает иглу через кожу, снова осторожно. Затем качает головой. — Я удивляюсь, как ты совмещаешь работу со своей совестью. Я думаю, ты единственный, кто может договориться с ней.

— Хорошо, не было ничего, что бы ты сделала или не сделала, — говорю я, целиком пропуская ее комментарий. — Так что я надеюсь, что я достаточно ответил на вопрос, чтобы тебя удовлетворить.

— Перестань быть со мной таким формальным, Виктор. Ты знаешь, что я это ненавижу.

Она встает с унитаза и тянется за йодом, наливая небольшое количество на губку. Она смазывает ей кожу вокруг зашитого пулевого ранения.

— Я слышала, ты стал оставаться в Явочной Квартире Девять в Далласе, когда прибыл в эту область, — продолжает она, и я могу предсказать, что она скажет дальше. — Потому что она моложе меня? Я имею в виду, это прекрасно. Я постарела за эти годы, признаю.

Она сказала именно то, что я предсказал.

Я вздыхаю и опираюсь на раковину, скрестив руки. Она вытягивает из пакета большой кусок марли, чтобы затем его подготовить.

Я смотрю на нее, надеясь, что я могу сказать то, что собираюсь, не оборачивая ее против меня. Я не хочу оставлять Сэрай с ней одну, если она будет думать, что я выбрал Явочную Квартиру Девять из-за чего-то настолько абсурдного, как ее возраст. Саманта убийца. А женщина, которая ощущает себя презираемой, еще и убийца - это фатальная комбинация.

— Я выбрал Девять потому что она была шлюхой и гордилась этим, — говорю я, поворачивая истину так, как нужно, чтобы заставить ее понять. — Я не мог использовать тебя так, как она позволяла мне ее использовать. Потому что ты была и остаешься моим другом. Я надеюсь, ты понимаешь.

— У тебя нет никаких друзей, Виктор. — Она слегка усмехается.

Она окидывает меня взглядом, когда накладывает марлю поверх раны и закрепляет ее края двумя полосками перевязочной ленты. Затем она встает и смотрит на меня задумчивыми зелеными глазами. Я вижу в ее глазах то же самое, что всегда видел, когда приезжал сюда, когда я спал с ней. Возможно, она была одной из тех, кто мог в меня

влюбиться, если бы я позволил этому зайти так далеко. Она начала становиться слишком близкой, и я не мог позволить этому случиться. Она всегда была добра ко мне. Она отличалась от других, больше похожих на меня, которых интересует только секс. Потому что что-то большее не только безрассудно, опасно и глупо, но и совершенно неприемлемо.

— Кого ты думаешь одурачить, Виктор? — спрашивает она с игривой, но безобидной улыбкой.

Я натягиваю полотенце обратно на бедра, подоткнув его на талии.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, с любопытством глядя на нее.

Саманта начинает очищать столешницу от остатков бинта и с плеском воды ополаскивает раковину от крови и йода.

— Девушка дальше по коридору, — говорит она. — Изабель. Конечно, мы оба знаем, что это не настоящее ее имя, это не важно. Какого черта ты с ней делаешь? — Она бросает горсть окровавленных бумажных салфеток в мусорную корзину рядом с унитазом.

— Я сказал тебе, — говорю я. — Я просто использую ее до тех пор, пока я не ликвидирую свою цель. После этого она будет сама по себе.

Я никогда не мог полностью одурачить Саманту, но что меня сейчас больше всего поражает - то, что она, кажется, больше знает о том, что со мной происходит, чем даже я. И я не в восторге от этой мысли.

Я взглянул на дверь ванной в нескольких футах от меня, интересуясь, прячется ли Сэрай там до сих пор, слушая все, что между нами происходит. Я знаю, что она там. Я это чувствую. И Саманту необходимо остановить. Прямо сейчас. Потому что я не могу позволить ей забить голову Сэрай теми вещами, которые могут ее смутить. Смутить девушку сильнее, чем уже есть.

— Мне нужно одеться, — говорю я, надеясь увести ее от темы. Я тянусь за своими чистыми боксерами, висящими рядом, но Саманта встает передо мной.

Она скрещивает руки, и прежняя ее улыбка сменяется решимостью.

— Ты не можешь этого сделать. Ты это знаешь.

Я обхожу ее и хватаю боксеры, позволяя полотенцу упасть на пол и наступая на него.

— Виктор, — упорствует она, — ты не можешь быть героем. Не для нее или кого-нибудь еще. Ты знаешь это. То, что ты делаешь, что ты чувствуешь, приведет только к тому, что тебя убьют.

Я выпускаю резинку из пальцев, позволяя ей охватить мои бедра, и Саманта закрывает рот, смотря мне в глаза тяжелым взглядом.

— Ты неправильно оцениваешь, Сэм, — говорю я, глядя на нее. — Ты думаешь, что видишь во мне что-то из-за нее, то, во что ты привыкла верить, что видела во мне что-то из-за тебя. — Я мгновенно жалею о своих словах.

Саманта холодно смотрит на меня, ее пальцы агрессивно вжимаются в ее бицепс.

— Что ты говоришь? То, что ты думаешь, я... — Она больше не может смотреть на меня и ее глаза блуждают около душа. Потому что она знает, я прав. Я не должен был этого говорить, но она не может отрицать правду.

Наконец, она снова смотрит на меня, с болью и признанием в чертах лица.

— Ты прав, — говорит она. — Я всегда так о тебе думала. Я неправильно читала то, что между нами, и увидела то, чего там не было.

Я молчу, позволяя ей закончить, но кажется, это все.

— Я искренне сожалею обо всем, что тебе сделал, — говорю я и имею в виду, что все

дело во мне.

Она качает седеющей светлой головой.

— Нет, Виктор, ты все сделал правильно. Ты увидел, что мои чувства к тебе развиваются прежде, чем я о них узнала, и все сделал верно.

Я охватываю руками ее локти, и она слегка расслабляется.

— Я надеюсь, что...

Выпрямила руки, мои руки упали.

— Виктор, — говорит она, — помещая обе руки между нами, — Пожалуйста, не извиняйся за то, что у тебя ко мне нет тех же чувств, которые я испытываю к тебе. Это не то, что ты можешь контролировать, я знаю. И я надеюсь, что ты поверишь мне, если я скажу, что ты всегда можешь мне доверять. Ты - единственный человек в Ордере, которому я доверяю и действительно могу назвать... моим другом.

— Я думал, ты сказала, что у меня нет никаких друзей? — Я слабо улыбнулся.

Положив одну руку обратно себе на грудь, она гладит мое плечо другой.

— Хорошо, может быть, ты просто мне должен, — говорит она, возвращая мне улыбку. Но затем она снова становится серьезной. — И потому как я твой единственный друг, ты должен мне доверять. Послушай меня, когда я тебе скажу, что то, что ты делаешь с этой девушкой, приведет к тому, что тебя изгонят или убьют, или вас обоих.

Я начал застегивать рубашку.

Я надеялся, что она все это опустит, особенно, если Сэрай по-прежнему подслушивает из другой комнаты, хотя у меня возникает странное чувство, что она ушла и это отчасти меня расслабляет.

— Я не делаю с ней ничего помимо того, что оставляю ее в безопасности до тех пор, пока все не закончится, — настаиваю я. — Она заслуживает попытку вернуться к нормальной жизни после того, что ей пришлось пережить, и в какой-то момент я решил постараться ей ее дать.

Я скользнул в свои черные брюки, заправляя в них рубашку. Саманта снимает мой галстук с вешалки на стене и завязывает его на моей шее.

Она вздыхает.

— Ладно, — говорит она, сдаваясь. — Но скажи мне и будь честен с собой, прежде чем ответишь... — она стесняется, ее пальцы замирают на галстуке. Я киваю. — С тех пор, как она с тобой, ты можешь себе сказать, что она будет чем-то отличаться от тебя, после лет, проведенных в Ордере?

Ее вопрос меня тихо шокирует. Вообще не ожидал.

— Даже я это вижу, Виктор, а я провела с ней только вечер, поэтому я знаю, что ты тоже это видишь.

Теперь я знаю, что она имеет в виду, но я все еще слишком ошеломлен этим откровением, чтобы комментировать. Саманта заметила, что мне нужно было услышать больше того, что я уже знаю, из чьих-то еще уст, кроме собственных, чтобы убедиться в своей правоте.

— Я знаю, что ты ничего не можешь сказать мне о том, откуда она, от кого она бежит и как долго она была с теми, от кого сбежала, но судя по тому, что я в ней вижу сейчас, я могу сказать две вещи. — Она поправляет мой завязанный галстук и опускает одну руку, другой кратко показывая два пальца. — Первое, — она загибает один палец, — она уже так давно

привыкла к тому, что это нормально, что может никогда не суметь зажить нормальной жизнью. Она знала, что я пробовала ее еду, чтобы ты убедился, что она не отравлена, но это ее не смутило. Она сидела за этим столом с нами, поглощая этот обед так, будто мы простая семья из трех человек, разделяющая дневную трапезу в пригороде.

Она прислоняется к раковине, скрестив руки на груди.

— И второе, — продолжает она, — для того, чтобы стать такой, она должна была быть пленницей, сексуальной рабыней или неизвестно кем еще в течение нескольких лет, не меньше пяти. И ее молодой возраст - сколько ей: двадцать три, двадцать четыре? — Она кратко всплеснула руками, — означает, что она была довольно юной, когда ее забрали. Как и ты. И мы оба знаем, что чем они младше, тем легче лепить из них то, что тебе хочется. Также как и ты.

Каждое слово, сказанное Самантой - правда, и я знаю это. Я знаю это лучше, чем кто-либо.

Я одеваю жилет поверх рубашки и галстука и застегиваю его на все четыре пуговицы.

— У нее шансы пятьдесят на пятьдесят, — говорю я. — Она может пойти в любом направлении с одинаковыми шансами. И она достаточно сильна. И умна. — Наконец, я надеваю пиджак. — Я просто даю ей ее одну единственную попытку. Какое направление она выберет - это будет ее собственное решение. И я не смогу быть там, чтобы увидеть это. Там она будет предоставлена самой себе.

Саманта склонила голову набок. Она, вероятно, не вполне верит мне, но она, наконец, исчерпала свои предупреждения.

Она подходит ко мне с той же сладкой соблазнительной улыбкой, которой всегда мне улыбалась за минуты до того, как я был с ней в прошлом. Она останавливается прямо передо мной и пробегается пальцами вверх по ткани пиджака. Обеими руками обнимает меня за шею, легко касаясь кожи.

— Один последний поцелуй, — говорит она, глядя мне в глаза, — по старой дружбе. Я просто хочу снова почувствовать себя молодой, какой всегда себя чувствовала, когда ты посещал меня.

Я поднимаю руки и обнимаю ими ее лицо, сначала медленно целую ее в лоб.

— Дело не в том, что ты старше меня, Сэм. Ты осталась для меня такой же сексуальной, как и десять лет назад.— А затем я касаюсь губами ее губ, мягко скользнув кончиком языка по ее нижней губе в рот.

Глава 20

Они очень долго были в ванной. Но чем они занимались не мое дело. Я вышла из комнаты перед тем, как Саманта начала штопать Виктора, решив прийти в себя и отпустить его. Я чувствую, что должна была остаться, чтобы услышать, о чем они говорили, по крайней мере, я вполне уверена, что часть разговора была обо мне, и у меня есть право это знать, но это было слишком навязчиво. И признаю, я не хотела видеть их вместе.

Несмотря на то, что я слегка ревную Виктора, что, как я понимаю, вполне естественно, учитывая чрезвычайную ситуацию, в которую я с ним попала, я знаю, что на самом деле его никогда не заинтересует кто-то вроде меня или кто-либо вообще.

Кроме Саманты и других, подобных ей, я полагаю.

Несмотря на их разницу в возрасте, они раньше были близки, я знаю. Я слышала, как она говорила об этом перед тем, как я вышла из комнаты. И мне нравится думать, что я достаточно умна, чтобы по-своему сложить полную картину, зная то небольшое, что я знаю.

Какими бы ни были их прошлые отношения, я чувствую, что даже при том, что она привлекательная и, очевидно, добрая и умная женщина, наверное, не это его привело сюда. И это был не просто секс. Это была та Саманта, все время знающая, что секс - это все, что когда-либо будет.

Я не эксперт, но это именно то, во что я верю всем сердцем. Саманта похожа на него, возможно, не точно в том, какие роли они играют в своем скрытном мире преступности, опасности и смерти, но она знает, что он слишком дисциплинирован и бесстрастен, чтобы увлечься.

Виктор, вероятно, никогда не доверялся никому "извне". И когда дело доходит до сравнения меня с ними, я являюсь воплощением этого "извне".

Я пристально смотрю на занавешенное окно в комнате, где Виктор оставил меня раньше. Снаружи очень темно, хотя нет еще даже девяти часов. Я лежу на кровати на боку, положив голову на согнутую под подушкой руку. У меня холодные ноги, но мне не хочется вставать и доставать пару носков из пакета, купленного мне Виктором, поэтому я сжимаю ноги в коленях вместе и засовываю их под одеяло.

Виктор заходит в комнату. Он оставляет дверь открытой, чтобы свет из коридора проникал внутрь, вместо того, чтобы щелкнуть выключателем. Я чувствую, он сначала подумал, что я могу спать.

Он с ног до головы одет с изысканной утонченностью, таким я его еще не видела и не могу отвести изумленного взгляда от его опасной красоты, пока он пересекает комнату. Его высокая фигура проходит через полосу света, льющегося из двери, и затем окунается в тень, когда он подходит к кровати, где я лежу.

— Ты уезжаешь, не так ли?

— Да, — говорит он и садится рядом со мной, выпрямляет спину и кладет руки на колени.

— Ты собираешься вернуться?

Ему нужно время, чтобы ответить. Он не сводит глаз с окна впереди.

— Наверное, будет лучше этого не делать, — говорит он.

У меня колотится сердце. Я сглатываю.

— Когда Хавьер умрет, либо Саманта отвезет тебя туда, куда тебе нужно, либо я пришлю за тобой Николаса.

У меня в горле загорелось, а вверху носа, прямо между глазами, зачесалось.

Я с усилием сдерживаю слезы.

Я не хочу, чтобы он продолжал все это, а тем более никогда не вернулся. Я хочу остаться с ним, даже не знаю, почему.

— Но что если другие знают? — я напоминаю ему, в надежде, что он передумает, не узнав истинной причины. — Как насчет Джона Лансена? Как насчет всех остальных мужчин, виденных мной? Виктор, они могут знать и, возможно, Хавьер будет не последним пришедшим меня искать. — На самом деле меня не волнует то, что они могут знать. Это не то, чего я боюсь. Я боюсь, что Виктор выйдет за дверь и я больше никогда его не увижу.

Наконец, мне удастся сесть, поначалу злость искажает мои черты, пока я этого не замечаю и не позволяю им смягчиться.

Я скрещиваю ноги на кровати в индийском стиле и протягиваю руку, чтобы взять его за запястье, тащу его за рукав пиджака. Я наполовину ожидала, что он уберет руку, но он этого не делает. Он кладет руку поверх моих скрещенных лодыжек, и это простое касание, один

этот жест заставляет мое горло сжаться от эмоций. Я смотрю на его руку, мои пальцы нервно подрагивают на манжете его рубашки.

Он не отдернул руку, все время думаю я.

Слезы до краев заполняют мои глаза, но я быстро загоняю их назад.

— Мне очень жаль, Сэрай, — говорит он, глядя мне в глаза со смесью противоречия и нерешительности.

Я чувствую, что он не хочет оставлять меня здесь. Я чувствую это... Я знаю это...

Он медленно встает с постели. Я сижу здесь, замороженная в бездне своего расстройств, гнева и страха. Страх! Как он мог обвинять меня в том, что я ничего не боюсь?! Я хочу накричать на него, сказать ему, как он ошибается, когда он повесит на плечи свои сумки и возьмет в руку чемодан с оружием.

Вместо этого я стираю несколько слез, все-таки упавших из моих глаз и мягко говорю ему через комнату:

— Виктор, ты был неправ.

Он поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Ты был неправ, когда сказал, что я ничего не боюсь. Ты так ошибался...

Он на секунду задерживает на мне взгляд, а затем поворачивается и уходит, закрывая дверь и позволяя темноте комнаты снова меня поглотить.

Саманта не беспокоила меня следующие полтора часа. Я думаю, она хотела дать мне время для себя, потому что когда она в итоге зашла ко мне в комнату минуты спустя, я могу сказать, что она почувствовала что-то ко мне, когда я лежала, свернувшись на кровати, уставившись в окно. Это заставляет меня задаться вопросом, о чем они раньше говорили в ее ванной, заставляет меня жалеть, что я не осталась дольше, чтобы это узнать.

Я ненавижу ее за то, что она знает больше меня, она тот человек, которого легко ненавидеть.

Но я понимаю, что она мне слишком нравится для этого.

— Знаешь, Изабель, Виктор всегда творит эту чепуху. Она похлопывает меня ладонью по бедру. Она сидит рядом со мной на том же самом месте, где в последний раз сидел Виктор.

— Он будет в порядке. — Она улыбается. — И я уверена, он знает, что ты благодарна ему за помощь.

— Что ты можешь мне о нем рассказать? — Спрашиваю я.

Она глубоко вдыхает, сосредотачиваясь на дыхании, и ее брови приподнимаются, взглядом показывая, что это тяжелый вопрос.

— Ну, я полагаю, ты уже знаешь, чем он зарабатывает на жизнь, так что ты можешь догадаться, что я поклялась соблюдать некую секретность, если я ее нарушу - у меня будет много проблем.

Верно, но она улыбается и на самом деле выглядит так, будто жаждет поговорить со мной, несмотря ни на что. Возможно, она не скажет многого, но что-то лучше, чем ничего, я полагаю.

Я сажусь прямо, спустив ноги с кровати, чтобы сидеть, как она. Я кладу руки на колени.

Она бросает на меня короткий взгляд, улыбается и протягивает руку.

— Давай поговорим об этом за чашкой кофе.

Она встает, и я беру ее за руку, соглашаясь.

— Я клянусь, он будет совсем не отравлен, — шутит она, когда я следую за ней из

комнаты в коридор.

— Я верю тебе.

Я доверяю ей по большей части потому, что раз Виктор доверяет ей достаточно, чтобы оставить меня с ней наедине, то мне этого достаточно.

Я сижу за кухонным столом, пока она готовит кофе у стойки, где кофе-машина соседствует с гигантской старой микроволновкой.

— Я полагаю, тебе можно сказать, что он был таким почти всю свою жизнь. — Она насыпает несколько ложек кофе в фильтр и закрывает крышку кофе-машины. — Но в действительности я знаю только то, что он мне рассказал. Не более того.

— Что он рассказывал?

Она заливает воду в заднюю часть кофе-машины, вспоминая различные разговоры с Виктором.

— Ну, я знаю, что он любит свой черный кофе. — Она улыбается. — Он любит тайскую еду и не притронется к тунцу, которого коснулся чей-то язык. Он предпочитает хорошее пиво отличному вину, но только лучшее пиво, желательно немецкое. — Она садится за стол со мной и подпирает голову рукой, задумчиво глядя. — Сказать по правде, Виктор предпочел бы пройти весь путь в Германию за пивом, чем пить пиво здесь. — Она взмахивает рукой, убирая ее от лица. — Он очень особенный человек.

— А что насчет его семьи? — Спрашиваю я. — Он сказал мне, что у него есть сестра, что он убил своего отца и что-то о своей матери, которая в... Будапеште, я думаю?

Саманта качает головой, улыбаясь, возможно найдя то, что я рассказала ей, немного забавным. Но она не злорадствует по этому поводу.

— Нет, куколка, — говорит она. — Если он тебе это сказал, то, наверное, просто для того, чтобы заставить тебя замолчать. — Ну, она более чем права на этот счет, я знаю. — Он никогда никому не рассказывает ничего настолько личного о своей жизни, особенно о семье. Даже мне. Я даже не знаю, есть ли у него семья.

Я стараюсь держаться как можно дальше от темы о них двоих.

— Ты должна знать, Изабель, — она смотрит на меня так пристально, что я встречаюсь с ней взглядом, — что Виктор сильно рискует... нет, он рискует всем, помогая тебе. И хотя он сегодня уехал и не намерен возвращаться к тебе, то что он уже сделал в твоих интересах, хоть я и не имею понятия, что это может быть, это уже могло наложить печать на его судьбу.

У меня сжимается желудок и возникает отвратительное ощущение в горле.

Ее взгляд становится мягким, и я чувствую, как будто она оплакивает меня или некоторые мои очень личные чувства.

Она опирается спиной на стул. Кофе булькает и капает в кофейник за ее спиной.

— Но откуда вы знаете, что он делает? — Я спрашиваю. — Как вы знаете, что он помогает мне и что я не просто часть своей миссии?

— Потому что он никогда бы не привел тебя сюда, — говорит она почти сочувственно. — И он не просил меня никому не говорить, нашему работодателю, никому, что он это сделал.

Я поднимаю взгляд от стола, чтобы взглянуть на нее, удивленная информацией, которую она только что дала.

Она кивает на меня, как бы подтверждая мои мысли, хотя я никогда не высказывал их вслух.

— Да, — говорит она. — Иначе чем Николас, я - единственная, кому он доверяет.

Может быть, не полностью, потому что Виктор на это не способен, но он мне доверяет. И, скрывая вас здесь и прося меня об этом, он рискует жизнью, насколько я знаю.

Она говорит правду. Я не могу заставить себя поверить в противном случае неважно, как сильно я стараюсь. И я стараюсь. Я думаю, что я подсознательно пытаюсь найти какую-нибудь причину, чтобы не любить ее или с подозрением о ней из-за моей ревности, чем прежде.

Но я ничего не нашла.

И я не могу не задаться вопросом, если она утверждает, что против меня, если есть ли у нее горечь по отношению ко мне, потому что Виктор попросил ее, чтобы рисковать своей жизнью ради меня. Но я чувствую, что нет. Это заставляет меня чувствовать стыд.

Она встает из-за стола и направилась в сторону кофейника.

Но потом она останавливается на полпути и замирает в конце стойки, как будто она встала в пределах дюйма со стеклянной стеной. Ее правая рука прикасается к краю стойки, ее пальцы сжаты в кулак, она вся застыла. Ее глаза широко распахнуты, я чуть ли не выпрыгиваю из своей кожи.

И потом слышу что-то тоже, и мое сердце начинает стучать сильно в моих ребрах, эхом отдаваясь в моих ушах. Тени перемещаются через кухонное окно, и в этот момент Саманта опускается низко к полу, хотя по-прежнему на ногах и бросается ко мне, оттягивая меня полностью от стула. Это происходит настолько быстро, что я упала не так изящно, как она. Я следую за ней в прихожую.

—Кто это? — шепчу я.

Она хватается за руку и тянет меня перед собой. Ее собака, бежит к задней двери, яростно лая.

—Ползи до своей комнаты и оставайся там. — Она шипит. — Поторопись!

Присев на корточки я ползу по ковру в сторону открытой двери в спальню. Как только я внутри, Саманта следует за мной, прихватив большой деревянный сундук. Как только она движется, тени перемещаются через окно, и я слышу голоса, шепчущие снаружи.

И они говорят на испанском.

С трудом отрываю взгляд от окна, как раз вовремя, чтобы увидеть ее, поднимающую небольшую металлическую дверь в полу, что была скрыта.

—Давай внутрь! Бегом!

В последнюю секунду я подползла к матрасу и взяла пистолет, что Виктор запихнул мне в брюки. Саманта машет рукой, чтобы я спешила. Когда я уже достаточно близко, она хватается за руку и помогает мне остаток пути, практически толкая меня вниз, в отверстие под полом.

Металлическая дверь закрывается за мной, закрывая единственный свет, свет фонаря на улице. И тогда я слышу, как люк придавливают чем-то тяжелым, мое сердце сжимается, как камень, при мысли о ловушке, независимо от того, что там.

Я слышу, как Саманта вышла из комнаты.

Все подозрительно тихо - лишь тяжесть моего дыхания. Я ни черта не вижу, поэтому я вытянула руки прямо перед собой и начала ощупывать, что меня окружает. Три стены, слева от меня, справа и впереди от меня, но я рада, что за мной нет четвертой стены, чтобы держать меня в заключении. Это узкий коридор.

У меня нет времени, чтобы исследовать его дальше, когда я слышу первый выстрел, хотя и звучит, как у Виктора, но я знаю, что на этот раз это не Виктор.

Собака не лает больше.

Я слышу голос. Он звучит далеко, но его эхо где-то выше меня. Есть отверстие в стене, хотя и слишком малое для меня.

Еще пару выстрелов и на этот раз, когда я слышу голос, я знаю, кому он принадлежит. Хавьеру.

Глава 21

— В этом пистолете четыре пули, — говорит Хавьер Саманте где-то в доме. — И я намерен выпустить в тебя по одной каждые две минуты, которые моя милая Сэрай прячется.

Моя рука непроизвольно поднимается и прижимается к сердцу.

— Виктор возвращается, — произносит Саманта слабым, напряженным голосом.

Я испытываю страх, думая о том, куда Хавьер уже ее ранил.

— Ты лжешь, шлюха! От тебя несет ложью! А сейчас скажи мне, где Сэрай. Потому что я знаю, она здесь.

Откуда ему знать, что я здесь?

Затем Хавьер кричит на испанском:

— Обыскать дом! Каждую комнату. Переверните все вверх дном и найдите её!

Двумя секундами позже слышится звук переворачиваемой мебели, звон разбитого стекла и топот ног по полу, эхом отдающий от стен.

— Её здесь нет, — говорит Саманта, словно выталкивая слова сквозь зубы. — Виктор был здесь раньше. С девушкой. Невысокая, темноволосая, называл ее Изабель. Но он взял ее с собой, когда уехал.

Бах!

Еще один выстрел, и Саманта вскрикивает от боли, но затем ее крик приглушается, а я могу только догадываться, что это рука Хавьера. Или кого-то другого в комнате. Слезы ручьем текут по моим горящим щекам. Воздух здесь такой же холодный, как и земля снаружи, однако давление у меня настолько высокое от невероятного количества стресса, что кажется, будто моя голова пылает.

— Я знаю, что она здесь, — холодно произносит Хавьер. — Знаю, что она не уехала вместе с ним, потому что я видел. Сейчас у тебя есть еще шесть минут. Последней пулей я вышибу тебе мозг.

Затем голос Хавьера становится громче:

— Ты слышишь это, Сэрай? — кричит он мне. — Через шесть минут ты её убьешь. Точно так же, как убила Лидию. Все, чего я хочу, — это вернуть тебя домой. Я никогда бы не причинил тебе вред, ты же знаешь.

Мои ноги дрожат.

После того, как звуки обыска наконец-то прекратились, две пары ног, судя по всему, возвращаются обратно в комнату к Хавьеру.

— Вы оба, идите наружу, — приказывает Хавьер. — Смотрите везде, обыщите окрестности, но не привлекайте внимания. Пошли!

Я не могу оставить Саманту вместе с ним и позволить ей умереть.

— Я же говорила тебе, здесь никого нет! — кричит она.

Звук, который я слышу на этот раз, мне знаком — рука Хавьера на ее лице и далее последовал удар ее тела об пол. Балки надо мной сотрясаются от силы ее падения.

Я разворачиваюсь и начинаю прокладывать путь по узкому проходу, надеясь, что он выведет меня отсюда. Потому что я не оставлю ее вот так. Хавьер может принять меня

обратно. Он может и убить меня, если захочет, но я не буду трусливо прятаться здесь и позволить ей умереть из-за меня.

Бах!

Мое дыхание замирает, мои кости не двигаются, но я продолжаю идти вперед и наконец подхожу к концу. Здесь нет ничего, кроме стен и тех же пролетов, которые я уже проходила. Я преодолеваю себя и пытаюсь нащупать на потолке другую металлическую дверь. Абсолютно уверена, она есть. И когда я думаю, что никак мне не удастся поднять эту крышку и вылезти, не создавая столько шума, чтобы показать Хавьеру, где я нахожусь, я ударяюсь пальцем о движущуюся лестницу из четырех ступенек, продвигающуюся в угол.

Я выбираю действовать, вместо того, чтобы толкать их по полу, и создавать лишний шум, и я ставлю их под люк. Поднимаясь, мне приходится наклониться вперед, чтобы удержать от удара головой о потолок. Я прижимаю ладони к люку и начинаю толкать, надеясь, что не попаду туда, где Хавьер сразу меня увидит.

Люк открывается, скрипнув пару раз, это заставляет меня вздрогнуть и замереть на месте, держа крышку люка открытой над собой. Я толкаю его снова и поднимаюсь по ступенькам, пока моя голова не показывается из чулана. Я вижу взбитый матрас, лежащий поверх крышки люка, чтобы скрыть его, а еще ковер маскирующий лаз, по расцветке напоминающий ковер на полу в чулане. Я чувствую его пальцами, пока поднимаю крышку до конца и откидываю ее к стене.

Я выбралась и незаметно прохожу через одежду, свисающей с перекладины.

Черт!

— Еще две минуты, Сара! — я услышала предупреждение Хавьера из гостиной.

Я открываю дверь шкафа и стараюсь пройти быстро, теперь через спальню Саманты, по коридору в гостиную, где Хавьер ждет меня, каждая косточка и мышца в моем теле дрожит.

— Ах, вот и она! — Хавьер поднимает обе руки, в правой руке оружие. Он улыбается, он действительно рад меня видеть. Он сумасшедший...

Его руки опустились по бокам.

— Я скучал по тебе, Сэрай. — Он наклоняет голову набок, чтобы казаться искренним. — Если ты была несчастна, почему ты просто не сказала? Я бы сделал все, что ты хотела, ты это знаешь.

Мне наплевать, что он скажет, все, что меня заботит, - это убедиться, что с Самантой все в порядке. Стараясь, чтобы мой взгляд был на Хавьере, я тщательно сканирует комнату впереди меня, глядя на нее.

Наконец, я вижу ее голые ноги, торчащие из-за кресла на другой стороне комнаты, ее кожа покрыта пятнами крови.

— Саманта, ты в порядке?

Она не отвечает, поэтому я понимаю, что она без сознания.

Я оглядываюсь на Хавьера, показывая мольбу в моих глазах.

— Давай просто уйдем. Пожалуйста. Хавьер, пожалуйста, не трогайте ее больше.

Он мне задумчиво улыбается, его это позабавило.

Он одет во все черное: рубашка с длинными рукавами, черный пояс, черные брюки, черные туфли. Черное сердце. Он поднимает свое ружье на меня и движением показывает, что я должна подойти к нему.

Он показывает на меня пальцем.

— Позволь мне посмотреть на тебя.

Я подхожу ближе, мои босые ступни движутся по журналам о хозяйстве, разбросанным по полу. Напольные часы, стоящие в углу, угрожающе тикают передо мной.

— Хавьер, она умрет, если мы не вызовем помощь, — говорю я, пока приближаюсь. — Позволь мне позвонить девять-один-один. Тогда мы можем уйти.

Теперь я вижу ее колени, но это все, поскольку мебель не дает увидеть больше.

Хавьер протягивает руку.

— Ты спала с ним? — спрашивает он и тянет ближе ко мне свои пальцы. — Ты позволила ему трахнуть тебя или ты все еще моя? — Он наклоняется ближе и вдыхает мой запах, играя кончиками пальцев со свободной прядью волос, выпавшей из моего хвоста.

— Нет, — говорю я. — Я всегда буду твоей.

Его одеколон такой же, каким он обычно пользуется, когда приходит ко мне ночью. И его волосы, почему-то длиннее на макушке, чистые и ухоженные, которые он всегда так укладывал, когда наряжал меня и брал с собой в богатые дома.

— Не лги мне, — говорит он спокойно, и я чувствую его дыхание на своей шее. — Ты не знаешь, что ты значила для меня. Ты не должна была меня оставлять.

Я подхожу с левой стороны и соединяю мои пальцы нежно вокруг задней части его шеи. Я опираюсь на него своей щекой, и чувствую его грудь под моей щекой. — Я знаю, и я сожалею. — Я слегка целую его кожу. — Я так сожалею, что оставила тебя, как тогда в Испании.

Я вздрагиваю, как будто от удовольствия, когда его рука скользнула спереди в мои штаны и толкает два пальца в меня. Неважно, что он сумасшедший или убийца, что он может убить меня в любую секунду, но он по-прежнему делает меня мокрой. Мое тело предает меня, человеческая природа предала меня, но это не относится ни к моей голове, ни к моему сердцу. Я следовало научить мое тело много лет назад реагировать на него таким образом. Виной инстинкт самосохранения, это то, чему не учат на курсах самообороны. Хавьер должен был поверить, иначе он бы обо всем догадался, узнал все остальное обо мне, все было ложью, и поэтому мой организм научился реагировать так, что б он сохранил мне жизнь

Он вынимает пальцы и подносит их к губам, вдыхая глубоко, его глаза закрыты. Затем он кладет их в рот.

Я шагаю назад, пока он отвлекся, чтобы между нами было небольшое расстояние.

— Я не уверен, что я хочу тебя больше, — говорит он.

Мое сердце останавливается. Если он не хочет меня, то это значит, что он убьет меня, особенно после всего, что я сделала, все неприятности, которые я ему доставила.

— Хавьер, — говорю я, пытаюсь скрыть нервозность в голосе, — поехали. Я готова вернуться.

Его верхняя губа морщится, он качает головой.

— Изель мертва, — говорит он, — Я знаю, что ты ненавидела ее. Я не виню тебя. Но она была моей сестрой.

Я отрицательно качаю головой и отхожу дальше.

— Я... Я не убивала ее, — говорю я. — Я не знаю.

Хавьер смеется.

Я делаю еще один шаг назад и наступаю на острый кусок пластика справа, но не повреждаю кожу. Я кладу руки на стену позади меня.

И затем я вижу Саманту, гораздо яснее с этого угла. Я смотрю на Хавьера, на каждое его

движение, как он медленно приближается ко мне с насмешкой, и все, что я вижу сейчас - это Саманта. Она не движется. Она сидит, привалившись спиной к стене. Ее руки безвольно лежат по бокам от нее, ее пальцы напряженно вытянуты.

Ее глаза. Они открыты. И они мертвы.

Желчь поднимается в моем животе, мои руки начинают тяжелеть, висят вдоль тела. Я дрожу от гнева, ненависти, вины и страха.

— Ты убил ее, — говорю я, мои губы дрожат.

— Я убил, — Хавьер признается с гордостью. — На пятый выстрел.

— Но ты сказал... — я смотрю то на него, то на тело Саманты и мое сердце начинает бешено биться. — Ты сказал, что если я не...

Хавьер направляет свой пистолет на меня, там последняя пуля, теперь я знаю, почему он не использовал ее.

Я замерла, одна рука всё еще на стене передо мной, другая как-то попала на живот, как будто она могла бы сдерживать рвоту, находясь там. Я спотыкаюсь на осколках, потом прислоняюсь спиной к стене и позволяю ей поддержать меня. Так как мое тело предает меня, мои ноги слабые и неустойчивые, грозящие не выдержать в любой момент.

Я смотрю через небольшое пространство, отделяющее Хавьера и меня. Я смотрю в его холодные, бездонные темные глаза, на ствол его пистолета, направленный прямо на меня, на его глаза. Я слышу щелчок, просто нажатие кнопки, и мы безучастно смотрим в лица друг друга, нас обоих сбilo с толку то, что только что произошло. Затем раздается выстрел, и голова моя откидывается к стене за моей спиной. Я чувствую, как мое тело скользит вниз до тех пор, пока я не осела на пол рядом с Самантой. Комната вращается вокруг меня, все перед глазами, как в густой серой дымке.

И я закрываю глаза, пусть тьма заберет меня.

Глава 22

Виктор

Телефон звонит, когда я уже в сорока тысячах футов над Техасом.

— Виктор, — Николас говорит в трубку. — Хавьер не в Тусоне. Как сообщается, были использованы кредитные карты со старыми псевдонимами, недалеко от Ла-Гранж, штат Техас.

Я поднимаю спинку моего сидения.

— Это меньше, чем в двух часах езды от Хьюстона, — говорю я, больше для себя. — В какое время использовались карты?

— Сегодня в 15:12.

Мое тело становится напрягается.

Положив трубку, я ломаю телефон, сжимая его в кулаке, пока направляюсь к кабине пилота.

— Поворачивай самолет обратно, — требую я.

Меньше, чем через час, я уже неаккуратно веду машину, привлекая к себе ненужное внимание. Но я ускоряюсь, несколько раз проезжаю на красный свет. Не знаю, как мне удалось доехать до дома Саманты, не заполучив пару преследующих меня копов.

Перед домом Саманты припаркован автомобиль, и еще один по соседству. Я не помню, видел ли его до того как уехал. Я останавливаюсь, беру ружье в руку, иду вверх по дороге, используя машину Саманты как щит, на всякий случай. В доме нет света. В нем необычно

тихо. Обычно собака Саманты смотрела бы в окно, услышав автомобиль.

Но я слышу лай только другой соседской собаки, я останавливаюсь и припадаю к земле, пробираясь под навесом возле старых автомобилей, припаркованных там.

Одна фигура возникает со стороны дома, как раз после того, как я безмолвно перехожу пространство и добираюсь до кирпичной стены под навес. Я хватаю его за горло слишком быстро, чтобы он смог отреагировать, и бросаю на землю. Его ружье ударяется о бетон, и в тот же момент я пускаю пулю ему в висок до того, как он умудряется понять это.

Слышу голос второго, он ищет мужчину, которого я только что убил. Я не жду, пока он сам подойдет. Я выхожу прямо к нему, поднимаю ружье к его лицу и стреляю, пока он не видит меня полностью. Его тело падает на траву.

Я жду всего несколько секунд на случай, если есть еще кто-то, а затем спешу в дом через боковую дверь под навесом.

Дом был разрушен. Собака Саманты застрелена и лежит на кухне. Я чувствую запах: пистолет, дым, кровь, свежее сваренный кофе.

Сначала я вижу тело Саманты, затем Хавьера.

— Сэрай? — Зову я, когда вижу, что она сидит возле стены, слева от меня, немного скрытая в темноте. Я снимаю черные перчатки и убираю их в мой карман и иду к ней. — Сэрай?

Она не взглянула на меня, так что я приседаю рядом с ней.

Пистолет, который я оставил под ее матрасом, лежит возле ее ног. Я убираю его за спину в штаны. Обе ее ноги поджаты вверх к ее груди, ее руки лежали ладонями вверх, рядом с ней на полу.

— Он мертв, — говорит она, и ее слова далеки для нее, как будто она все еще пытается все осмыслить. Она поднимает глаза на меня; боль и замешательство я вижу в них. — Я убила его, Виктор.

Я беру ее на руки и поднимаю.

Я собираюсь унести ее отсюда.

Прижимая ее близко к своей груди, я несу ее через смерть и мусор из этого дома. Она не говорит, но она держится за меня, как будто она в ужасе, что я оставлю ее. Или, быть может, она в ужасе, думая, что я намеренно отпустил ее.

Я аккуратно посадил ее на пассажирское сидение.

Полицейские машины проезжают мимо дома Саманты, пока мы покидаем место событий, соблюдая ограничение скорости.

Сэрай весь путь до частного аэропорта сидит тихо и неподвижно.

Есть только одно место, куда я могу ее отвести сейчас. Домой. В мой дом на побережье Новой Англии.

Мой водитель забирает нас из аэропорта часом позже. Сэрай ехала всю дорогу до утеса, наклонив голову к окну. Она не двигалась с места. Это как в первый раз, когда я нашел ее в моей машине в Мексике, я был бы рад ее болтливому, одностороннему разговору и надоедливому вопросам. Но я ничего не получил от нее.

Первое убийство это всегда трудно, то, что вы никогда не забудете. Но для нее первой убийство вдвое снижаем шансы на первое убийство.

Сэрай больше не в 50/50 зоне.

Я бы не оставил ее там...

Неся ее по мощеной дороге, я подхожу к дому, заносу ее внутрь и кладу на диван. Прошел уже месяц с тех пор, как я здесь был, а в нем по-прежнему чисто, как и в день, когда я оставил его и отправился на работу, чтобы убить человека в Колумбии. Из-за заданий, я могу себе позволить жить в такой роскоши. Но обидно, что из-за того, что произошло с Сэрай, вскоре мне придется покинуть это место. Я подумал, что, возможно, мне удастся оставаться на одном месте не менее года, на этот раз, но такова моя жизнь, темный и одинокий путь выстилает только одиночество смерти.

Сэрай лежит на боку, ее голова на подушке кушетки.

Я снимаю пиджак и вешаю его на спинку стула, хочу пойти на кухню, чтобы принести ей воды, но ее голос останавливает меня.

— Пистолет заклинило...

Я оборачиваюсь, стоя под аркой в кухне, чтобы посмотреть на нее в комнате с мраморной плиткой и дорогой мебелью. Я возвращаюсь к ней, медленно расстегиваю манжеты рубашки.

Я терпеливо жду, когда она продолжит. Она по-прежнему на меня не смотрит, она смотрит вперед.

— Я бы умерла, если бы не это.

Я подхожу ближе, все еще держа дистанцию, будто какая-то часть меня не хочет нарушать ее мысли своим присутствием. Я расстегнул кнопку на левой манжете и закатал рукава.

— Я замерла, — говорит она, вспоминает она. — Я думала, что умерла. Я просто стояла там и ждала, что умру. — Ее голова наклоняется назад достаточно, чтобы наконец увидеть меня. — Не знаю, как я отреагировала так быстро, но когда его пистолет заклинил... я посмотрела на его лицо... следующее, что я помню, пистолет в моих штанах сзади, а за тем в моей руке, и Хавьер на полу. Я не колебалась. Это было похоже на то, что кто-то другой был в моей голове в тот момент. Она была той, кто схватил пистолет. Она была той, кто нажал на курок. Потому что я не понимаю, что случилось, пока она не закончила. — Она смотрит в сторону снова. — Я убила его, — добавляет она отстраненно.

— Он это заслужил, — говорю я спокойно.

Она не смотрит на меня больше, и я думаю, что, когда она все рассказывала несколько мгновений назад, она на самом деле не видела меня. Это как если бы мой голос разбудил ее.

Она встает с дивана.

Я наблюдал за ней с любопытством. Ее руки трясутся и уголки ее губ дрожат. Она крутит пальцем свои волосы, пока ее руки не сжимаются в кулаки. И тогда она бросается на меня.

— Ты ушел! Ты ублюдок! Оставил! — Она кричит, и ударяет меня по груди.

Я позволяю ей. Я стою неподвижно, пока ее силы не кончаются и тело начинает падать к моим ногам. Но я ловлю ее прежде, чем она падает на пол, обнимаю ее маленькое тельце. Она рыдает на моей груди, глотая слезы, держась за швы моего жилета своими дрожащими пальцами.

— Ты ушел, — она повторяет снова и снова, пока слова не переходят на шепот. — Ты ушел...

Я держу ее крепко. Неуклюже. Потому что я никогда не делал этого раньше. Я никогда не испытывал такой печали и боли, а я должен помочь все исправить. Моя мать была единственной, кто держал меня так, когда я был мальчиком, и я не могу вспомнить, что

должен чувствовать.

Я чувствую, что я хочу прикоснуться своими губами к ее волосам. Но я не могу. У меня есть желание, сжать ее покрепче и поглотить ее полностью. Но я не могу. Я просто не могу заставить себя сделать это.

— Сэрай, — говорю я, осторожно отстранив ее от себя, так, чтобы я мог видеть ее глаза. — Мне нужно, чтобы ты рассказала мне, что случилось. Расскажи мне все. Что делала Саманта, может какие-то телефонные звонки? Она получила какие-то странные звонки?

Ее лицо выражает обиду.

— Ты думаешь, она сделала что-то? — Она отходит прочь от меня. — Она умерла, защищая меня! Как ты мог подумать, что она имела к этому отношение?!

Я глубоко вздыхаю.

— Нет, я не могу поверить, что она тебя сдала. Саманта была надежна. Только два человека: она и Николас, кроме тебя и меня, знали, где ты была.

Я шагаю вперед и кладу свои руки на ее плечи, в попытке заставить ее понять, и когда она меня не отталкивает, я испытываю облегчение.

— Она была одной из нас, и я всего лишь пытаюсь получить факты.

— Тогда это был Николас, — она сердится при мысли о нем. Ее глаза дикие и суженные. — Он ненавидит меня, Виктор. Он ненавидит тебя за то, что ты мне помогаешь. Я знаю, это был он!

Я в шаге от нее, мои руки покидают ее плечи, я скрещиваю их на груди. Потом потираю рукой свою шею и лицо. Сэрай права. Николас является очевидным ответом и хотя, зачастую, очевидно, оказывается не ответ, ведь на этот раз он должен быть. Потому что это единственное, что имеет смысл.

Мой брат предал меня.

Глава 23

Сэрай

— Что ты делаешь? — Я смотрю, как Виктор берет пиджак со стула.

Он тянется в карман и достает сотовый телефон, я никогда не видела, чтобы он его использовал.

— Я собираюсь привезти Николаса сюда.

Ошеломленная, я сначала просто смотрю на него. Но потом паника начинает зарождаться внутри.

Я кидаюсь к нему, хватая его за локоть.

— Нет, ты не можешь позволить ему знать, где мы находимся, — говорю я. — Зачем привозить его сюда? Что ты собираешься делать?

Мой ум прокручивает множество сценариев, ни один из которых не заканчивается счастливо.

Я сжимаю свои губы, когда он поднимает руку, чтобы утихомирить меня, когда Николас отвечает на другом конце телефона.

— Хавьер Руис был устранен, — говорит Виктор, так же спокойно и профессионально, как и в любое другое время, я слышала, когда он говорил с Николасом ранее.

— Да, — отвечает он на вопрос, который я не могу слышать, но я продвигаю голову вперед, как будто это увеличит громкость в некотором роде. — На место прибыли полицейские, прежде, чем я успел уехать из города. Это было не "чистое" убийство.

Он слушает Николаса минуту и продолжает:

— Я считаю, Саманта привела их туда. Девушка была жива, когда я прибыл, как раз перед тем, как я взял Хавьера. Он застрелил ее, но она успела сказать мне, что она слышала, как Саманта говорила с кем-то по телефону после того как я уехал в Тусон. Да. Нет, Саманта мертва. Сообщение, что Воннегут безопасный дом двенадцать, было скомпрометировано. Очиститель должен быть послан туда немедленно, конфисковать все ее файлы. Да. Да.

Он смотрит на меня.

— В этом нет необходимости. Девушка скончалась от ранения. Я оставил ее там.

Мой желудок скручивается в узел. Я скрестила руки на груди.

— Николас, — говорит он, опуская профессионализм в его тоне. — Приезжай ко мне в Новую Англию, как только сможешь. Мы получим двойную оплату, а потом... я хочу рассказать тебе, что произошло в Будапеште.

Я наклонила голову слегка набок, услышав эти последние слова. Все остальное, что Виктор сказал Николасу, было ложью, уловкой, чтобы он приехал сюда. Но последняя часть, я чувствую, личная. То, что он сказал, сейчас передо мной, кажется мне странным. Я знаю, что это не имеет ничего общего со мной, так зачем он сказал это сейчас? Именно в этот момент я начинаю понимать, что Николас что-то большее, чем Виктор мне говорит, больше, чем его работа, и чтобы не случилось в Будапеште, должно быть рассказано, потому что его совесть должна быть очищена.

Вот что делают люди, когда они хотят прощения.

Я не знаю почему, но, несмотря на старания Николаса, чтобы меня убили, я чувствую эту боль и грусть внутри. Потому что я знаю, что Виктор намерен делать. Я знаю, что он собирается его убить. Но, я чувствую, что это последнее, что он хочет...

Он кладет свой телефон на стеклянный столик рядом с креслом и расстегивает пуговицы жилета.

— Мне некуда идти, — говорю я ему с дивана. — Я знаю, я была обузой и я сожалею. Саманта сказала мне, что ты рискуешь всем, даже своей жизнью, чтобы помочь мне, и мне нечего дать тебе взамен. Лишь моя благодарность, и я знаю, что это не так много.

Я вздохнула и добавила:

— И я сожалею о Саманте.

Он снимает жилет и галстук и вешает на стул к пиджаку.

— Это было мое решение, чтобы помочь тебе, — говорит он, пока расстегивает свою рубашку. — И Саманта была хорошей женщиной.

— Она тебя любила?

Я складываю руки вместе, на коленях.

— Нет, — говорит он, не глядя на меня. — Она хотела, но я не был способен.

Я хмурю брови в замешательстве.

— Не способен к любви?

— Ты не можешь влюбиться в кого-то, кого не существует, — говорит он, как само собой разумеющееся. — Я ушел прежде, чем у нее был шанс.

— Ты любил ее? — Я задерживаю дыхание.

— Нет. Любовь является препятствием в этом бизнесе. Из-за нее тебя могут убить.

Хотя его ответ оставляет горький привкус во рту, я не могу отрицать, что, возможно, он прав. Хотя я думаю, о том, как Виктор или кто-либо, впрочем, мог идти по жизни, не любя кого-то. Но потом я понимаю, что и я никогда не любила.

— И я знаю, что тебе некуда идти, — добавляет он, — но когда это закончится, и ты

будешь в безопасности, тебе придется действовать самостоятельно. Я буду рад помочь тебе, дать достойный старт. — Он останавливается и смотрит на меня пристально, его глаза впились в мои глаза, чтобы захватить мое нераздельное внимание. — Но это скоро закончится. Ты и так была со мной слишком долго.

Я чувствую, что он сердится на меня или, по крайней мере, разозлился на себя, помогая мне. Может быть, это связано с тем, что происходит между ним и Николасом, я не могла знать, но после его телефонного звонка Николасу, Виктор изменился.

И это наполняет меня ужасом.

Он поворачивается и идет через мраморную арку, которая ведет в другую часть этого огромного дома. В некотором смысле, это напоминает мне о местах, в которые Хавьер возил меня, но этот дом, хотя и массивней из тех, что я видела, меньше, чем были другие. И темнее, с темно-вишневыми деревянными полами - столь блестящими, что я вижу свое отражение - и покрыты дорогими коврами: глубокие красные и коричневые, и серые. Высокие, цвета ржавчины, шторы на широких окнах, которые охватывают целиком одну из стен от пола до потолка с видом на океан.

За последующие несколько часов, Виктор остается вне поля моего зрения. Я не чувствую, что он намеренно не обращает на меня внимания, но я знаю, что он хочет побыть один.

Я много думаю о Саманте. И Лидии. И Изель. И Хавьере. Я видела столько смертей. Я убила человека сегодня вечером. По большей части, то есть; я все еще не могу забыть. Я по-прежнему вижу Хавьера: темные, почти черные глаза, смотрят на меня с пистолетом в руке. Я до сих пор дрожу, когда думаю о нажатии на спусковой крючок, когда он смотрел, вплоть до тех пор, пока его тело не коснулось пола. И я никогда не забуду, что он сказал мне перед смертью:

— Я знал, что она в тебе, Сара.

И я ненавижу себя за это, но я... Ну, я чувствую печаль по поводу Хавьера. Та часть меня, которая выросла с ним, скучала без него. Я думаю, это потому, что я привыкла к нему после стольких лет.

— Сэрай? — голос Виктора вырывает меня из воспоминаний.

Я смотрю на него, стоящего за мной. Я не слышала, как он подошел и не заметила, что его высокая фигура приближается к дивану, я была настолько поглощена прошлым.

— Николас будет здесь через двадцать минут, — говорит он.— Ты должна оставаться вне поля его зрения. Ты пойдешь в мою комнату и запрешь дверь. Это понятно?

— Да.

Я ненавижу то, как холодно он держится, точно так же как и в нашу первую встречу. Все следы эмоций, что я чувствовала у Виктора прошли.

— Что ты собираешься делать?

Он проходит мимо меня.

— То, что я должен сделать.

Он переоделся в черный джемпер с длинным рукавом, рубашку и черные брюки. На него приятно смотреть, учитывая, что раньше он всегда носил лишь костюмы. Он привлекателен в любой одежде, признаюсь я себе.

Я следую за ним, куда бы он ни пошел.

— Виктор? — Я зову его, но он просто продолжает идти. — Я... я могла бы помочь тебе. Ты когда-нибудь тренировал кого-то? Ну знаешь, стать таким, как ты?

Я не могу поверить, что говорю это.

Виктор останавливается на полпути возле входа в комнату, с мраморными полами впереди.

Я вижу, как его плечи поднимаются и опускаются. Затем он поворачивается ко мне.

— Нет, — говорит он, — И этого никогда не будет.

Он проходит в комнату, а я продолжаю идти за ним и как только я оказываюсь внутри, эта красота останавливает мое дыхание. Там четыре статуи в натуральную величину греческих женщин, одетых в воздушные платья, стоя на высоте, все по углам круглой, куполообразной комнаты. Справа от меня, во всю стену окно с видом на бушующий океан, а впереди нее, стоит самое красивое пианино, которое я когда-либо видела.

Я не могу оторвать глаз от него.

— Но почему бы и нет? — Я спрашиваю, подойдя к нему сзади. — Что еще мне делать со своей жизнью? Я не могу вернуться туда. У меня нет образования, еще даже не школу не закончила. У меня нет друзей, нет семьи, нет работы, истории. Виктор, у меня даже нет реального водительского удостоверения или свидетельства о рождении и карточки социального обеспечения. У меня нет идентичности, по крайней мере, не правовое.

Он выходит из комнаты с пианино.

Затем мы зашли в другую комнату, в которой много полков, уставленных книгами в основном в кожаном переплете, рабочий стол, покрытый лаком, кожаное кресло в центре комнаты, небольшой столик и торшер рядом с ним.

— Ты можешь получить все обратно, — говорит он, идя в сторону столика возле кресла. — Это займет некоторое время, но ты можешь получить их. Что же касается образования, ты можете получить GED, пойти в колледж. — Он смотрит на меня и добавляет, — это будет трудно, но это - твой единственный вариант.

Он берет книгу и начинает листать изорванные страницы.

— Но это не то, чего я хочу, — говорю я. — Я хочу, чтобы... делать то, что ты делаешь. Я знаю, что это звучит нелепо, но...

— Это смешотворно, — говорит он, захлопнув книгу. — Ответ- нет. Он всегда будет нет, так что не трать зря время.

Он проходит мимо меня снова.

Я слеую за ним через комнату с пианино и обратно в гостиную.

Он хочет уйти дальше, но я останавливаю его.

— Я хочу остаться с тобой.

Он стоит спиной ко мне, просто стоит: тихо и неподвижно, как будто мои слова украли его движение и голос. Я не хотела говорить это в слух, но я чувствовала, что это была единственная вещь, способная на него повлиять.

Мы долго стоим в тишине, я думала, он мне хоть что-то ответит, даже если просто прочтет лекцию о том, что я ничего не знаю и не знаю, о чем прошу. Но он ничего не говорит. И тогда я разворачиваюсь и иду обратно в комнату.

Признав поражение, я присаживаюсь на стул на кухне и смотрю в экран видеонаблюдения, закрепленный внутри стены, слева от меня; один экран разделен на четыре части, которые показывают четыре различных помещениях одновременно. И каждую отдельную площадку в доме и возле него.

Минуты спустя, гладкий черный автомобиль, как и у Виктора, подъезжает к воротам.

Виктор, вероятно, смотрел видео на другом экране, в другой комнате, приходит в

кухню.

— Он здесь, — заявляет он и жестом говорит мне идти. — Помни, что я сказал: сиди тихо и не выходи из моей комнаты, пока я не скажу.

Я нервно киваю.

Мой желудок плавится снова, мое сердце бьется в два раза быстрее.

Я слезаю со стула и быстро иду в комнату Виктора. Массивная кровать королевского размера находится с другой стороны от окна, заправлена она в черные и серые постельные принадлежности, на которых отсутствуют даже малейшие складки. То же что и в других комнатах - никаких лишних дефектов и признаков беспорядка.

Виктор закрывает дверь позади меня, а я пытаюсь морально подготовиться к тому, что случится.

Глава 24

Виктор

Когда мы с Николасом были просто детьми, прежде чем нас забрали в Ордер, он был моим лучшим другом. Мы много дрались в рукопашку, всегда стараясь быть на равных условиях друг с другом, и хотя мы оба выходили из драки с кровавыми носами и однажды даже сломанным запястьем, нас ничего не могло настроить друг против друга. Мы уходили с поля боя с мыслью о том, что мы будем есть на ужин, когда вернемся домой. А на следующий день мы просыпались и шли в школу с одинаковыми черными синяками под глазами.

Синяки, которые он получал от меня, были, естественно, больше, но Николас всегда говорил то же самое о синяках, которые получал от него я.

Но отношения между нами начали меняться, когда нас завербовали в Ордер. Воннегут, который очень редко встречался с кем-либо лицом к лицу - что в принципе не изменилось и по сей день - сказал, что я подаю надежду. Но он ничего не сказал о Николасе. В первый раз, когда я заметил изменения в Николасе, мне было всего лишь 17 лет. Воннегут как раз повысил меня до полноправного оперативника - намного раньше, чем когда-либо повышали кто-то из наемных уиц - и именно в этот момент я увидел в Николасе что-то новое, что очень насторожило меня - завистливое сердце.

В тот момент я знал, что в один прекрасный день мне все же придется его убить.

Николас - единственная семья, которая у меня осталась. И как бы сильно я не хотел, чтобы все было не так, чтобы я оказался неправ и смог бы вернуться к тому, как было раньше, я прекрасно знаю, что это не совсем возможно. Правда в том, что с прошлого года я всегда был на чеку, когда дело касалось моего брата.

И всему виной был наш отец.

Полагаю, я должен был его послушать...

Я встречаю Николаса у входной двери. Он входит спокойно и как всегда собранно, за исключением тех случаев, когда он зол на меня за то, что я предпочитаю прислушаться к собственным мыслям и решаю делать что-то по-своему усмотрению.

Я закрываю за ним дверь.

— Это место намного приятней, чем предыдущее, — говорит он, смотря вверх на многоуровневый потолок, скрестив руки за спиной.

Я ловлю себя на изучении его черт, разыскивая в его лице сходства со мной и нашим отцом. У нас одинаковые глаза, хотя у него они более голубые, чем у меня: мои, как правило,

бывают чаще зелеными, чем голубыми. Его лицо более круглое, мое - более худощавое. Но думаю, наше основное различие - это акцент. Наш отец и его мать были немцами. Я родился во Франции, моя мать - французский шпион Ордера. Отец перевез нас в Германию, когда мне было 12 лет, и я не встречал Николаса до 6 лет. Я помогал ему в изучении английского и французского, но у него не было склонности к лингвистике, которая была у меня, поэтому он так и не смог полностью избавиться от акцента. Но, несмотря на все различия между нами, я все равно вижу в нем только более молодую версию себя. Особенно сейчас, когда я стараюсь осознать тот факт, что собираюсь его убить. Я не хочу этого делать. Я хочу уйти от этого и забыть, что это когда-то происходило, но это не выход.

Он улыбается мне.

У нас одинаковая улыбка. Я помню, как наш отец мне об этом говорил.

— Да, — говорю я о доме, — подумал, что самое время поспать в чем-то более высококлассном. Я надеялся, что мне удастся остаться здесь на некоторое время.

— Что-то изменилось? — любопытно спрашивает он, имея основание думать об оценке в моем тоне.

— К сожалению.

Я показываю жестом направление в гостиную.

— Давай присядем, — говорю я, и он следует. — Нам нужно многое обсудить.

Он берет стул рядом с мраморным столиком.

Я продолжаю стоять.

Я чувствую, что он удивлен, почему я не присаживаюсь, но любопытство исчезает из его глаз и заменяется вниманием, когда я начинаю говорить.

— Николас, — говорю я, — в прошлом году на миссии в Будапеште я не был до конца честен с тобой.

Николас слегка смеется, удобнее умахиваясь спиной относительно спинки стула. Он кладет левую лодыжку на правое колено и сцепляет пальцы перед ним. Его локти опираются на подлокотники стула.

— Ну, это не впервые, — говорит он, все еще улыбаясь, будто это обыденный разговор между двумя братьями. — Ты даже мне никогда не рассказывал свои секреты.

— Я ездил встретиться с нашим отцом, — объявляю я.

Улыбка падает с его лица. Он слегка поворачивает подбородок под углом, несомненно, озадаченный моим признанием.

— Он послал за мной, — добавляю я.

— Ради чего? Зачем он бы посылал за тобой, Виктор? После всех лет, за которые ты его ни разу не видел, почему он послал за тобой, а не за мной?

Я не отвечаю. Мне намного сложнее сказать ему правду, чем я себе представлял. Я всегда знал, что это будет тяжело, но не знал, что настолько.

— Виктор?

Глаза Николаса наполнены интересом и... болью.

Он встает со стула.

— Пожалуйста, брат, просто скажи мне.

Я тяжело сглатываю и стараюсь восстановить дыхание.

— Николас, — наконец, продолжаю я, — твоя мать была ликвидирована Ордером, потому что были найдены доказательства того, что она продавала информацию. Ты уже об этом знаешь. — Он кивает. — Но после этого, так как она была твоей матерью, Ордер не мог

доверять тебе. Даже Воннегут чувствовал, что ты был ненадежным и что однажды, рано или поздно, ты отомстишь за смерть матери и предашь Ордер.

Он продолжает слушать. Его лицо омрачается все больше и больше от боли и неприятия. И мне ужасно больно видеть это.

— Я поехал в Будапешт, чтобы встретиться с ним, — говорю я и больше не смотрю на своего брата.— Он поговорил с Воннегутом, они оба сошлись на мнении, что ты должен быть исключен, даже если просто в целях предосторожности, чтобы предотвратить неизбежное. И мне дали приказ это исполнить.

Николас отворачивает голову.

Я встречаю его взгляд.

— Воннегут, конечно же, — продолжаю я, — не знал, что мы были братьями, и так как я был его №1, он был уверен, что я смогу выполнить работу, ведь мы были очень близки, у нас была особая связь. Отец хотел, чтобы я был тем, кто убьет тебя, потому что он считал, что это будет почетно и что если кто-то и должен забрать твою жизнь, то это должен быть я, так как мы - семья и больше никто не должен иметь этой привилегии.

Николас едва может собраться с мыслями. Он едва говорит, но когда он это делает, это ранит мое сердце так же сильно, как и его выражение лица.

— Отец хотел, чтобы ты убил меня?

— Да, — спокойно говорю я.

Он начинает ходить по комнате, затем поднимает руки к голове и резко проходит ими по своим волосам. Он смотрит сквозь меня, его глаза наполнены слезами. Я ни разу в жизни не видел, как мой брат плачет. Никогда. Он не проронил ни слезинки, даже когда мы были детьми или когда убили его мать.

Я трогаю свой подбородок, сдерживая собственные слезы. Я так сильно сжимаю челюсти, что отчетливо ощущаю давление в черепе. Но я изо всех сил пытаюсь сохранить серьезное выражение лица.

— Тогда почему ты этого не сделал? — набрасывается он.— Почему я все еще жив? Скажи мне, Виктор. — Его первая слеза стекает по щеке, и он инстинктивно тянется, чтобы смахнуть ее, злясь на то, что она предала его в этот момент. — Ты должен был меня убить!

— Я отказался, — говорю я. — Ты был единственным заданием, которое я не мог выполнить, Николас. И тогда отцу оставалось сделать только одно: он собирался выполнить это задание сам.

Тело Николаса резко замирает, раненое этой правдой еще больше, чем предыдущей. Из его глаз вылетает следующая слеза, но на этот раз он не сосредоточен на том, чтобы смахнуть ее.

— Я убил его, — наконец, говорю я. — Отец сказал, что мне придется это сделать, потому что только так он не закончит задание. Поэтому я пристрелил его на месте.

Он не может посмотреть на меня. Я чувствую в нем конфликт, где его разум и сердце стараются выбрать, какую эмоцию почувствовать, а какую отвергнуть: боль за то, что сделал наш отец или его любовь к брату, потому что оба события в один момент - это слишком.

Я продолжаю:

— Будучи №1 для Воннегута, я убедил его пощадить твою жизнь и заставил его поверить в то, что наш отец был психически неуравновешенным, параноиком, и поэтому мне пришлось его убить. Я сказал Воннегугу, что тебе можно доверять, и попросил, чтобы он дал мне шанс доказать это ему и всему Ордеру. Я пообещал взять тебя под свою полную

ответственность...

— Полную отв... — он злобно смотрит на меня, — взять меня под полную ответственность? Я что, черт побери, какой-то ребенок? Все, что я делал с семилетнего возраста, я делал ради Ордера. Я всегда был единственным из нас, кто все делал так, как было сказано, кто никогда не подвергал сомнению задания Воннегута, кто ни разу не дал ему или кому-либо другому причины усомниться во мне! — Он сжимает руки в кулаки. — Я стремился стать таким, как ты, Виктор, чтобы меня уважали, чтобы мне доверяли и осыпали такой же славой, какой Воннегут осыпал тебя с тех пор, как повысил тебя до полноправного оперативника. Я не сделал ничего, чтобы...

— Ты лгал Воннегута ради меня в течение многих лет, Николас. Что ни говори, ты бы восстал против меня, когда настало бы подходящее время. Ты притворялся верным солдатиком Воннегута, его посредником, выжидая, когда он повысит тебя до полноправного оперативника, обманывая его каждый раз, когда я тебя попрошу.

— Так вот в чем дело? — Он указывает вверх, а затем агрессивно склоняет голову набок. — Ты меня все это время проверял?! Вот, что ты делал! Не так ли?!

— Нет, — говорю я. — Я бы никогда тебя так не использовал, Николас. Я убил нашего отца, чтобы спасти твою жизнь. Зачем я бы рисковал твоей жизнью, подставляя тебя?

Он не отвечает. Просто смотрит на меня в замешательстве с болью, злостью и незнанием, что со всем этим делать. Он садится обратно на стул, его ноги расставлены, он ссутулился вперед, упираясь лбом в руки.

— Почему ты мне это говоришь? — спрашивает он, снова подняв на меня свой взгляд. — Что заставило тебя решить, что сегодня именно тот день, когда ты должен перевернуть мою жизнь вверх дном? Что, проснулся утром и сказал себе: "Думаю, сегодня я трахну мозг своего брата, потому что мне больше нечего делать?"

— Я просто обязан был сказать это тебе, — сказал я. — Ты должен узнать правду прежде, чем ты умрешь.

Он слегка ошеломлен, будто пытаюсь понять, правда ли он это услышал.

Его рука падает со лба, и он выпрямляет спину.

— Что ты имеешь в виду?

— Николас, — прямо начинаю я, — я знаю, что ты рассказал Хавьеру Руису, где я прятал девушку. Где я с ней был.

Он сощуривает глаза от непонимания.

— О чем ты говоришь?

Я делаю пару шагов вправо, мои руки теперь спрятаны за спиной, будто там отдыхают. Пистолет надежно спрятан в задней части моих штанов.

— Когда ты позвонил мне во время моего полета в Таксон, ты сказал, что время последнего известного местонахождения Хавьера было в 15:12. — Я наклоняю голову в одну сторону. — Почему у тебя заняло 7 часов, чтобы сказать мне эту информацию?

Он до сих пор так и не вздрогнул. Я начинаю думать, что его способность играть определенную роль более эффективна, чем я предполагал.

Он несколько секунд размышляет над вопросом.

— Я позвонил тебе сразу же, как узнал сам. Виктор, ты знаешь, что мы не всегда получаем такого рода информацию сразу же, когда что-то происходит.

— Может быть и так, — говорю я. — Но ты и Саманта были единственными людьми, которые знали, где я был и где собирался оставить девчонку.

Он указывает на меня, его выражение лица скручено недоверием.

— Но ты сказал, что это была Саманта. Что девчонка сказала тебе, что Саманте позвонили...

— Я солгал.

Он все еще не вздрогнул.

Правду ли он говорит?

Я поднимаю на него свой пистолет.

Глаза Николаса расширяются, и он вытягивает руки по направлению ко мне.

— Виктор, я не предавал тебя. Клянусь своей жизнью, я ничего никому не говорил!

Мой палец осторожно нажимает на курок.

— Ты - мой брат! — выкрикивает он. — Я всегда делал то, о чем ты просил, хранил твои секреты, играл в твои игры между Воннегутом и заданиями, которые он тебе давал! Я бы умер прежде, чем смог предать тебя!

Когда Николас отводит взгляд на что-то позади меня, я знаю, что там стоит Сэрай.

— Я сказал тебе не выходить. — Я фокусирую свой взгляд на Николасе.

Он смотрит то на меня, то на нее. Его черты лица пронизаны шоком и предательством с моей стороны.

— Ты сказал, что она умерла.

— Об этом я тоже солгал.

Я чуть больше нажимаю на курок.

— Так кто кому теперь врет? Кто кого еще предает?!

Его взгляд мечется между нами.

— Виктор! Это. Был. Не. Я! — орет он. Он больше зол, чем напуган, его лицо скручено горем и неверием, руки сжаты в кулаки. — Я не буду молить оставить меня в живых! Не буду, брат. Если ты должен убить меня, то убивай, заканчивай с этим, но знай, что я не предавал тебя!

В последнюю секунду я опускаю пистолет и восстанавливаю дыхание, которое сдерживал последние несколько минут.

Затем я резко падаю в ближайшее кресло.

Комнату заполняет тишина. Я ни разу в жизни не был так сбит с толку.

— Думаю, он говорит правду, — мягко говорит Сэрай позади меня. Я чувствую, как она стоит позади меня, ее пальцы покоятся на спинке моего кресла. На какое-то мгновение я практически тянусь и дотрагиваюсь до них.

Наконец я поднимаю взгляд на Николаса и говорю Сэрай:

— Я тоже так думаю.

— Почему она жива? — спрашивает Николас, более озадаченный ей, чем тем, что я решил не стрелять в него. И, кажется, сейчас он смотрит больше на нее, чем на меня. Не могу еще определить уровень его недовольства, но может быть, как только шок исчезнет с его лица, мне удастся что-то прочитать.

— Саманта тоже не говорила Хавьеру, где мы, — говорю я. — Я сказал тебе это ради того, чтобы ты приехал, потому что я был уверен, что это сделал ты. Потому что больше никому.

— Саманту убили, когда она пыталась защитить меня, — заговорила Сэрай.

Как бы я хотел, чтобы она перестала говорить и вернулась в комнату.

— Ее убил Хавьер, — добавила она с грустью в голосе.

— А Сэрай убила Хавьера прежде, чем я приехал туда, — сказал я.

Николас долго смотрит на нас обоих, пытаюсь все собрать по кусочкам в голове и, вероятно, все еще задетый моим обманом, которым я его сюда заманил.

— Хорошо, — говорит он, срезав рукой воздух впереди себя. — Саманта этого не делала, но и я тоже.

Пальцы Сэрай перемещаются от спинки кресла и касаются моих плеч, скорее всего, невольно, потому что она очень нервничает. На секунду я ловлю себя на том, что хочу чувствовать ее пальцы, но быстро встаю, чтобы мой брат не понял все не правильным образом, если он этого еще не сделал.

— Что вообще происходит? — спрашивает Николас. — Скажи мне Виктор: что ты нашел в этой девчонке? — Он встает и начинает ходить по комнате, постоянно оглядываясь, чтобы посмотреть на меня, его разум работает с невероятной скоростью. — Ты поехал в Мексику, чтобы получить задание, посмотреть, чье достоинство контракта: его или Гузмана. И потом по пути назад в своей машине ты находишь незнакомку, которая ясно принадлежала Хавьеру Рузу...

— Я никому не принадлежу, — едко говорит Сэрай. — И мое имя не девчонка, меня зовут Сэрай.

Я кладу свою руку поверх ее, и она перестает говорить, но ее суровый взгляд темнеет, глядя на Николаса. Она скрещивает руки.

Николас бросает ей ответный злобный взгляд, но мне говорит:

— Я уже доложил Воннегуту о той лжи, которую вы мне сказали, чтобы затащить меня сюда. — Он садится назад на стул. — Вы так же, как и я, знаете, что, если мы отречемся от этой истории, то появится множество вопросов. Ты не можешь прятать ее вечно. Ты также должен был официально запросить нового связного, потому что они назначат тебе кого-то другого просто из-за нашего «недопонимания», если это будет то, что мы решим ему рассказать. Он покачал головой, легкая улыбка неверия на его губах. — Ты все это сделал: ты лгал Ордену, ты подверг опасности всю миссию, фактически разрушил ее, все из-за этой девчонки... — Он усмехнулся. — Безопасное Убежище Двенадцать было подвергнуто риску из-за нее, — сказал Николас.

Николас смотрит прямо на Сэрай, стоя позади меня и даже не видя ее, я могу чувствовать, как негодование кипит в ней.

— Так много смертей из-за нее, — говорит Николас. — Саманта. Она вернулась в Аризону. В отчете было сказано, что ей было только шестнадцать лет. Мертва из-за... Сэрай. — ухмыляется он.

Я долго смотрю на Сэрай, ее рыжеватые волосы развеваются, когда она бежит мимо меня. Я могу догнать ее и остановить, но Николас заслуживает хотя бы тех ударов, какие она успеет ему дать до того, как он ее задержит.

Глава 25

Сэрай

Моё лицо выдавало презрение, из моих глаз градом текли слезы, когда я неслась все ближе к Николасу.

Неважно, что он выглядел удивленным и немного довольным, в то время как я хаотично размахивала руками перед его лицом.

В мгновение ока я оказалась на полу, лежа на спине, а Николас сел сверху и сдавил мне

горло так, что стало трудно дышать. Вцепившись в его запястья, я пыталась освободиться, но в таком положении было трудно пошевелиться. Он смотрит сверху вниз на меня и перемещает руку от горла к щекам, схватив меня за челюсть, как плоскогубцами. Другой рукой он связывает мои запястья вместе, прижимая их к груди. Он поворачивает мою голову из стороны в сторону, и я чувствую остатки лосьона после бритья на его руках, поскольку его указательный палец прижимается к моим губам.

— Слезь с меня! — зарычала я под тяжестью его руки.

— Николас, — спокойно сказал Виктор позади него. — Оставь её.

Голубые глаза Николаса впились в мои, и он продолжал держать меня в таком положении ещё долгие мучительные три секунды, прежде чем сделать то, что велел ему Виктор.

Я старалась отдышаться, когда он отпустил меня, но пока он не отошел от меня, я не могла расслабиться.

Я приподнялась, но осталась сидеть на полу. Мне больно и обидно от слов, которые сказал Николас, но больше всего пострадала моя гордость. Потому что я понимала, что он прав.

Я опустила глаза, чтобы не смотреть на них. Мне не хочется, чтобы они видели стыд и чувство вины на моем лице, хотя она и так очевидна для всех нас.

— Николас, — спокойно говорит Виктор. — Я сожалею, что подверг тебя опасности.

Я мгновенно поднимаю свой взгляд. В комнате ощущается перемена настроения, хоть я и не знаю, что именно происходит, но в той паузе, что сделал Виктор, я чувствую нечто судьбоносное.

— Нам нужен план, — обращается Виктор к Николасу. — Пусть Воннегут считает, что Сэрай мертва...

— Или мы можем действительно её убить.

Я резко поворачиваю голову в сторону Николаса, смотрящего на меня с прежней снисходительностью.

Виктор качает головой, тем самым возражая этому едкому, но чересчур уж серьёзному предложению.

— Мы можем разработать план вместе, — продолжает Виктор в том же духе. — Или я сделаю все сам, а ты можешь уходить.

Глаза Николаса расширились, тело его напряглось. Кажется, он потерял дар речи. Так же, как и я. Я могу не понимать, как работает весь этот бизнес, но я знаю, что план Виктора очень опасен. Это - самоубийство.

Наконец мне удается встать с пола.

— У тебя есть выбор. — Говорит Виктор. — Или ты со мной, или иди к Воннегуту и расскажи ему правду, расскажи все и заслужи свое место в Ордере. Я не хочу быть против тебя. Я увезу её, найду безопасное место, где она сможет жить своей жизнью. А я пойду своей дорогой. Тебе выбирать, Николас. Но убивать её я не буду, и если Воннегут узнает, что она жива, то точно будет сомневаться в моей преданности. И ты не понаслышке знаешь, что происходит, когда преданность ставится под сомнение.

— Устранение в качестве меры предосторожности, — произношу я вслух, хотя по большому счету самой себе, вспомнив, что Виктор говорил о том, почему они заказали смерть Николаса.

Николас в шоке от всего происходящего. Он несколько раз качает головой, словно хочет

вытрясти предательские слова Виктора из своей головы.

— Ты же такой же убийца, — наконец говорит Николас. — Я не понимаю, почему ты делаешь это, хочешь сбежать и спрятаться... — Он снова качает головой, не в силах закончить предложение.

— Это не впервые, когда я рискую своим положением и жизнью и иду на поводу у своей совести, а не следуя приказам.

Николас глубоко вздыхает и отводит взгляд к потолку. Затем он смотрит на меня и в этот момент, несмотря на всю ложь, презрение и обиды, мы понимаем, что у нас нечто общее: нас обоих спас Виктор, в этом наша схожесть.

Одновременно, мы оглядываемся на Виктора.

Николас наконец прервал молчание.

— Брат, я всегда говорил тебе, что никогда тебя не предаю.

Виктор кивает, и я вижу облегчение, скрытое в его сине-зеленых глазах. Интересно, что было бы, если бы Виктор убил Николаса, если бы Николас выбрал совсем другой путь.

— Я с тобой, — говорит Николас и бросает быстрый взгляд на меня. — Чтобы ты ни собирался делать. Но прежде, чем сделать что-то, мы должны понять, кто сказал Хавьеру, куда именно ты её забрал.

Когда взгляд Николаса снова останавливается на мне, я чувствую, что он обвиняет меня.

Нахмутив брови, я скрестила руки на груди.

— Ну, я чертовски уверена, что не делала этого, — выплюнула я. — Не смотри на меня так.

Виктор встает между нами и берет меня за руку, ведя к ближайшему стулу, на который я охотно сажусь. Мой желудок сводит. Я смотрю на них и крепко цепляюсь за подлокотники кресла.

— Это не я!

— Я знаю, что это не ты, — говорит Виктор. — Но мне нужно, чтобы ты подумала, Сэрай. Разговаривала ли ты с кем-нибудь с тех пор, как мы оставили особняк? С кем-либо. Замечала ли ты что-нибудь странное, что угодно, даже самое незначительное?

Я качаю головой и нервно вывожу указательным пальцем круги по узорам на кресле.

— Я не знаю, — я пытаюсь отчаянно вспомнить хоть что-нибудь, что может помочь ему. Но я не могу.

— Виктор, я так не думаю.

Он отступает на шаг, а затем смотрит на Николаса. И тогда словно его вмиг осенило догадкой, он резко поворачивается ко мне.

— Снимай одежду! — требует Виктор.

Мое сердце остановилось.

— Что?

— Сэрай, снимай свою одежду. — Дернув меня за руку, он поднял меня со стула. Я пытаюсь вырваться из его хватки, но он еще больше давит.

— Я не разденусь. Почему ты просишь меня?.. — Я оставляю ему пощечину на левой щеке.

Он хватает мое запястье.

— Я хочу, чтобы ты доверилась мне. Я уже завел тебя так далеко, так что делай, что говорят и снимай свою чертову одежду.

Использование подобных сильных нехарактерных для него слов, заставляет меня

уступить. Мои глаза снова мечутся между ними, челюсти сжались, мое дыхание тяжело и прерывисто.

— Отлично, — говорю я, вырывая свою руку. — Но не перед ним.

Виктор берет меня за запястье и ведет мимо Николаса прямо к двери его комнаты.

— Тебе мне нечего показать, — слышу я голос Николаса, пока Виктор еще не закрыл дверь.

Я уже чувствую себя голой, стоя в широкой просторной комнате Виктора с видом на океан, хотя я все еще не сняла с себя ни единой вещи.

Я надеюсь остаться в таком положении как можно дольше, пытаюсь потянуть время, насколько это возможно, и тем самым заставить его сменить свой план действий или, по крайней мере, вынудить его объяснить мне, зачем все это, но он не хочет больше терять ни минуты. И не позволяет мне тянуть кота за хвост.

— Снимай. Сейчас же.

Я начала с футболки, снимая её через шею и обнажая грудь. Я бросаю футболку на пол позади ног. Он смотрит на меня, но не с похотью в глазах, а с задумчивостью. Я наклонилась и сняла брюки. На мне остались только трусики. Он шагнул прямо ко мне.

Я смутилась. Между нами расстояние около двух шагов. Но по ощущениям оно составляет два дюйма. Я не хочу снимать и трусы, не потому что я боюсь его, а потому что... мне будет неловко, если он увидит меня в таком виде.

Когда он подходит ближе и не просит снять нижнее белье, я с облегчением выдыхаю.

— Ложись на кровать, — говорит он и дыхание у меня перехватывает, а потом и полностью исчезает.

Когда я медлю, он хватает меня за плечи и мягко толкает на его дорогое дизайнерское одеяло.

Я проглатываю комок в горле. Когда я стала поднимать руки к грудям, чтобы прикрыться, то почувствовала теплые руки Виктора на себе. Я застыла, мои глаза расширились и не моргали. Он поднял руки над моей головой и начал щупать каждый дюйм моей кожи, нажимая пальцами сначала на руки, а затем переходя от ребер прямо к грудям.

На секунду он ловит мой взгляд.

Может он хотел облегчить мой страх перед ним этим взглядом, но это только заставило хотеть продолжения его прикосновений.

Неуместность такой мысли прожгла всю меня. Но касание его рук, массажирование груди меняло всю картину.

Я воображаю, его рот, целующий мой сосок.

Я с усилием отмахиваюсь от этой нелепой мысли и смотрю на него, на его нацеленные глаза и как ловко и в то же время агрессивно его руки двигаются по моему телу. Украдкой я вдыхаю аромат его кожи, его естественный запах заставляет хотеть поцелуя с ним. Он отстраняется и отходит от меня, но еще не закончив. Теперь он переходит на бедра, начиная с левого. Затем он перешел к правому бедру.

Когда его пальцы касаются чувствительной кожи моего внутреннего бедра, прямо рядом с трусиками, я делаю вдох.

Он останавливается и смотрит на меня и вдоль моего голого тела. Я могла только догадываться, о чем он думает, но на этот раз я чувствовала, что его взгляд не направлен на меня для того, чтобы уменьшить мой страх. Его взгляд изучающий, сейчас ему интересно узнать мою реакцию на его прикосновения ко мне, к самой интимной части меня. Мне

любопытно, почему, изучив моё лицо, он не прекратил и не убрал руки, как я того ожидала. А он, наоборот, оставил руки на месте, одним пальцем гладя ногу, совсем рядом с линией трусов, обдумывая то, что ему следует сделать. Что он может захотеть сделать.

Он отстраняется и неожиданно переворачивает меня на живот.

— Что ты вообще делаешь? — спрашиваю я, адаптируясь к быстрой смене момента. Он стягивает мои трусы на половину, гладит мои ягодицы, а затем возвращается к бедрам.

— Я ищу кое-что.

— Что? — спрашиваю я.

Затем он неожиданно останавливается, его большой палец совершает круговые движения прямо над моей правой ягодицей. На том же месте, где я удаляла ему пулю.

— Я ищу маячок, — говорит он. — На тебе есть один.

Я пытаюсь повернуть голову так, чтобы лучше видеть его, но становится больно шее.

Мой глаз уловил отблеск серебряного клинка. Я запаниковала, когда увидела нож в его руке и начала неловко двигаться. Но он прижимает меня, держа мою шею одной рукой, а другой с ножом выворачивает мое левое плечо.

— Что ты собираешься делать? — кричу я.

— Я должен его вырезать.

— Нет, Виктор.

Я яростно вырываюсь, пытаюсь перевернуться на спину, чтобы потом встать. Неожиданно он полностью ложится на меня и от его близости, теплоты дыхания у меня перехватывает дыхание. Все мое тело застывает под ним и расслабляется, растекаясь под тяжестью его тела, в то время как его голос шепчет мне на ухо.

— Я буду мягок, — шепчет он и по моей спине начинают бегать мурашки.

Он давит на меня и в его штанах все напряглось.

— Я обещаю, — говорит он мне в ухо. — Но его необходимо вытащить. Ты понимаешь? Ты доверяешь мне?

Он давит на меня своим бедром, и я невольно двигаюсь против него. Я закрываю глаза, когда покалывающее ощущение между ног двигается через спину к глазам.

— Да, — шепчу я. — Я доверяю тебе.

— Хорошо, — говорит он мягко и медленно поднимается с меня.

Я спокойно лежу, думая все больше о Викторе и об опасности его намерений. Часть меня даже не беспокоится о том, что он собирается делать, порезать меня ножом, боль от чего будет адской. И возможно это единственная причина того, что он делал, каким-то образом зная, что может контролировать мое настроение, мои эмоции, имея надежду, что он может больше прикасаться ко мне. Я чувствую себя игрушкой, и Виктор знает, на какие кнопки нажать, чтобы я делала все, что он хочет, чувствовала все, что он хочет, чтобы я чувствовала. Я не знаю, как он это делает, но не возражаю.

— Прикуси подушку, если нужно, — говорит он.

Я потягиваюсь и притягиваю к себе ближайшую подушку, вдавливаясь в неё грудью. Я плотно сжимаю глаза.

Лезвие начинает входить, и я кричу от боли, утыкаясь лицом в подушку, мое тело застывает, словно блок цемента.

Через секунду все заканчивается и Виктор уже в шаге от кровати, смотрит на свои окровавленные пальцы и на маленькую, словно рисовое зерно, вещь между ними.

Свободной рукой он берет полотенце, которым он пользуется после душа. Он вручает

его мне.

— Прижми здесь, чтобы остановить кровотечение, — говорит он и направляется в ванную.

Пока я прижимаю полотенце к задней части бедра, я слышу звук воды в кране и звук, как Виктор роется в аптечке. Одной рукой держа полотенце на месте, я поднимаюсь с кровати, чтобы найти мою футболку и убираю полотенце только, чтобы одеться.

Виктор выходит из ванной с оранжевой бутылкой с таблетками в руках и проходит прямо мимо меня к двери.

Глава 26

Виктор

— Николас, — говорю я, выходя их комнаты.— Это тебе знакомо? — я подхожу прямо к нему с бутылочкой из-под таблеток с маячком внутри.

Он берёт её в руки.

Я слышу позади мягкие шаги, когда Сэрай появляется из моей комнаты, но внимание оставляю на Николасе.

Сначала он вглядывается внутрь тубика, затем отвинчивает колпачок и вытряхивает маячок на ладонь. Он поднимает взгляд на меня.

— Такой же они использовали на девчонке в Дубае, — говорит он и смотрит на Сэрай.— Ты обнаружил его в ней? — он бросает маячок обратно в бутылочку и закрывает крышкой. — Я даже не желаю знать, где он был.

Он вытирает руки о свой пиджак.

— Если это их, — говорю я, — это означает, что Хавьер Руиз обладает большей властью, чем мы думали. Я и не предполагал, что такой наркобарон, как Руиз, имеет доступ к подобным технологиям.

— Их не волнуют технологии. — Говорит Николас.— Все, что их интересует, - это наркотики, оружие и девушки.

— Имел, — произносит Сэрай и я поворачиваюсь к ней.— Хавьер имел власть. Он мертв, помните.

— Да, — отвечаю я. — Но это не означает, что его дело умерло. Бизнес будет передан по наследству.

— Какое отношение это имеет к нам? — спрашивает Сэрай.

Я чувствую, что должен сказать ей надеть брюки, но останавливаюсь.

— Нет никаких нас, — говорит Николас.

Сэрай смотрит на него и оборачивается кровавое полотенце вокруг бедер.

— Тогда какое отношение это имеет ко мне? — рявкает она. — Или к кому-нибудь из вас?

— Это не имеет никакого отношения к тебе, — говорю я. — Больше нет. Ты принадлежала Хавьеру, и если он продал или пообещал тебя другому покупателю, ты не была бы в его распоряжении настолько долго. У него не было намерения позволить кому-нибудь обладать тобой. Сейчас он мертв, и тебе нечего бояться. — Я делаю паузу. — По крайней мере, это имеет отношение к нам. — Я останавливаюсь, раздумывая над тем, рассказать ли ей больше того, что она уже знает, и тем самым подвергнуть её ещё большей опасности перед Ордером.

По мнению Николаса, я и так рассказал уже слишком много.

Он положил бутылочку в карман пиджака.

— Я избавлюсь от него, — говорит он, и тогда я вижу, как он бросает взгляд исподлобья на Сэрай. Под его спокойным и дисциплинированным видом кипит ненависть. — Так какой твой следующий шаг? Я буду прикрывать тебя от Воннегута или ты собираешься спасаться бегством?

Я знаю, какой ответ он от меня ждет, сейчас это именно то, что я выбираю.

— Скажи Воннегуту, что я готов приступить к следующей миссии, — говорю я. — Я выставлю этот дом на продажу. Мы уедем утром.

Сэрай смотрит на меня с замешательством. Николас кивает и соглашается, потому что дом был скомпрометирован маяком, который находится в его кармане. Хавьер Руиз может и мертв, но маячок работает до сих пор, а значит кто-то мониторит его с тех самых пор, как Сэрай сбежала из особняка. Так Изель нашла нас быстро в мотеле в Мексике. Когда я связался с Хавьером и дал ему наши координаты, Изель приехала через полчаса. Это куда быстрее, чем могло бы потребоваться на дорогу от особняка к тому мотелю. Тогда я предположил, что она уже была в пути вместе с теми, кто ищет нас, а по факту так оно и было. Но до сих пор я не думал, что тогда она уже прекрасно знала, где мы находимся.

Именно из-за этого устройства двое мужчин вошли в магазин, притворяясь клиентами, и разговаривали с владельцем, используя шифр. Учитывая тот факт, что я убил всех мужчин, что пришли вместе с Изель в первый раз, я полагаю, что Хавьер Руиз на этот раз хотел обойтись меньшими потерями, посылая лишь двоих парней. Они были посланы просто для сбора информации и слежки, пока Хавьер не придумает лучший план.

Когда я вывез Сэрай за границу, следить за нами стало намного труднее. Я догадываюсь, что он посылал больше человек для слежки, возможно даже пытался устроить нам засаду, но этого так и не случилось. Мне нужно верить, что этого не произошло из-за того, что мы уже были в США. Хавьеру, безусловно, сложно пройти паспортный контроль, даже если не учитывать тот факт, что у него и есть рычаги влияния на одного коррумпированного американского офицера.

— Я свяжусь с тобой, как только получу новые приказы от Воннегута, — Николас подошел ко мне.

Он сбрасывает с себя маску бесстрастного вида и теперь выглядит больше похожим на моего настоящего брата.

— Мне жаль, что наш отец так поступил, — говорю я ему.

Николас ненадолго опускает глаза.

— Я сделаю все, чтобы защитить тебя, потому что ты мой брат, — говорит он. — Так же, как это сделал ты.

Мы на мгновение делим момент взаимопонимания, киваем и расходимся.

— Как я уже говорила, он меня ненавидит, — высказывается Сэрай позади меня.— Но он предан тебе.

Я уставился в окно, погрузившись в прослушивание звука волны, бьющейся о скалу.

— Да, — говорю я. — Он предан.

Она подходит ко мне и кладет свою руку на мою ладонь.

— Ты не можешь знать, — произносит она, — что это точно был не он. Но сейчас это не важно. Мне кажется, вы уже нашли путь к решению проблемы между собой.

— Возможно, — говорю я и выхожу. — Но я не буду забивать себе этим голову в данный момент.

Она следует за мной в комнату.

— Мы должны обсудить тебя.

Я вхожу в ванную, а она встает у двери, полотенце так и обернуто вокруг её бедер.

— Иди сюда, — зову я.

Она без вопросов делает это.

Я кладу руки на талию и поворачиваю её лицом к зеркалу. Инстинктивно она хватается за край тумбочки, позволяя кровавому полотенцу упасть на пол. Засовывая пальцы под резинку её трусов, я стягиваю их с её бедер, давая им опуститься к ступням.

— Куда бы ты уехала? — спрашиваю я, открывая шкаф справа. — Я пошлю тебя туда, куда пожелаешь. Я ожидаю новых приказов к концу завтрашнего дня, так что у меня не будет достаточно времени, чтобы отвезти тебя и выполнить задание.

Я возвращаюсь к ней с аптечкой и ставлю её на тумбочку.

Сэрай поначалу ничего не говорит, возможно, размышляя о месте, но нутром чувствую, что дело не в этом.

Я могу видеть её отражение в зеркале, но она не поднимает головы, чтобы посмотреть на меня.

— Но я хочу остаться с тобой, — говорит она осторожно. — Я уже говорила тебе, мне некуда идти, нет документов...

— И я говорил тебе, — напоминаю я ей, — что все можно исправить. Ты выбираешь место, а я возьму на себя остальное. Сейчас у тебя есть водительские права, что я тебе дал.

Я промыл рану от ножа перекисью и помазал её йодом.

Она чуть-чуть морщится от жжения.

— Мне не нужна твоя помощь с предложением жизни, которую я больше не хочу, — говорит она. Я делаю укол и зашиваю рану. Даже боль, которая вполне очевидна, не удерживает её от высказывания тех вещей, которые ей нужно высказать. Я надеялся на это, но она полна решимости.

— Я мечтала об этом, — говорит она, поднимая глаза к зеркалу, но все что в них можно прочесть - это грёзы. — Хотя я едва помню, как выглядит Аризона, но мне привычно представлять себя живущей в том ужасном трейлере с парнем и друзьями по соседству. Очень вдохновляющая мечта, я знаю, — дразнит она себя. — Но это именно то место, которое я смогла вспомнить после всего произошедшего. Я бы все отдала, чтобы вернуться к той жизни, которую у меня отняли. Но после трех лет или около того с Хавьером, я перестала мечтать. Я сдалась, и перестала думать о побеге. Медленно, но я приняла ту жизнь, что у меня была. Поначалу я её ненавидела, ненавидела Хавьера. Я ненавидела его, хотя он не насиловал меня, по крайней мере, не в том смысле, как вы могли подумать. Он прекрасно знал, что я не желаю с ним спать и что я делаю это с ним лишь потому, что боюсь, но этот факт никогда не мешал ему и дальше использовать меня для утоления своих сексуальных желаний, а вот это уже изнасилование. И я ненавидела его и ненавидела то, что отдаюсь мужчине, которого не хочу.

Я мельком замечая в зеркале, как она сглатывает слюну, отстраняясь от болезненных воспоминаний, и делает паузу, пытаюсь собраться с мыслями.

— В каком-то смысле, — говорит она. — Я перестала ненавидеть его. Знаю, звучит ужасно, но я никогда не любила его, — она начинает заикаться и путаться в словах. — Я просто перестала его ненавидеть...

Она ловит мой взгляд в зеркале.

— Я сумасшедшая? Я имею в виду, — она облизывает сухие губы. Я делаю последний стежок, обрабатываю рану алкоголем и долго осматриваю свою работу, дабы убедиться в своей технике. — Я имею в виду, это же означает, что со мной что-то не так?

Ей отчаянно хотелось услышать ответ «нет».

Я надел на неё трусы и вышел помыть руки.

— Это означает лишь то, что ты человек, — говорю я.

Пытаясь избежать её попыток остаться со мной, я оставляю её в ванной, а сам избавляюсь от собственных мыслей по этому поводу.

Но она неумолимо следует за мной.

Я продолжаю заниматься своими делами, намереваясь успеть еще и выспаться.

Я снимаю с себя футболку и штаны, выключаю свет, проходя мимо выключателя, и выхожу из комнаты, залитой темно-синим цветом.

— Виктор, — тихо говорит она позади. — Возьми меня с собой, пожалуйста. Я уже говорила тебе, могу помочь. Ты можешь научить меня всему, чему захочешь, и я буду хороша в этом.

— Ты это не хочешь на самом деле, так ведь? — спрашиваю я, зная её лучше, чем она сама себя. Я стягиваю одеяло и простыню и укладываюсь в кровать. — Ты просто не хочешь, чтобы я оставил тебя. Одну в этом жестоком мире. Вольную быть, чем и кем ты захочешь, с правом делать свой собственный выбор. Заниматься любовью с тем мужчиной, с которым захочешь. Иметь нормальную жизнь. Потому что это чуждо тебе. — Я делаю паузу. — Если бы я сказал тебе убить кого-то, потому что просто так нужно, ты бы не сделала этого. Ты не можешь хладнокровно убить человек, не зная ничего о его преступлениях, семье или причины, по которой его должны убить. Ты никогда не станешь такой, как я. Ни одна тренировка не сделает из тебя убийцу, Сэрай. — Я кладу голову на подушку и натягиваю простыню до талии. — А теперь иди, поспи. Мы выезжаем в 6 утра, и я уже ожидаю, что ты выберешь нужное тебе место.

Она выглядит пораженной. Такая красивая, тихая и пораженная, она стоит передо мной. Полураздетая. А лунный свет просачивается из большого окна. Красивая, но побежденная. Её взгляд впивается в мою душу и мне только хочется, чтобы она повернулась и ушла. Потому что я знаю, если она этого не сделает и будет давить на меня взглядом этих грустных, ранимых глаз и видом этих сухих губ, то я поддамся моменту - либо займусь с ней любовью, либо убью.

Она поворачивается и идет к двери.

Я останавливаю её.

— Сэрай, — но она не поворачивается. — Ты никогда не признавала свою жизнь с Хавьером и ты бы не стала... но сейчас ты здесь со мной. — Начинаю говорить я. — Ты бы не убила его, была бы против этого.

Она промолчала и закрыла дверь.

Я лежу, смотря на покрытое облаками небо, и думаю о том, что говорил ей, какую ложь я ей сказал.

Она могла хладнокровно убить. Каждая частичка меня говорила мне, что она может, она бы сделала это. В некотором смысле больно осознавать, что её невинность была украдена много лет назад, а тот факт, что у неё есть все шансы зажить нормальной жизнью, а она выбирает мою, действительно ранит.

По большому счету это трудно, потому что я почти хочу дать ей такую жизнь.

Глава 27

Сэрай

Я слушала гром и дождь уже около часа, так и не сумев заснуть. Несмотря на погоду за окном, в доме так тихо, просторно и пусто. Пусто во всех смыслах этого слова. Я лежу на прохладных простынях в большой спальне, наблюдая за темными облаками на небе через огромное окно. Я слышу волны, бьющиеся внизу, и вижу бескрайний океан в странном свете под вспышками молний на беспокойном небе.

Пусто.

Этот дом. Моя душа. Душа Виктора. Это единственное слово, подходящее к моему состоянию, к состоянию Виктора, я в это верю и верю ему больше, чем мне.

Как может кто-то вести настолько скрытную, безэмоциональную, одинокую жизнь? Когда я смотрю в его глаза, я кое-что вижу в них, и хотя это не ярко выражено, но в них что-то есть. И это что-то достаточно сильное. Я хочу понять, почувствовать, попробовать это на вкус.

Когда гром начинает стихать, удаляясь, дождь переходит в тихую морось. Я не могу больше его слышать, но могу видеть, как ручейки стекают по стеклу.

От холодного воздуха на моих голых ногах выступают мурашки, даже под одеялом, вызывая видения, как будто Виктор лежит рядом со мной и помогает согреться.

Я решаю подняться. Чувствую себя глупо и беззаботно от того, что собираюсь сделать, но мне все равно. Если он собирается завтра избавиться от меня, какая разница, чем все это обернется?

Мои голые ноги тихо ступают по деревянному полу через весь дом. Подходя ближе к двери, я делаю паузу, прежде чем открыть её. Дверь открывается, и я вхожу внутрь. Я вижу его через всю комнату, лежащего на спине, голова повернута в мою сторону. Его глаза закрыты, дыхание спокойно. Простыня покрывает только его живот и бедра, оставляя остальное тело на холоде. Я помню ранее ночью, когда он был сверху и прижимал меня к кровати, мои живот и бедра трепетали.

Я подхожу ближе, стараясь оставаться тихой, насколько это возможно, но в то же время, удивляясь тому, зачем вообще эта бесшумность. В конце концов, он все равно узнает, что я здесь, ну или что-то вроде того.

Подходя к кровати, я некоторое время смотрю на него, как его грудная клетка поднимается и опускается с каждым тихим вдохом. Его рот закрыт, губы плотно сжаты, что указывает на то, что его сон, если он вообще видит сон, безмятежен, без насилия, которое его окружает. Подобно мне, кошмары его жизни давно исчезли, оставив только нездоровое чувство нормальности, к которому кошмары больше не относятся.

Я снимаю футболку и бросаю её на пол.

Опускаясь на кровать, я ползу по ней и усаживаюсь на его живот. И уже через секунду мои волосы оказываются в его руках и пистолет приставлен к моему подбородку, давя на шею так сильно, что боюсь, если я двинусь, то сломаю её. Я не произношу ни слова, но не боюсь. Я точно не знаю, убил бы он меня или нет, но в любом случае, мне не страшно.

Он давит на кожу сильнее, и я чувствую, как холодное дуло пистолета опускается к середине моей шеи. Больше того, я чувствую твердость между ног, и пистолет опускается ниже.

— Если ты собираешься бросить меня, — шепчу я, не смотря ему в глаза. — Тогда дай

мне хоть это.

Он задирает мне голову больше. Пистолет на этот раз оказывается у моего желудка.

— Я никогда не была с мужчиной, с которым хотела быть, — говорю я. — Я хочу быть с тобой. Только раз. Хочется знать, каково это - быть под контролем.

Он сомневается, я ощущаю это в теплоте его кожи, напряженности в движениях. Затем пистолет начинает давить сильнее, и я чувствую, будто мои волосы останутся в его руках. Но потом он смягчается, ослабляя хватку, позволяя моей шее передохнуть. Теперь мне видны его глаза, смертельно вглядывающиеся в меня, и все же такие соблазнительные, хотя и знаю, что он делает это не нарочно.

— Тебе не следует здесь находиться, — шепчет он.

Я чувствую его взгляд на себе, скользящий по моему телу, голым грудям, вниз к бедрам, которые обхватывают его.

— Мне все равно.

Его взгляд возвращается к моему лицу, изучая изгиб моих губ. Затем я замечаю что-то в его глазах, нечто жуткое, невиданное мной ранее, и мое тело напрягается. Он изучает меня, словно я нечто разрушительное и меня стоит незамедлительно убить. Несмотря на растущий страх, я продолжаю хотеть быть рядом с ним, застряв в его беспощадных руках убийцы.

Не выпуская меня, он поднимается с кровати, рука, сильно сжимающая волосы, прижимается к плечам. Я сижу на его коленях, мои голые груди касаются его, что греет мою кожу именно так, как я представляла. Я могу сказать, что он абсолютно голый под тонкой простыней, что разделяет нас.

— Если ты хочешь убить меня, то давай.

Его губы приближаются к моим.

— Но если ты это сделаешь, — говорю я, хрипя. — То позволь сперва побыть с тобой, пожалуйста.

Мои глаза закрываются сами собой. Я жду того, что будет дальше. Смерть или секс - мне все равно. Мое тело напряжено, сердце бьется так быстро, что я чувствую его отголоски у себя в голове и пальцах. Затем я ощущаю его губы на своих и расслабляюсь. Но когда я чувствую прикосновение холодного металла к моему виску, то медленно открываю глаза, чтобы посмотреть на него.

— Этого не может произойти, — говорит он.

Я приближаюсь губами к его губам.

— Нет, может, — шепчу я, а затем накрываю его губы поцелуем.

Мои бедра обвиваются вокруг его бедер. Я чувствую между ног его возбуждение, дрожь пронизывает мои бедра и колени. Я поднимаюсь, убираю простыню между нами. А затем усаживаюсь обратно на его колени, сразу замечая разительную перемену в ощущениях. Я двигаю бедрами, ощущая через ткань трусов его возбуждение, и это заставляет меня трепетать.

Но я не могу сказать, что он не хочет этого. Он не отталкивает меня, но сомневается.

— Пожалуйста, позволь мне, — говорю я, смотря в его красивые глаза. Он изучает мое лицо, мягко касаясь пальцами моих щек, в его взгляде читается неуверенность, как будто происходящее между нами нечто совершенно новое для него. Я предполагаю, что, возможно, он никогда не был с женщиной, которую он не сумел бы испортить и приручить. И пока я думаю о нем в таком ключе, сейчас мне нужно быть той, кто принимает решения. Я не уверена почему, но это неважно. Я чувствую, как его тело все больше расслабляется. Я давл

ладонями ему на грудь и мягко толкаю его на кровать, надеясь, что он позволит мне это. Он позволяет и ложится, оставляя руки на моих бедрах. Мы смотрим друг на друга и не произносим ни слова. Они не нужны. Засовывая мой средний палец за резинку трусов, я стягиваю их с одной ноги, не отрывая от Виктора взгляда. Чувствовать его между своих ног, кожа к коже, наедине - это ошеломляюще. Я ложусь на него, желая чувствовать его всего, тепло груди, жар дыхания на моей шее. Все. Я целую его, словно в последний раз, его язык спутывается с моим, руки находятся в моих волосах, а затем одной рукой он проводит по моему телу и останавливается на бедре.

Когда он возвращает контроль себе, я слегка кусаю его губы, а затем и подбородок. Он смотрит на мое лицо, бросая взгляд на губы и желая попробовать их на вкус. И тогда я начинаю плакать. Я всегда плачу, когда злюсь. Я превратилась в кого-то другого, в ту 14-летнюю девочку, вынужденную жить в рабстве, боли и разбившихся мечтах. В моей голове хаотично всплывают воспоминания о Хавьере. Я ощущаю себя словно в карусели, все лица Хавьера кружатся так быстро, что не успеваю схватить одно. Я не могу достать его, чтобы забить до смерти и просто плачу, сильнее, крича, и до того, как я понимаю, что делаю, лицо Хавьера превращается в лицо Виктора. Я бью ему кулаками в грудь и плечо снова и снова, и он не останавливает меня. Потому что знаю, только он сможет понять меня, почему я так отчаянно желаю этого.

Крича в ночь, я позволяю боли выйти. Слезы льются из моих глаз. Я обнимаю его, и он обнимает в ответ. Я не могу отдышаться, продолжая рыдать на его плече.

Глава 28

Виктор

Красивая, но разбитая и убитая. Её жизнь разрушена, и никакое количество сексуальных отношений не вернет её невинность. Девушка, словно бомба замедленного действия, несет в себе опасность не только для себя, но и, вероятнее всего, для других. Я не был в этом уверен, но сейчас знаю, что она более неустойчива, чем я мог представить. И потому, что она хорошо обучена скрывать это и не только от меня, но и от себя самой, она опаснее всего. Я дисциплинирован. Сэрай подвержена гневу. Я всегда знаю свои варианты. Варианты же Сэрай владеют ею, оставаясь в тени и основываясь на её настроении, не собираясь оставлять контроль в её руках.

Я знаю, что мне стоит делать. Я качаю её голову, держа затылок в руках, мой пистолет лежит позади меня на другой кровати. На плече я чувствую её слезы, её тело, содрогающееся в рыданиях, прижато к моему. Её бедра продолжают давить на мои каждый раз, когда её тело напрягается. Но я все так и оставляю, хотя, исходя из моральных соображений, стоило её оттолкнуть.

— Сэрай, — шепчу я. — Прости.

Я медленно поднимаю оружие за её спиной.

Она наклоняет голову и кладет её мне на грудь, и я делаю паузу, хотя и не знаю зачем. Её слезы начинают утихать, левая рука лежит на моей ключице.

— У меня есть тетя во Франции, — негромко произносит она, отстраняясь. — Старшая сестра моей матери. Я знаю, что до Франции далеко, но тебе не надо меня провожать непосредственно туда, просто помоги мне добраться до аэропорта. — Я поднимаю пистолет выше, останавливая дуло на её затылке, не дотрагиваясь головы. Я не хочу, чтобы она боялась перед смертью, и хотя знаю, что она ничего не боится, но смерть - это то, чего мы

все в конечном итоге боимся, даже если небольшая часть из нас осознает её. Я хочу, чтобы она совсем не боялась и не сможет, если не узнает, что это произойдет.

— Сколько тебе было, когда ты стал тем, кто ты есть? — спрашивает она.

Этот вопрос застал врасплох и более того, смена настроения заставляет меня колебаться перед тем, как ответить.

— Мне было девять.

Она шмыгает носом и вытирает глаза рукой.

— Ты был так молод, — продолжает она. — Я полагаю, как пришлось и мне, ты тоже не выбирал эту жизнь. Мне кажется, мы не такие уж и разные, — она прерывается. — За исключением того, что может я больше похожа на твоего брата, чем мне того хочется признавать. Он такой же злой, как и я.

Я отпускаю курок и медленно, так что она и не знает, убираю пистолет подальше от её головы.

— Должно быть, было тяжело расти вместе с Николасом, — продолжает она.

Я кладу пистолет рядом с собой на кровать и до того, как понимаю, что делаю, я снова сжимаю её затылок в руках.

— Да, — отвечаю я. — Учитывая нестандартные обстоятельства.

— Вместо выяснений лучшего игрока в баскетбол, было соревнование «кто лучший убийца»?

— Нет, — говорю я. — Николас никогда не пытался быть лучше меня, он просто хотел быть со мной равным. Мы никогда не конкурировали друг с другом, но он соревновался со всеми, кто был близок со мной.

— Близок с тобой? — спрашивает она.

Я киваю и легонько запускаю пальцы в её волосы.

— Воннегут, Саманта, моя мать, наш отец, — отстраненно произношу я, представляя эти события, уставившись в потолок. — А теперь ты.

Я слышу её вздох, но она не поднимает головы.

— Ты знаешь, что у тебя есть то, чего нет у меня, — осторожно говорит она, хотя складывается ощущение, что больше уверяет в этом себя саму. — У тебя есть тот, кто тебя любит, кто тебе верен и кто убьет ради тебя. — Она поднимается и встает с кровати. Затем смотрит на меня. — Тебе повезло, что он у тебя есть, Виктор.

Она берет свои трусы с кровати и надевает их. Затем подбирает футболку с пола и натягивает её через взъерошенную голову,

— Я благодарна тебе, — произносит она, оглядываясь назад, — за все, что ты для меня сделал. Я думаю, в конечном итоге, ничего из этого не будет важным, ни спасение моей жизни или избавление от неё. Но я всегда буду тебе благодарна.

Сэрай покидает мою комнату, но в каком-то смысле, она берет меня с собой.

Затем неизвестно сколько я смотрю в потолок, представляя, как она выглядела до того, как вышла из комнаты, как использовала меня, чтобы отомстить Хавьеру. Вначале я знаю, она пришла не ради этого. Она хотела быть со мной. Она хотела почувствовать то, чего раньше не чувствовала, а гнев и возмездие не были частью плана. Саморазрушение не было частью плана. Несмотря на то, что она пыталась воспользоваться моментом, чтобы высвободить свою ненависть, но единственное, что я ощущаю, это насколько плохо ей на самом деле.

Мелодичный звук пианино негромко разносится по дому, вырывая меня из состояния

транса. Фрагмент произведения останавливается три раза и начинается снова, поскольку она пытается разобраться в клавишах. При четвертой попытке её пальцы двигаются увереннее. И вскоре я обнаруживаю себя стоящим у кровати в одних трусах. Музыка продолжается так изящно и красиво, и в тоже время так душераздирающе, что просто заставляет меня выйти из комнаты, у меня не находится сил противостоять этому порыву. Я медленно двигаюсь по коридору, следуя за звуком. Музыка становится громче, Лунная Соната в самой печальной интерпретации заполняет пространство вокруг меня.

Я стою молча и неподвижно под аркой, ведущей в комнату с пианино. И я смотрю на неё, словно никогда прежде не видел эту девушку. Она завладела мной в этот момент. Я закрываю глаза и позволяю музыке пройти через меня; мурашки бегают по коже, словно рябь по водной глади.

Но я пробуждаюсь от транса слишком быстро. Музыка останавливается, когда Сэрай путается в клавишах. Хотя и расстроившись, что музыка так резко прекратилась, я надеюсь, что она продолжит на том месте, на котором остановилась и закончит фрагмент. Она кажется уязвимой, хрупкой в слабом свете луны, освещающем кончики её волос.

Пожалуйста, просто играй, Сэрай. Не думай, просто играй.

Она продолжает с того места, на котором остановилась, но после нескольких нот сдаётся. Разочарованная собой, она наклоняется вперед, её руки мягко прикасаются ко лбу.

Я сажусь рядом с ней на скамейке.

— Я научу тебя, — говорю я, положив пальцы на клавиши. — Если ты этого хочешь. — Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и я знаю, ей интересно, говорю ли я сейчас только о музыке. Она медленно кивает.

Я начинаю сначала и играю фрагмент ровно до того момента, на котором остановилась она. А затем она пробует снова. И вновь, пока я слежу за её игрой, она способна контролировать её так же, как делала это до того, как привела меня сюда. Это сводит меня с ума, да так, что мои закрытые глаза наполняются слезами. Но только моему сердцу удается пролить их.

На этот раз она доигрывает до конца, и тишина заполняет пространство между нами.

— Я не хочу спать в одиночестве, — говорит она.

И я не заставляю её. Сэрай быстро засыпает, свернувшись калачиком со мной на кровати. Прямо там, где надо.

Глава 29

Сэрай

Когда я проснулась следующим утром, солнце светило из большого окна, хотя шторы закрыты. На кровати я лежу в одиночестве, но знаю, что в доме есть кто-то еще. Шаги Виктора в соседней комнате разбудили меня. Мое сердце истощено, но мой мозг и тело чувствуют изменения. Я не помню, когда в последний раз так хорошо спала.

Мне кажется, что никогда.

Я поднимаюсь с кровати, выпутываясь из простыней. Мне не верится, что прошлой ночью я совершила такое, но я сделала это, на этом все кончено. Я не могу смотреть в лицо Виктору и не устыдиться, но скрываться в этой комнате всю свою жизнь тоже не выйдет.

Я выбираю реальность.

Выйдя из комнаты, мне становится интересно, почему мы не встали до рассвета, как планировали.

Он сидит в гостиной в одиночестве, когда захожу, полностью одетый в свой лучший костюм с сумками у ног, но без чемодана с деньгами. В его руках газета, а на столе рядом с креслом чашка с черным кофе.

— Почему мы не уехали раньше? — спрашиваю я, проходя оставшуюся часть комнаты.

Он опускает газету и решает сложить её пополам, а затем опускает ее на столик рядом с кофе.

— Я посчитал, что тебе необходимо выспаться.

Мое лицо краснеет, делая мои попытки не устыдиться тщетными, но я сомневаюсь, что его ответ связан с этим.

— Спасибо! — говорю я.

Я снова поднимаю на него взгляд.

— Выглядит, как будто ты собираешься купить мне еще одну пару обуви, — указываю я, стоя босая на холодном полу, мои руки скреплены вместе за спиной.

Обувь, которую он мне покупал до этого, осталась в особняке, когда нам пришлось убежать в спешке. Так или иначе, с обувью мне не везет.

— Об этом не беспокойся, — говорит он, перекрещивая ноги и поправляя жилет.

Я осматриваю комнату, ища сумки из магазинов или любую женскую одежду, оставленную здесь по какой-то неизвестной причине.

В переднюю дверь входит невысокая женщина средних лет в темно-синем костюме, неся в одной руку яркую сумочку и несколько небольших магазинных пакетов в другой.

В её руках звенит связка ключей. Она закрывает дверь, толкая её бедром. Ей удается забросить ключи в сумочку, неловко крутя запястьем.

— Ты должно быть Изабель, — быстро говорит она. — Я Офелия. Рада познакомиться с тобой.

Я киваю и представляюсь сама, хотя, видимо, она уже знает моё имя, вернее имя, которое дал мне Виктор.

Она бросает сумку посреди пола и подходит ко мне, пересекая всю комнату. Сумки из магазинов также продолжают болтаться на её руке, а на время она отвлекает свое внимания от меня.

— Ты был прав о размере, — произносит она, смотря на Виктора. Она кладет сумки на чистый диван. — У моей дочери твой размер, — говорит она на этот раз мне. — Так что надеюсь, я выбрала правильно. Милена росла медленно, это точно. — Она активно жестикулирует руками. Кольца украшают её пальцы. — Конечно, это моя вина, что она выросла, окруженная Версаче и Валентино, но моя дочь самая красивая девушка, когда приходит куда-либо. Так что, полагаю, несмотря на все то дерьмо, что я переносу с ней, мой банковский счет того стоит. Так, дай-ка на тебя посмотреть. — Я пытаюсь скрыть неловкий взгляд, который знаю, бросаю на неё, когда она примеряет на меня сарафан.

Вместо этого я решаю смотреть на Виктора, надеясь, что он, возможно, поведаст мне о том, кто эта женщина и зачем она здесь.

Он улыбается мне.

Я всматриваюсь в него усерднее. Неужели он только что мне улыбнулся?

— Отлично подходит, — произносит Офелия.

Но следом она откладывает платье в сторону и начинает вынимать другие вещи из того же пакета. Следующая сумка полна подарочными коробками, открывая каждую, она разворачивает наряды, украшенные экстравагантной папирусной бумагой и шифоном, что

вероятно стоит куда больше, чем следует. Продолжая со своими приобретениями, которые достойны её дочери, она достает каждую вещь и примеряет их ко мне, воображая, как я в них буду выглядеть. Или, может быть, как в них будет выглядеть Милена.

Она очень необычная.

— Конечно, после того, как её отец бросил нас, мне необходимо было найти работу, — Офелия дергает рукой и смотрит прямо на меня, словно её работа самая ужасная. — Таким образом, чтобы поддержать Милену и её дорогой вкус, я занимаюсь бизнесом. Вот, примерь это. Это необычный день, так что тебе следует одеться подходяще.

— Что конкретно за бизнес? — спрашиваю я.

Я поворачиваюсь к ним спиной и снимаю футболку. Я бросаю быстрый взгляд на выбранное Офелией платье, больше интересуясь её рассказом.

Виктор отпивает кофе и притворяется, что читает газету. А возможно он и не притворяется. Зачастую я просто не могу сказать точно.

— Уборка домов, — отвечает она.

Я в растерянности и уверена, что она сказала что-то другое.

— Вы можете позволить себе покупать Версаче и Валентино на прибыль от этого бизнеса? — удивленно спрашиваю я. — Без обид.

— Ничего, — говорит она, снимая с меня платье. — Но да, могу. Я работаю только на тех, кто может заплатить мне. Знаменитости, музыканты; ты понимаешь, люди, у которых есть больше денег, чем надо. Состоятельные люди быстро нанимают кого-то сделать мелкую работу только потому, что они это могут. Я зарабатываю на их глупости. — Она бросает взгляд на Виктора. — Без обид.

— Ничего, — отвечает он и снова отпивает свой кофе.

— Ясно, — произношу я, в то время как по моей коже струится прохладная тонкая ткань.

Я поворачиваюсь, как только снова одета.

— Да, я бы сказала, что этот наряд смотрится отлично, — говорит она, держа руки на бедрах и осматривая меня с головы до ног. — Хотя тебе следует надеть лифчик без бретелек.

Офелия снова копается в другой сумке, смотря на Виктора. — Похоже, и размер чашечек бюстгальтера тебе точно подойдет, — говорит она и мое лицо покраснело.

Полагаю, он хорошо изучил мой размер.

— Нижнее белье было небольшой частью всего, я купила его по пути сюда. Остальное взяла у дочери. Кошелек и другие вещи первой необходимости взяла там же, — Она кладет лифчик мне в руки. — Я уверена, что за те вещи, которые она никогда не одевала, можно купить Бентли.

Я надеваю лифчик, сорвав бирку, и она помогает застегнуть его сзади, потому что самой мне сложно это сделать. Затем она застегивает молнию на спине у светло-розового кружевного платья в цветочек, и я пробую полюбоваться на себя в нем. Оно очень короткое, чуть выше колен. И оно чешется вокруг большого декольте. Я не привыкла носить подобные вещи, по крайней мере, не везде и всего несколько часов на светском мероприятии, где всего то и нужно было тихо стоять и улыбаться. С Виктором, видимо, не получится быть тихой.

Следом идут туфли.

— Думаю, каблуки тут не подойдут, — протестую я, когда она открывает первую коробку.

Я не за что их не надену. Великолепные туфли, не спорю, но такого не будет. Офелия

снова смотрит на Виктора. Он кивает, говоря, что все в порядке. Она разочарованно закрывает верхнюю коробку и открывает другую.

— Не то, чтобы надела я с этим платьем, — говорит она. — Но, по меньшей мере, они подходят.

Офелия ставит кремовые сандалии из одних ремешков передо мной, и я их примеряю. Бюстгальтер неудобный - вероятно любой бюстгальтер я еще долго не надену - врезается в кожу. Я пытаюсь исправить это, но бой заканчивается через 6 секунд. Понимаю, что должно быть выгляжу сейчас совсем неженственно, стаскивая малоэластичные бретельки с плеч и морщась от дискомфорта. Когда, как кажется, мне удалось с этим справиться, я расслабляю плечи и неловко стою на месте.

— Ты хорошо выглядишь, — говорит Виктор, сидя в кресле с газетой на коленях.

Ты тоже...

— Спасибо, — отвечаю я и отвожу взгляд.

Я никогда так раньше не боялась ловить его взгляд. Унижение сильнее, чем я думала. Чем больше он смотрит на меня, тем больше паранойи просыпается во мне по поводу того, какие мысли роятся сейчас в его голове. Я не знаю, что на меня нашло прошлой ночью. Я вошла в его комнату со страстью и похотью в глазах, но в каком-то смысле это не моя вина, а вина психического мазохиста во мне.

Но он позволил мне. И я не знаю, что и думать. Понимаю, что он не получил от этого удовольствия, да я и не ждала, но только один из нас чувствует себя неловко. И это я.

Виктор встает со стула, а газету оставляет на столе. Из правого кармана он достает наличные.

— На одежду для дочери, — говорит он, кладя деньги в руки Офелии. — Тут достаточно также и для оплаты потраченного времени.

Она кладет деньги в свой карман.

— Я полагаю, мы закончили, — говорит Офелия. — Если вы когда-нибудь решите сюда вернуться, то знаете, как меня найти. Для вас цена останется прежней.

Виктор кивает.

— Обязательно, — отвечает он.

Офелия поворачивается ко мне со сдержанной улыбкой.

— Держи его в узде, — произносит она. — И просто попробуй каблучки. Ты выглядишь великолепно в них.

— Я подумаю об этом, — в ответ улыбаюсь я.

Она гладит меня по руке, проходя мимо, подбирая свою сумочку с пола по дороге к выходу.

Еще долгое время после ухода Офелии я всматриваюсь в дверь, не потому, что думаю о ней, я не могу заставить себя взглянуть на Виктора.

Он встает передо мной и берет мои локти в свои руки. Я стою со скрещенными на груди руками.

— Сэррай, — говорит он.

Я поднимаю взгляд прежде, чем Виктор сможет, что-либо сказать, бормочу:

— Прости меня... Виктор... я не сумасшедшая... мне очень жаль.

— Не надо, — отвечает он.

Я просто смотрю на него.

— Ты хорошо играешь, — продолжает он.— Ты когда-нибудь думала играть

профессионально?

Проходит много времени, прежде, чем я смогла что-либо сказать.

— Я думала о сцене, — отвечаю я, и он убирает руки с моих локтей. — Но меня больше это не интересует. Мне просто нравится играть для себя.

Дабы снова избежать зрительного контакта, я подхожу к дивану и начинаю складывать одежду в аккуратные кучки.

Не поворачиваясь к нему лицом, я продолжаю:

— Я не имею понятия, что буду делать, когда приеду к тете, но что-нибудь придумаю. Пойду на какие-нибудь курсы, и тогда, может быть, уеду. — Я не могу закончить, так как не знаю, что сказать. Я избегаю его, с тревогой теребя одежду в руках. — По крайней мере, со мной будет все хорошо, когда я её увижу. Возможно, сейчас она примет меня, особенно, когда на мне одежда не из магазина, где все за доллар.

— Ты можешь пообещать одну вещь? — спрашивает Виктор.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мне кажется, я задолжала тебе куда больше, — говорю я. — Что?

— Ты будешь иногда играть для меня.

— Что ты имеешь в виду?

Он наклоняется за спинку книжного шкафа и достает другой чемодан. Затем он подходит ко мне, кладет его на диван и открывает.

Но чемодан пуст. Он кратко указывает на мою кучу одежды.

— Наш самолет через час, — говорит он. — Отныне и до тех пор, пока не скажу иного, ты Изабель Сейфрид и тебе удобно в новой шкуре. Ты энергичная и остроумная, но позволь говорить мне, за исключением тех случаев, когда ты чувствуешь нужду отстоять свое мнение, даже если тебя не спрашивали. Ты ничего не боишься, еще ты уязвима, что как ты знаешь, негласно становится сильным оружием для мужчин. Им нравится чувствовать себя теми, кто может сломать человека. Ты богата, хотя никто не должен знать, откуда деньги, просто у тебя столько, что куры не клюют. И единственный, кто может приручить тебя, это я. Что практически наверняка, мы демонстрировали, по крайней мере, дважды в течение этой миссии. И что бы я ни попросил тебя сделать, не думая делай, так как это может быть вопросом жизни и смерти. Всё понятно?

Я тупо уставилась на него.

— Ты берешь меня с собой? — В моей голове крутится около 50 вопросов, но только этот я смогла выдать из себя.

Он подходит ко мне.

— Да, — отвечает Виктор. — Я беру тебя с собой на дело, потому что хочу, чтобы ты увидела всё своими глазами. Тебе нужно понять, что моя жизнь не для тебя.

Он берет мои руки в свои и садится вместе со мной на диван, отодвигая чемодан в сторону.

— Надеюсь, это поможет тебе принять другую жизнь где-нибудь еще. Жизнь, в которой присутствуют учеба в колледже, работа, друзья и парень.

Виктор сжимает мои руки, я пристально смотрю на него, обдумывая его слова и причины действий. На мгновение мне интересно, кого из нас двоих он больше пытается убедить.

— Сэррай, слушай меня внимательно, — говорит он. — Если ты поедешь со мной, то нужно понять, что тебя могут убить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого избежать,

но нет никакой гарантии, ведь неважно насколько ты мне доверяешь, тебе не стоит ни при каких обстоятельствах доверять кому-нибудь полностью. В конце концов, ты можешь доверять лишь самой себе. Я не твой герой. Я не твоя половинка, которая смогла бы предотвратить все плохое, что случилось с тобой. Всегда доверяй своим инстинктам в первую очередь и мне, если ты выберешь последнее.

Я настороженно киваю.

— Так что ты выбрала? — спрашивает он. — Франция или Лос-Анджелес?

Мне и не нужно было думать об этом, потому что я знаю, чего хочу, но притворяюсь, что обдумываю варианты, дабы казаться менее иррациональной.

— Лос-Анджелес, — на выдохе отвечаю я.

Виктор некоторое время смотрит мне в глаза, на лице застыло выражение недоумения и сомнения.

Он встает и поправляет свой костюм.

— Тогда пакуй свои вещи, — говорит он, уходя. — Мы уезжаем через 10 минут.

Глава 30

Виктор

Я надеялся, что она выберет Францию, но прекрасно понимал, что она предпочтет лучше поехать со мной. Я все также мог тихо и спокойно доставить её во Францию, обеспечить всем необходимым, все это можно было бы осуществить без особых последствий. Но я совсем позабыл о мотивах Сэрай. Она может умереть в Лос-Анджелесе, но она была вправе выбирать свою дальнейшую судьбу сама. Я изложил все возможные последствия её выбора, хотя и не сказал всего, но это уже сугубо моя ошибка. Я не могу позволить себе обдумывать то, что она может или не может делать, потому что в этом бизнесе иногда вопрос жизни и смерти появляется совершенно неожиданно, когда меньше всего ждешь. И такого рода развития событий она должна испытать.

Возможно, часть меня надеется, что Сэрай не придется проходить через все это, и тогда я буду свободен от недостатков, когда речь заходит о ней. Но другая часть, та часть, с которой я до сих пор борюсь, которая привезла её с собой...

Это совершенно другая проблема.

Если она выживет, я найду необходимость противостоять этому.

Если она умрет... если она умрет я вернусь к моей обычной жизни и никогда не поставлю себя снова в подобную ситуацию.

— Его имя Артур Гамбург, — говорю я, кладя конверт на колени Сэрай, сидящей рядом со мной в частном самолете. — Он владелец «Гамбург и Шилдс», самого успешного агентства по недвижимости на западном побережье. Но чем более прибыльно предприятие, тем больше оно уходит в подполье.

Привлеченная моим молчанием, она смотрит на фотографию, которую она достала из конверта.

— Чем он помимо этого занимается? — спрашивает Сэрай, я прекрасно знал, что она это сделает.

— Это неважно, — отвечаю я. — Я рассказываю все, что тебе нужно знать.

Она качает головой.

— Но ты знаешь больше, — обвиняюще произносит она.

— Да, — признаюсь я, — но как твой наниматель. Никогда не спрашивай о личности,

пока не выяснишь, как будешь её ликвидировать. Чем он занимается, кто его жена, дети, преступник ли он, это неважно. Чем меньше ты знаешь о личной жизни, тем меньше эмоций затрагиваешь. Я даю фото, рассказываю о частых местонахождениях и привычках, обозначаю то, каким образом я предпочитаю убивать: грязно и публично в целях передачи конкретного послания или же тихо и скрытно во избежание расследования, а затем ты уже заботаешься об остальном.

Некоторое время она размышляет, фотография Артура Гамбурга зажата в пальцах.

— Подожди, — говорит она. — То есть ты имеешь в виду, что убиваешь не только плохих людей. Но также и невинных?

Мой рот расплывается в легкой улыбке, что для меня не свойственно.

— Невинных людей не бывает, Сэрай, — повторяю ей её же слова, сказанные однажды. — Дети, да, но остальные настолько же невинны, как ты или я. Если тебе станет лучше, то думай об этом так: если на тебя идет охота, то ты должна сделать что-то или же быть вовлеченной в нечто нелегальное или плохое, как ты это называешь.

— Я думала, что ты говорил, я невинна, — напоминает она. — И поэтому ты меня не убил.

— Ты была, — говорю я. — У меня не было приказа убивать тебя. Предложение Хавьера было частным делом, оно не от моего нанимателя. Частные дела - это убийство невинных людей. Жены хотят смерти своих мужей из-за наследства. Мужчины убивают своих любовниц из-за ревности и мести. Я не берусь за такие дела, а мой наниматель никогда не предлагал подобного. Мое кредо - это преступность, правительственная коррупция и множество других вещей, что делают плохих людей плохими. И иногда мы устраняем людей, которые могут быть невинными, но представляют угрозу для множества ни в чем не повинных людей.

Её брови немного искривляются, пока она смотрит на меня, желая продолжения рассказа.

— Ты бы убила Роберта Оппенхаймера, если бы знала, что он изобретет атомную бомбу? Или устранила бы ученого, который закончив дело всей своей жизни, создал бы в своей лаборатории смертельный вирус, что должен быть использован только против врагов во время войны?

— Да, думаю, убила бы, — отвечает она. — Это своего рода игра в Бога с жизнями людей. Ты уличаешь кого-то в преступлении до того, как оно случится.

На это я не отвечаю, так как это и есть суть.

— И если они все заслуживают смерти, — продолжает она. — Какая разница, что я знаю об их личной жизни? Какая разница, что я знаю об этом Артуре Гамбурге? — она смотрит на фото.

— Потому что для некоторых средства не оправдывают цель.

— Ты имеешь в виду, что я могу переживать из-за кого-то, потому что их преступления это не смертный приговор?

— Верно, — говорю я. — Это не твое решение, чтобы его принимать.

— И что заставляет тебя думать, что я была бы такой мягкой? — спрашивает она, её глаза полны решимости и любопытства.

— Ничего, — говорю я. — Просто не уверен. Для тех, кто не вырос во всем этом, кто не должен был убивать людей, как только тебе исполнилось 13 лет, будет сложно привыкнуть.

Сэрай снова смотрит на фото, а потом на меня.

— Ты занимался этим так долго? — говорит она с сочувствием в голосе.— Я не могу представить...

— Я много тренировался, пока был маленьким, перед тем, как был послан на дело с моим наставником. В таком возрасте легко превратиться в то, что им надо. Мое первое убийство было чистым. И я хорошо спал той ночью.

Она смотрит в сторону, устремив свой взгляд в никуда, потерявшись в собственных мыслях.

И только я думаю, что она может начать пересмотр всей миссии, Сэрай удивляет меня.

— Хорошо. И что мне делать?

Я забираю фотографию из её рук.

— Убийство должно быть чистым, — начинаю я. — Но Артур Гамбург редко остается один в своем поместье. Он играет в игры три-четыре ночи в неделю, и только с богатыми людьми и только по приглашениям. Его телохранители самые лучшие. Гамбург лично их выбирал. Они не те неквалифицированные секьюрити, нанятые случайно. Это не как в фильмах, где я могу пробраться в частную собственность незаметно и вырубить всех охранников до того, как они начнут стрелять. В таких случаях подобное не сработает.

На её лицо ненадолго застывает выражение усталости и тревоги.

— Так как ты попадешь внутрь?

— Мы получим приглашение, — говорю я. — У Гамбурга есть слабость, как у всех мужчин, и мы используем это преимущество.

Теперь она выглядит немного нервной.

— Что за слабость?

— Секс, конечно, — говорю я, как будто она уже должна знать ответ. И я знаю, это так и есть. Она вздрагивает.

— Ты клонишь к тому, о чем я думаю?

— Вероятно, нет, — говорю я.— Но это по-прежнему будет неприятно.

Сэрай

Мой желудок завязывается в узел. Виктор кладет фото старого мужчины обратно в конверт. И я не могу избавиться от отвратительных образов голого мужчины, лежащего на мне, с очевидными проблемами с весом, словно слишком много желе на арахисовом масле. Я вздрагиваю. Конечно, Виктор не ждет, что я пересплю с ним, даже ради дела. Я не проститутка и буду проклята, если стану. Даже ради этого. Может я и спала с Хавьером годами, хотя и не хотела, но то было другим: то был мой путь выживания. И Хавьер, могу сказать, был привлекательным, несмотря на его непростительные недостатки. Определенно, то было совершенно иной ситуацией...

В данный момент, я не могу смотреть на Виктора, не потому что злюсь на него, хотя, кажется должна, но потому что....черт, я до сих пор думаю об этом. В этом должно быть что-то еще, что отличит проститутку от того, что он ожидает от меня. Он не позволит зайти настолько далеко, я решаю верить в это. Да и на этом все. Так должно быть. Самолет попадает в зону турбулентности и отвлекает меня от мыслей. Я хватаю подлокотники и поворачиваюсь к Виктору.

— Так каков план? Очевидно, ты взял меня с собой, потому что я отлично вписываюсь.

Он кивает.

— В подобных случаях, быть женщиной - это преимущество. Только помни те вещи, о которых я говорил ранее: ты подчиняешься мне, а то твой язык порой приводит к неприятностям. Ты богатая, заносчивая сучка и все, ты ничего не боишься.

Я улыбаюсь.

По твоим словам, я уже спрашиваю со страхом.

— Да, — говорит он, сохраняя серьезность. — Но ты можешь чувствовать себя иначе, пока ты там и опасность окружает тебя. Ты должна быть уверена, что ничего не нарушит обретенный контроль над страхом. Если Гамбург почувствует, что ты боишься, то тебе конец. Страх для него - это слабость, он любит сильных, безрассудных женщин и тем более сильных мужчин.

Я чувствую, как мое лицо искажается от отвращения и легкого шока, но не спрашиваю об очевидном. Просто стараюсь понять, что мы собираемся сделать и как. Потому что все то, что я предполагала раньше, было только что выброшено в окно.

Виктор говорил, что мои предположения могут оказаться неверными, но от этого полегчало совсем чуть-чуть. И это «слегка» будет продолжать быть мерой потому, что также он сказал, что это будет неприятно.

Глава 31

Сэрай

Мы прилетели в Лос-Анджелес около шести вечера и заселились в самый экстравагантный отель, который только мог предложить город, и Виктор был уже в образе, хотя мы даже еще не добрались до номера на верхнем этаже с видом на город. Он с полной уверенностью и прямоотой требует самого лучшего номера и не меньше. Портье, запуганный темными, сверкающими глазами Виктора, аннулирует уже бронированный на сегодня номер и отдает ключи. Виктор настолько хорошо притворяется, что я начинаю верить, что он богатый урод, которого не волнуют нижестоящие люди, и так случилось, это все люди вокруг. Но делает он это так грациозно и хладнокровно, что высокомерное отношение не только не вызывает неприятие, а люди начинают его уважать.

Я всерьез начинаю сомневаться в своих способностях вести себя под стать ему. Мне приходилось делать это девять лет с Хавьером. Вся моя жизнь прошла в игре и мне нравится думать, что я обладаю достаточным опытом, но Виктор показывает иное.

Я выпрямляю спину и иду рядом с ним в своем платье от Валентино, плоских сандалиях и с высоко поднятой головой. Я сильна, влиятельна, богата и неприкосновенна. По крайней мере, надеюсь, что справляюсь.

— Все начнется сегодня, — говорит Виктор, раскладывая багаж на краю кровати, а чехол с одеждой с молнией посередине вешает на крючок на стене. — Если все пойдет по плану, то уже завтра ночью все и закончится. Тебе нужно накраситься и сделать прическу. Нужно выглядеть настолько же хорошо, как и сыграть роль и надень каблуки. — Щелкнув замками на чехле, он достает пистолет и устанавливает глушитель на конец ствола.

— Тогда каков план? — спрашиваю я, игнорируя желание пожаловаться на ту пару туфель, которую он хочет, чтобы я надела.

— Сегодня мы идем в ресторан, — начинает он, продолжая проверять оружие. — Но прежде, чем мы попадем в особняк, нам необходимо получить приглашение, а ресторан в этом нам поможет. Я буду играть свою роль, а ты будешь Изабель, а не Сэрай. Всегда об этом помни, даже если думаешь, что никто не смотрит, — он бросает взгляд на меня, а затем

снова возвращается к оружию. — Гамбург бывает в этом ресторане каждую пятницу, как по часам. Но мы не увидим его. Он скрывается в приватной комнате с двумя другими парнями: его ассистент и менеджер ресторана. Но Гамбург всегда наблюдает, что происходит в ресторане и оценивает гостей. Мы можем не увидеть его, но определенно он увидит нас.

— Оценивает их?

Виктор кладет пистолет на кровать и закрывает сумку.

— Да, — говорит он. — Он будет наблюдать за парой. Мы должны произвести впечатление.

Это все больше меня волнует.

— Что ж, уверена в ресторане будет много пар, — с сарказмом говорю я, но ему наплевать на это.

— Конечно, — отвечает он. — Но в отличие от других, я точно знаю, что ему нужно.

Виктор указывает на мою сумку.

— А теперь будь готова. Мы уходим через полчаса.

Я вытаскиваю набор косметики и одежду, которую приготовила Офелия и иду в ванную. Я немного взволнована. У меня не было такой роскоши, за исключением тех моментов, когда Хавьер брал меня с собой на разные вечеринки. И я всегда уделяла время себе в такие моменты, потому что хотела выглядеть великолепно. Мне хотелось насладиться моментом одиночества, когда я могла почувствовать себя среднестатистическим подростком, стоящим перед зеркалом, подготавливая себя перед очередным днем в школе. Я всегда притворялась, что готовилась именно к этому и хорошо убедила себя в этом. Так было до того, пока Изель не ворвалась в комнату без приглашения и не вытащила меня за руку, потому что я слишком долго собиралась.

Но на этот раз я не буду притворяться. Я сконцентрирована и настроена, и естественно взволнована. Я наношу макияж за рекордные сроки и расчесываю волосы до тех пор, пока они не ложатся по спине ровно, словно мягкий шелк и трачу больше времени, чем хочется, чтобы убрать их наверх. Через 15 минут, я, наконец, смогла уложить волосы в стиле «богатой сучки», приколов их милой серебряной заколкой.

Виктор одет в то, что обычно носит. Когда я появляюсь из ванны, он каким-то образом выглядит еще сексуальнее. Я безмолвно засматриваюсь на него, видя его высокого в костюме от Армани и лакированных туфлях. Я смотрю на мое платье, и даже не смотря на то, что оно, должно быть, стоит несколько тысяч долларов, чувствую, что неподходяще выгляжу рядом с ним. Может, это из-за сандалий и если хоть раз надеть каблуки, то они помогут ощутить себя в своей тарелке.

— Не верю, — говорит он, и я поднимаю взгляд. — Ты все еще Сэрай. Необходимо полностью измениться еще до того, как мы выйдем из этой комнаты. — Он подходит ко мне. От него исходит запах туалетной воды, и я глубоко вдыхаю этот аромат. — Ты же знаешь, что ты самая красивая и самая важная девушка, — произносит он, и на пару мгновений я теряюсь в этих словах, не желая принимать их как просто инструкцию. — Ты всегда соперничаешь с другими женщинами, доказывая всем, что их даже не стоит сравнивать с тобой, а если же кто-то попытается это сделать, то ты с легкостью, всего лишь одним взмахом руки, сможешь от него избавиться. Ты не улыбаешься, а ухмыляешься и усмехаешься. Ты не говоришь спасибо, это тебе должны быть благодарными за возможность услужить. Ты никогда не повышаешь голос, потому что нет необходимости объяснять свою мысль. И помни, что ты всегда безжалостна ко мне. Не смотри ни на что.

Я недоуменно уставилась на него.

— Я и так усердно работаю, — говорю я. — Я практически чувствую, как заставляю себя.

Виктор ухмыляется и от этого по моей спине пробегает дрожь.

Он поднимает палец.

— Еще одно, — говорит Виктор и роется в багаже. Он достает тонкую коробочку с бижутерией и протягивает её мне. Я дергаю защелку и заглядываю внутрь. В коробке обнаруживаются несколько потрясающих колец, располагающихся между бархатными складками, два ожерелья, золотое и серебряное, украшенные камнями и подходящие браслеты и серьги.

— Где ты все это достал?

Он прячет оружие под рубашку, расстегивая первые три пуговицы на ремне, чтобы повесить кобуру.

— Ты не хочешь этого знать.

Я оставляю эту тему и надеваю четыре кольца, по двое на каждую руку, а затем ожерелье, браслет и серьги. Потом я беру мою маленькую белую сумочку, и Виктор хватает меня за руку, перед тем как выйти за дверь.

Лос-Анджелес оказался точно таким, как его изображают в кино: обширная инфраструктура с известными небоскребами, дорогими машинами, дорогами с пальмами по обочинам и мультимиллионными домами. Мы отправимся в ресторан на черном кабриолете Мерседес-Бенц. Он был припаркован перед отелем, ожидая, когда мы выйдем. Полагаю, его работа заслуживает подобных привилегий. Не просто убивать людей ради денег, нужно еще и иметь все необходимое для выполнения этой работы.

Сразу после наступления темноты мы приезжаем в ресторан, без сомнения, в самой богатой части города. Камердинер открывает передо мной дверь. Я начинаю улыбаться и говорить спасибо, как только выбираюсь из машины, но быстро спохватываюсь и пытаюсь исправить ошибку, пока никто не заметил. Я поднимаю подбородок и не достаиваю молодого человека даже взглядом, не говоря об улыбке или слов благодарности.

Виктор обходит машину, подходит ко мне и под руку ведет внутрь.

Ресторан двухэтажный с балконом наверху с видом на первый. Разговоры вокруг меня звучат словно постоянное гудение, но все же свободные столики есть. Не считая голосов, здесь тихо, свет приглушен и стены окрашены в темные тона, что делает атмосферу более спокойной. Виктор ведет меня, следуя за официантом, который ведет нас к полукруглому столику с блестящими черными креслами. Я сажусь первой и Виктор вслед за мной.

Официант предлагает нам меню в кожаном переплете, но до того, как он успевает положить меню передо мной, я протягиваю руки к нему, делая жест уйти.

— Я не хочу есть, — говорю я, словно еда помешает мне наблюдать за происходящим. — Но я выпила бы вина.

Официант смотрит на меню в руках, а затем в замешательстве бросает взгляд на меня.

Виктор смотрит на меня, и я не могу разгадать, что в его взгляде, но определенно ничего хорошего. Он открывает меню и после недолгого изучения возвращает его официанту и говорит:

— Бутылочку вина La Serena Brunello di Montalcino.

Официант отмечает это, забирает меню, которое, по-видимому, и было винной картой, и уходит, а я умираю от смущения.

— Прости, — шепчу я.

Глаза Виктора предупреждающе остановились на мне. Это заняло некоторое время, но я поняла, что именно я делаю не так и быстро убираю с лица следы смущения, выпрямляя спину и скрещивая ноги под столом. Свою сумочку кладу справа. Остаться в образе оказалось сложнее, чем я думала, но облажавшись уже дважды за последние несколько минут, я всецело нацелена исправить эту ситуацию.

В считанные секунды я полностью превращаюсь в Изабель Сейфрид.

Я достаю из сумки компактное зеркало и розовую помаду. Долго осматривая себя, я незаметно верчу головой в разные стороны и мягко поджимаю губы.

— Убери помаду, — произносит Виктор в роли богатенького козла, а не того человека, которого знаю я.

Я настороженно смотрю на него и делаю, как говорит он, но по-своему.

Официант возвращается к нашей кабинке с бутылкой вина и дает её на осмотр Виктору. Тот в свою очередь визуально проверяет бутылку и кивает официанту, который затем вытаскивает пробку и ставит бутылку на стол перед Виктором. Он повторяет осмотр и пока мне любопытно, зачем столько усилий, я молчу и притворяюсь, что мне наплевать. Официант наливает немного вина в бокал Виктора и делает шаг назад. Виктор сначала закручивает вино по кругу в бокале, затем подносит его к носу и вдыхает аромат, прежде чем сделать глоток. После его одобрения, официант наливает вино сначала мне, потом Виктору.

Я не смотрю в глаза официанту, потому что, будучи здесь служащим, он не достоин моего драгоценного внимания. Виктор отказывается от еды за нас обоих и официант уходит.

— Мне никогда здесь не нравилось, — говорит Виктор, делая глоток.

Я изящно беру бокал в руку и делаю то же самое, а после аккуратно ставлю его на стол.

— Что ж лично я бы предпочла Нью-Йорк или Францию, — говорю я, не имея понятия, куда меня это заведет.

— Я не спрашивал, что предпочла бы ты, — он не смотрит на меня и опускает бокал.

— Зачем тогда взял меня с собой? — спрашиваю я, наклонив голову. — Я просто пыталась вовлечь тебя в разговор. — Я отворачиваюсь, скрещивая руки на груди.

Виктор смотрит прямо на меня.

— Изабель, не делай так руками. Ты выглядишь, как обиженный ребенок.

Медленно мои руки опускаются, и я складываю их вместе, выпрямляя спину.

— Иди сюда, — зовет он мягким тоном.

Я преодолеваю несколько разделяющих нас дюймов и сажусь рядом с ним.

Его пальцы берут меня за шею, и он тянет мою голову ближе к себе. Мое сердце беспорядочно колотится, когда его губы касаются моего лица. Неожиданно, я чувствую другую его руку между бедер, поднимающую платье. Дыхание замирает. Неужели я часть этого? Неужели я застыну на месте? Я знаю, чего хочу, но не знаю, следует ли, и мой мозг также отказывается думать.

— У меня для тебя сюрприз, — шепчет он мне в ухо.

Его рука двигается ближе к теплу между ног.

Я тихо выдыхаю, стараясь не дать ему понять, хотя и уверена, что он знает.

— Что за сюрприз? — спрашиваю я, моя голова наклонена назад, находясь в его руке.

И тут к столику подходит другая пара, высокая блондинка с длинными обнаженными ногами и такой же высокий мужчина.

Виктор встает поприветствовать их. Я остаюсь на месте, находясь в образе и в то же

время мне нет необходимости изображать разочарование от их присутствия, потому что мне понравился этот момент с Виктором, до того как нас прервали; на мгновение я забыла зачем мы вообще здесь.

— Арья, — девушка представилась сама.

— Очень приятно, — говорю я с очевидной неприязнью.

Она садится на другой стороне круглой кабинки. Мужчина занимается место рядом.

— Долго не виделись, Виктор, — мужчина говорит с акцентом, который я не могу определить.

Откуда они знают друг друга?

— Да, есть такое дело, — говорит Виктор, подзывая официанта.

Тот подходит к нам и берет заказ.

— Изабель, — обращается ко мне Виктор. — Это мой старый друг Фредрик из Швеции. Он будет управлять моим офисом в Стокгольме, когда он откроется в следующем месяце.

— Ясно, — произношу я, делая еще глоток вина и изучая Арию из-под стекла моего бокала.

Её грудь практически вылетает из платья, и внезапно я ощущаю неадекватность всего происходящего. Но не показываю этого. Я самая красивая и самая важная девушка в ресторане, напоминаю себе. И неважно, что у неё размер 2D против моего С или что она невероятно красива и у неё самые манящие голубые глаза, которые я когда-либо видела у женщин.

Я гордо поднимаю голову и отвожу взгляд.

— Что за подарок мне, Виктор?

Губы Виктора превращаются в тонкую линию, и он ставит свой бокал на стол.

— Фредрик и Арья, конечно, — отвечает он. — В последнее время вы так хорошо справлялись, чем я пренебрегал, пока вы были в Швеции, и это надо отпраздновать.

Фредрик чарующе улыбнулся мне. Он великолепен с темными волнистыми волосами и сильными скулами.

— А не могли бы мы отпраздновать одни? — спрашиваю я, не достаивая Фредрика ни капли внимания. — Я не понимаю, чего ты добиваешься. Ты же не хочешь сказать, что мой подарок состоит в том, чтобы трахнуть их?

Улыбка Виктора хитра, но на самом деле он горд от того, как легко я влилась в план. Я только надеюсь, что игра не пойдет дальше этого стола...

Он убирает руку у меня между ног и кладет обе на стол, сгибая в локтях.

— Конечно, нет, — отвечает он, чем удивляет меня. — Я не буду тебя ни с кем делить, ты же знаешь.

Арья улыбается мне, продолжая пытаться установить со мной зрительный контакт, что заставляет меня еще меньше хотеть смотреть на неё. Левая рука Фредрика исчезает под столом, вероятно между её ног, как недавно Виктор держал свою руку между моих ног.

— Виктор рассказывал нам, — Фредрик немного наклоняется вперед и понижает голос. — Ты предпочитаешь публику. Арья и я с удовольствием посмотрели бы, если ты позволишь.

Я не знаю, когда эта игра закончится, но сейчас мне необходимо пройти этот путь через ощущение похоти и наслаждения, чтобы вернуться в реальный мир. Долгие несколько секунд, я ничего не говорю. Все, о чем могу думать, так это, как Виктор позволяет всем присутствующим видеть то, что он делает. Внезапно я чувствую покалывание между ног. Но мне стыдно от собственных мыслей и силой пытаюсь отогнать их из головы.

— Изабель? — слышу я голос Виктора.

Я возвращаюсь в реальность, но полностью не уверена, как мне вести себя теперь. Возможно, Виктор должен был лучше подготовить меня, более подробно рассказать о подобных деталях. Я роюсь в собственных мыслях, используя бокал вина в качестве отвлекающего момента, который я тереблю, пока пытаюсь изображать выдержанную личность Изабель Сайфрид, которую я больше не ощущаю в себе.

— С удовольствием, — говорю я. Но затем холодно смотрю на Арию и добавляю. — Но только не она. Только Фредрик.

Лицо Арии меняется и превращается в печальную маску.

Выражение лица Виктора остается неизменным, и я воспринимаю это, как одобрение моего решения об её исключении.

До того, как потеряю уверенность, я продолжаю диалог.

— Тебе следовало лучше знать, прежде чем приглашать её, Виктор.

Он дотрагивается до моего запястья.

— Очень хорошо, — говорит он и смотрит на Фредрика. — Приходи к нам в отель через два часа. Один.

Ария собралась встать и зло уставилась на Фредрика, желая, чтобы они ушли. Он встает, но когда он протягивает руку, чтобы помочь ей, она орет на него: «Не трогай меня», — и спешит уйти от нас на своих 6-дюймовых каблуках.

Фредрик садится обратно и настроение за столиком меняется, как только он и Виктор начинают разговаривать о расширении компании в Швеции, о чем я не имею никакого понятия. Но что больше сбивает меня с толку, так это то, как легко льется вымышленный диалог между ними о вымышленных вещах. Выглядит так, как будто они обсуждали тему по сценарию или даже у них было время для репетиции до того, как все мы пришли сюда. Но я все время была рядом с Виктором, и у него не было возможности пойти с кем-нибудь поговорить, кроме меня. Кажется, Фредрик больше знал о происходящем, чем я.

И откровенно говоря, это немного выводит меня из себя.

— Я готова идти, — произношу я ледяным тоном и, как Изабель и как Сэрай.

— Что ж, уйдем, когда буду готов я, — отвечает Виктор.

— Но я хочу уйти сейчас, — кричу я. — Мне не нравится этот ресторан. Здесь чертовски темно. Находишься, как будто в подполье. — Я беру сумочку со стола и собираюсь встать.

Виктор хватается за руку и тянет сесть обратно в кресло.

— Я сказал, что уйдем, когда буду готов. И перестань разговаривать или можешь сесть под стол на коленях между моими.

Я тяжело сглатываю, на лице застывает выражение шока. Видя Фредрика боковым зрением, я быстро беру себя в руки.

Положив сумочку обратно на стол, я полностью уступаю Виктору.

И снова пытаюсь избавиться от грязных мыслей.

Глава 32

Официант снова возвращается к нашему столику, чтобы предложить еще вина и проверить все ли у нас хорошо. Виктор жестом просит наполнить бокалы. Пока официант наливает вино в мой бокал, я наблюдаю за тем, как рука Виктора еле уловимо движется по краю стола прямо ко мне, и как только официант убирает бутылку, мой бокал падает, а вино тут же разливается мне на платье. Все это происходит так быстро, что, если бы я не следила

за Виктором, я бы так и не узнала о том, что это сделал именно он, а не официант.

Я выдыхаю и открываю рот. И как только я превращаюсь в Изабель, официант тянется, чтобы очистить стол от вина, бесконечно извиняясь в процессе.

— Невероятно, — вскрикиваю я, стоя в стороне от кабинки, с поднятыми руками, открытым ртом и глазами, полными гнева. — Ты идиот, смотри, что ты сделал с моим платьем.

— Прошу прощения, — извиняется официант.

— Я хочу поговорить с владельцем, — требует Виктор, также вставая в сторону от кабинки. По крайней мере, у нас получилась вызывающая сцена.

— Конечно, сэр, — отвечает официант. — Я сейчас же позову менеджера.

Он собирается уйти, но Виктор его останавливает:

— Нет, я сказал, с владельцем. Я не желаю тратить свое время на кого-то другого.

Находясь немного в ужасе от всего происходящего, официант откланивается и бежит через весь ресторан.

Оставаясь в образе, я игнорирую свое желание узнать, что происходит. Фредрик так и сидит с нами, и после всего, насколько я знаю... Да кого я обманываю? Ничего я не знаю.

— Посмотри на мое платье, Виктор.

Он берет салфетку со стола и начинает вытирать мое платье.

— Оно испорчено, — сквозь зубы рычу я.

— Я куплю тебе новое, — говорит он. — Или даже лучше - это сделает владелец ресторана.

Фредрик сидит, спокойной потягивая вино.

Меньше, чем через две минуты, официант снова подходит к нам с высоким широкоплечим мужчиной позади себя с ямочкой на подбородке. Он подступает к нам с высоко поднятой головой и скрещенными перед собой руками.

— Я прошу прощения за этот случай с официантом, — говорит он. — Все заказанное вами за ужином за счет заведения.

— Отлично, но этого недостаточно, — заявляет Виктор, вставая перед мужчиной. — Мне не понравилось, что Вы не предложили заплатить и за испорченное платье. Что это за ресторан? Определенно я сюда больше не приду. Вы владелец этого заведения?

Мужчина протягивает руку для рукопожатия, но Виктор отказывается.

— Меня зовут Уильям Стефенс, — представляется мужчина, убирая руку. — Я управляющий этого ресторана.

— Итак, Вы просто менеджер? — упрекает Виктор.

Официант смотрит на пол, избегая гневного взгляда Виктора.

— Я просил владельца, — оправдывается он.

Уильям Стефенс соглашается.

— Да, Маркус проинформировал меня о Вашей просьбе, но боюсь сегодня вечером это невозможно. Мистера Гамбурга нет на месте.

Фредрик встает, и наши глаза устремляются на него. Он делает последний глоток вина.

— Прошу прощения, — говорит Фредрик Виктору. — Мне уже пора идти. — Он бросает на меня быстрый взгляд. — Через два часа встретимся в отеле.

Я не достаиваю его какого-то тайного взгляда или легкой улыбки, а просто киваю и возвращаю все свое внимание к Виктору и проблеме с платьем.

Фредрик и Виктор быстро прощаются, а затем швед уходит, оставляя нас наедине с

менеджером.

— От имени мистера Гамбурга, — продолжает Уильям Стефенс. — Платье будет оплачено и вся еда за счет заведения.

Виктор рукой бьет по столешнице и неожиданно, словно ниоткуда рядом с Уильямом Стефенсом появляется вышибала. Тощий официант использует эту возможность и делает несколько шагов назад, увеличивая дистанцию между ним и нами.

— Пожалуйста, сэр, — говорит Уильям, стараясь разрядить ситуацию. — Не нужно сцен. Не могли бы мы поговорить в более укромном месте?

Виктор встает прямо перед ним, излучающий каждой клеточкой своего тела непоколебимую уверенность и нетерпимость. Вышибала также встает ближе к Виктору. Проходит несколько напряженных секунд, но ни один из них так и не пошевелился. Я знаю, Виктор может справиться с ними без особых усилий, а это напряжение, повисшее в воздухе, лишь часть его плана.

— Я хочу, чтобы за платье компенсация была предоставлена сегодня же, — требует Виктор. — Триста пятьдесят долларов. Наличными. И я подумываю засудить Вас и мистера Гамбурга за платье и за моральный ущерб, причиненный моей девушке.

Это слишком, но с другой стороны, я слышала, что многие люди судились и за более глупые вещи, а подобное легко сходило им с рук.

Уильям Стефенс согласно кивает.

— Очень хорошо, — говорит он. — С вашего разрешения, я пойду за деньгами.

Виктор кивает в знак одобрения, и тогда Уильям Стефенс уходит, а за ним и официант с вышибалой. Как только они спокойно проходят между столиками, отдаляясь от нас, Виктор поворачивается ко мне и делает жест, чтобы я присела рядом с ним.

— Мне действительно нравилось это платье, — говорю я, скрипя зубами.

Такой же салфеткой, что и ранее, Виктор деликатно и напоказ вытирает мою грудь.

— Все будет хорошо, пока мы здесь, — говорит он, а затем целует меня в лоб. — Мне кажется, тебе понравится Фредрик. Он умеет себя контролировать. — Он снова меня целует, теперь только в переносицу. — Он подождет, пока мы закончим, а только потом помастурбирует.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю его уже давно, — отвечает он.

Я даже не верю, что участвую в таком разговоре. Или все это фарс. Не понимаю, почему мы устраиваем шоу для всех, когда никто не смотрит. Но что пугает меня больше, так это то, как быстро я забыла, что это всего лишь шоу. Либо мне нравится играть в эту опасную игру с Виктором, либо что-то серьезно не так со мной.

Виктор проводит большим пальцем по моей брови, и я полностью растворяюсь в его глазах.

— Что ты собираешься делать со мной? — кокетливо спрашиваю я. — Ты говорил, что я хороша.

Он, слегка касаясь, целует мою бровь.

— Все что захочу, — говорит он спокойно, контролируя голос.

Он касается большим пальцем другой моей брови и проводит по её линии.

Я медленно закрываю глаза и вдыхаю его запах, наслаждаясь близостью и стараясь не верить правде, которая состоит в том, что все, что он говорит мне, нереально.

Его губы касаются моих.

— Тебя что-то не устраивает, Изабель?

— Нет, — прерывисто отвечаю я, глаза по-прежнему закрыты.

Но они открываются, когда Уильям Стефенс возвращаются к нашему столику.

— За предоставленные неудобства, — говорит он, протягивая Виктору конверт. — Здесь четыре куска.

Виктор забирает конверт и прячет его в потайном кармане пиджака.

Затем Уильям Стефенс достает из кармана другой квадратный конверт и передает его Виктору.

— Мистер Гамбург хотел бы также извиниться, пригласив вас в свой особняк завтра вечером, — говорит он.

Виктор осторожно берет конверт, смотря на него сначала скептически и без интереса.

— Это личное дело, — продолжает Уильям Стефенс. — Я уверяю, если Вы решите присутствовать на вечере, то мистер Гамбург обещает сделать так, что потраченное Вами время окупится в достойном размере.

— Понадобится ли мне помощь финансового консультанта по той или иной причине? — спрашивает Виктор, притворяясь оскорбленным таким замечанием.

Уильям Стефенс качает головой.

— Вовсе нет, сэр, — отвечает он. — Но ни для кого финансов не бывает слишком много. Согласны?

Виктор обдумывает этот момент и тянется к моей руке. Я беру его под руку, и мы выходим из кабинки.

— Я подумаю, — говорит Виктор, и мы покидаем ресторан.

— Откуда ты знал, что это сработает? — спрашиваю я взволнованно, как только мы садимся в Родстер. Я больше не могу сдерживаться. Надеюсь, что сейчас уже можно выйти из образа.

— Я не знал, — отвечает он.

— Но как?

Он смотрит на меня, одной рукой небрежно держась за руль.

— Все столики в ресторане прослушиваются, — говорит он и снова смотрит на дорогу. — Гамбург сидит в своей приватной комнате, наблюдая за тем, кто входит и выходит, выбирая пары из толпы, основываясь в первую очередь на их внешности. Когда он видит пару, которая ему приглянулась, следующая фаза - прослушать их разговор.

Теперь я понимаю всё.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше? Я, возможно, сыграла бы свою роль лучше, если бы знала, что он слушает.

— Что ж, технически я не знал, подслушивает ли он. И не рассказывал тебе некоторые моменты, потому что хотел посмотреть, как ты импровизируешь под давлением и при отсутствии полной информации о том, что происходит.

— Это объясняет твой разговор с Фредриком, — говорю я, и теперь, когда я уже снова веду себя как Сэрай, его имя на моём языке наталкивает меня на другую тему для разговора. — Это хоть его настоящее имя? — Я делаю паузу. — Он же не собирается к нам в отель, не так ли?

Взгляд Виктора полон изумления.

— Нет, Сэрай, он не собирается ждать нас в отеле.

Какое облегчение. Но сама мысль о Викторе...

— Кто же он тогда? Очевидно, он знал больше меня о происходящем.

Мы повернули на другую освещенную улицу и проскочили на желтый, как раз, когда на светофоре зажегся красный.

— Его имя Фредрик и он действительно швед. Он работает на меня, хотя и не делает того, что делаю я. Просто время от времени помогает в подобных делах.

— А та женщина, Арья?

— Я уверен, это случайная женщина, которую Фредрик где-то подцепил, — Виктор улыбается мне. — Он хорош в этом деле.

Я краснею и отвожу взгляд.

— Ты разочарована? — спрашивает Виктор.

Я снова смотрю на него, взволнованная его вопросом. В его глазах пляшут черти.

— Хм, нет, — отвечаю я. — Почему ты спросил?

Виктор смотрит на дорогу.

— Разве ты не находишь Фредрика привлекательным?

Мне кажется, он играет со мной.

— Да, я бы солгала, если буду отрицать его привлекательность, но у меня нет к нему влечения, если ты об этом.

Я увлечена тобой, Виктор, и только тобой...

Он улыбается мне и больше ничего не говорит.

Мое лицо становится красным каждый раз, как я вижу его улыбку или ухмылку, потому что не привыкла к такому, и просто вспыхиваю еще больше. Такое ощущение, словно тысяча пьяных бабочек устраивают оргию в моем животе.

— Так какой наш следующий шаг? — спрашиваю я.

— Будем наслаждаться отдыхом до завтрашнего вечера, — отвечает он.

Это мы и делаем.

Виктор покупает мне новое платье на четыре тысячи, полученные обманом от менеджера ресторана. Мы возвращаемся в отель после долгой прогулки, чтобы переодеться. Я непроизвольно засматриваюсь на него, когда Виктор появляется передо мной при полном параде. На нем тонкий облегающий серый кардиган с V-образным вырезом поверх белой рубашки с длинными рукавами. Рубашка неряшливо торчит из под кардигана поверх синих джинс. На ногах красуется пара черных кожаных ботинок со шнурками. Я всегда видела его только в дорогом костюме и выходной обуви, поэтому появление Виктора в чем-то другом вводит меня в легкий ступор. Хотя даже в этом наряде он умудряется подчеркнуть свою утонченность, богатство и безупречность.

Я одета в шелковое летнее платье и в пару дорогих плоских сандалий, довольная, что это не те мучительные каблуки.

В конце концов, мы встречаемся с Фредриком, хотя все это вышло совершенно случайно. Мы втроем пошли на коктейльную вечеринку в другом фешенебельном отеле и, несмотря на то, что я продолжала изображать из себя Изабель Сайфрид, кажется, Фредрик в курсе того, что на самом деле я не такая сучка, которой пытаюсь казаться. Я нахожу его забавным и чем дольше я и Виктор находимся с ним рядом на протяжении ночи, тем больше мне нравится его компания.

Все это ощущается почти... нормальным, словно я нашла какой-то практически

незаметный способ наслаждаться окружающими меня вещами и событиями, как и все вокруг, нашла путь вписаться в общество. Я прекрасно понимаю, что это не продлится долго, но, по крайней мере, я проживаю эти моменты без необходимости постоянно оглядываться через плечо.

С Фредриком мы расстались сразу после наступления полуночи, когда Виктор решил, что лучше вернуться в отель и немного отдохнуть. Завтрашняя ночь будет совершенно иной и мне следует волноваться. Но я уже играю в игру. Я увязла так глубоко, так сильно сжилась с моим Альтер-эго, у которого одна ночь была куда интереснее, чем вся жизнь Сэрай. Я беспокоюсь и пребываю в некоем восторге касательно завтрашнего дня, но не боюсь и не сомневаюсь, чего, полагаю, Виктор втайне от меня ожидает.

Нет, этот подпольный мир, который он постепенно открывает для меня, не оказывает на меня того влияния, которого он предполагал.

Этот мир просто заставляет меня хотеть большего.

Глава 33

Виктор

— Фредрик рассказал мне, что с тобой девушка, — говорит Николас по телефону. — Изабель, так ведь?

— Да, — отвечаю я. — Очевидно, так было нужно.

Он знает. Меня еще никогда так ни разрывало на части. Николас или Сэрай?

Сейчас я ощущаю жуткую потребность в тщательном подборе того, что говорить ему. Но я не могу врать ему о том, что Изабель и Сэрай - это одно и то же лицо, потому что существует слишком много способов, которыми Николас может узнать правду. Скорее всего, у него уже есть все необходимые доказательства. Если ему солгать, он поймет, что я не доверяю ему относительно этой девушки, а это может вовлечь Сэрай в еще большую опасность.

— Я дал Сэрай выбор, где жить, и она выбрала Калифорнию. Это единственная причина, по которой она рядом со мной.

Я слышу тяжелое дыхание Николаса.

— Ты взял её на дело. Почему?

— Потому что ее присутствие в этом деле очень уместно, — отвечаю я. — Учитывая наличие ограниченного количества времени для подготовки, у меня просто не было возможности найти кого-то другого.

Понимаю, что это не самое лучшее объяснение. В Лос-Анджелесе есть несколько женщин, работающих на Ордер, как и Фредрик, и одна из них легко могла бы сыграть партию Сэрай, сделав это безупречно, как сыграл свою партию Фредрик. Но надеюсь, Николас примет мои объяснения. Он не принимает участие в полевых операциях, как я. Он не умеет себя вести в реальном деле, как я. Он так же, как и я, убивает людей, но не на таком же уровне мастерства и у него нет моего опыта.

— Она просто сама идет в лапы смерти, — говорит Николас.

— Да, ты прав, — я делаю паузу, обдумывая его слова, а затем решаю использовать другой подход. — Если тебе хочется знать, поэтому я и взял её.

Могу прямо сказать, что его приоритеты меняются, так как я наконец-то предлагаю ему такое объяснение, которое может его удовлетворить.

— Я не могу заставить себя убить её, — продолжаю я, окончательно признаваясь ему. — Я сделаю это, если буду вынужден, но ты был прав, Николас, думаю, она оказала

определенное влияние на меня. Просто ты заметил это раньше меня или даже раньше, чем я позволил себе подумать об этом. Девушка должна исчезнуть.

— Я могу убить её за тебя, — искренне предлагает Николас, без какой-либо ненависти или злости для разнообразия. Он переживает за меня и мой план работает. — Несмотря на твою природу, Виктор, ты человек. Я понимаю и могу помочь. Позволь убить её вместо тебя.

Я вздыхаю в трубку.

— Она - моя проблема и я решу этот вопрос. Сэрай хочет быть такой же, как мы, — Николас усмехается, слыша такое заявление. — И нет лучшего пути доказать ей, что это совершенно нереально, чем окунуть её в дело с головой. И оно убьет её.

— А что, если нет?

— Тогда это сделаю я, — говорю я. — Что бы ни произошло дальше, Сэрай умрет завтра в Калифорнии.

— Мне жаль, брат, — отвечает он с искренним сочувствием. — Иметь какие-либо отношения с женщиной, помимо секса, невозможно, это никогда не срабатывает, ты же знаешь. Причина и данная ситуация, в которую ты себя сам загнал, только доказывает её обоснованность.

— Я понимаю, Николас, — уверяю я и быстро меняю тему. — Расскажи поподробнее об особняке.

После короткой паузы и моего осознания того, что ложь принята, Николас начинает рассказ планировки дома.

— В нём десять спален и кабинет Артура Гамбурга, расположенный на четвертом этаже. Шесть ванных комнат. Джакузи на первом этаже, восточная сторона. Развлекательный зал с пятью бильярдными столами. Комната с домашним кинотеатром находится в задней северной части особняка. Есть потайной выход за забором с прожекторами, ведущий в подвал, и снаружи, рядом с задними воротами. Другая потайная дверь на третьем этаже, в южном конце рядом с холлом с черным мраморным полом. Мы не уверены, куда она ведет, но горничные говорили, что эта дверь в некую потайную комнату из кабинета Гамбурга, которая закрывается и открывается с помощью кнопочной панели. У неё нет кода доступа. У тебя не будет времени или возможности взломать код либо дверь, так что придется работать по старинке.

— Что на счет камер? — спрашиваю я.

— В каждой комнате по одной, за исключением кабинета Гамбурга.

— Я так и думал, — говорю я. — Не мог представить, что он настолько глуп, чтобы записывать следы своих преступлений, способные упечь его на всю жизнь. Это мне на руки.

— Точно, — соглашается Николас. — О том, что ты делаешь в той комнате, будут знать только те, кто внутри.

— А что на счет горничных?

Я мысленно обрисовываю свои действия, исходя из полученной информации.

— Ты должен отыскать женщину по имени Мануэла. Так же, как и у всей прислуги, она носит бейджик. Встретишься с ней ровно в восемь часов рядом с комнатой с джакузи. Но не говори с ней. Она будет перебирать полки с полотенцами, где и будет спрятан конверт.

Когда установишь с ней зрительный контакт, просто дай ей понять, зачем ты там, и она уберет верхние три полотенца, а ты там сможешь найти конверт. Но до восьми часов операция не осуществима, так что если Гамбург пригласит вас к себе в кабинет до этого, тебе нужно будет задержать его.

— Ничего не изменилось из того, что мы обсуждали прошлой ночью? — интересуюсь я.

— Нет. Все по плану. Оружие Гамбурга находится в тумбочке рядом с кроватью у окна.

Другой пистолет находится в открытом чемоданчике на нижней полке шкафа.

На мгновение я прокручиваю все в голове.

— Для меня это новая информация, — говорю я. — Думал, что видел всё.

— Согласен, — отвечает Николас. — Но все так, как есть, но особой разницы нет.

Он прав по этому поводу. Несмотря на особые обстоятельства, у меня нет проблем с делом. А вот Сэрай, сомневаюсь, что она стерпит это.

— Как только все закончится, свяжись со мной, — просит Николас. — Я бы хотел передать информацию Воннегуту как можно скорее. Надеюсь, что это компенсирует все задержки и проблемы, с которыми вы столкнулись или сами создали с Хавьером и Гузманом. — Я слышу скрытое обвинение в его словах, но это было ожидаемо, я не обращаю на это никакого внимания.

— Я все сделаю, — говорю я.

Прежде чем закончить разговор, Николас говорит.

— Виктор, ты же знаешь, что должен это сделать. Для твоего же блага и тем более для её.

Я не убью Сэрай и сделаю все, чтобы никто из особняка этого не сделал, но понимаю, что мой брат прав. Мне следует убить её ради моего блага, ради неё самой. Но не могу. И не буду.

Сэрай

Настал день икс и адреналин бьется по жилам так сильно, что не усидеть на месте. После душа я надеваю платье, выбранное Виктором, и в очередной раз я возвращаюсь к образу легкомысленной дамы.

— Чувствую себя совершенно голой, — говорю я, смотря вниз на тонкое шелковое платье. Инстинктивно я пытаюсь тянуть за концы платья, чтобы прикрыть больше тела, разочаровавшись, что усилия волшебным образом не растягивают ткань. Если я немного наклонюсь, любой, стоящий позади меня, увидит все. К счастью на мне трусы, по крайней мере.

Виктор стоит в стороне, наблюдая за мной, поглощенный собственными мыслями. Он выглядит обеспокоенным, даже грустным.

— Я не от чего не отказываюсь, — доказываю я, понимая какое впечатление у него складывается. — Я хочу сделать это. Неважно, что случится со мной, это будет не твоя проблема. — Может немного самонадеянно думать, что ему есть до меня дело, а уж тем более намекать на это вслух, но мне действительно кажется, что по-своему ему не все равно. И я больше не боюсь говорить ему о том, как себя чувствую. О произошедшем между нами. О моих чувствах, хотя я все еще не уверена в том, что они мои. О его чувствах, хотя он более осторожен, чем я.

Я подхожу к нему и пальцами кручу лацкан его пиджака с каждой стороны. Затем я сжимаю пальцы и мягко целую его в губы.

— Я смогу, — уверяю я. — Может, я безрассудна и не знаю, во что ввязываюсь. Нет, беру слова обратно. Я безрассудна и точно знаю, на что иду. Я очень хочу быть частью этого. Но ты так же, как и я, знаешь, что я не похожа на других. И если бы даже у меня был шанс,

даже если бы могла прямо сейчас уйти и попытаться быть как все, то я не хочу. Боюсь умереть. Не могу сказать, что не боюсь этого. Я не хочу умирать, но я готова к этому.

Виктор, кажется, хочет что-то сказать, возможно, еще раз попытаться изменить мой выбор, но вместо этого он отворачивается и забирает ключи с тумбочки.

Я чувствую разочарование, даже немного обиду. Мне хотелось, чтобы он сказал хоть что-нибудь, что угодно, что-то, что смогло бы убедить мои мысли и сердце в том, что он на само деле не хочет, чтобы я проходила через всё это. Наверное, где-то глубоко внутри я знаю, что меня убьют, и перед смертью отчаянно желаю знать, что кому-то не всё равно. Что Виктору не всё равно. Потому что он единственный, кто у меня есть.

Глава 34

По дороге в особняк Виктор в последний раз напоминает мне:

— Никогда не выходи из образа. Что бы ни произошло и насколько бы дискомфортной не стала для тебя эта ситуация. Продолжай играть в том же духе.

— Ясно, — соглашаюсь я. — Несмотря ни на что, я останусь в своей роли. Обещаю.

Мы подъезжаем к поместью Артура Гамбурга в семь тридцать, перед нами встают высокие электронные железные ворота, а за ними охранник. Виктор протягивает ему наши приглашения через открытое окно. Тот сначала осматривает приглашительные, а затем проходит к панели у небольшой будки безопасности и начинает звонить. Мне едва удастся услышать сквозь открытое окно, как охранник описывает нас и бумажные приглашения кому-то на том конце провода. Через несколько секунд он кладет трубку и отдает приглашительные Виктору.

Охранник возвращается к будке безопасности, а уже в следующий миг ворота открываются, позволяя нам проехать на огромную территорию владений Гамбурга. Проехав по мощенному подъездному пути, протяжность которого составляет не менее двух акров, мы паркуемся напротив особняка следом за множеством дорогих автомобилей.

Мы выходим из машины, Виктор берет меня под руку, а затем мы вместе подходим к дому. Перед нами вырисовываются гигантские двойные двери, с каждой стороны которых красуются две мраморные колонны, что подпирают собою огромный балкон. В дверях нас встречает еще один вооруженный охранник, и тогда я замечаю, что охрана равномерно расположена по всей территории владений. Я вспоминаю, что рассказывал мне о них Виктор, и во мне начинает расти легкое беспокойство. Но после того как охрана еще раз проверяет наши приглашительные и предлагает нам пройти внутрь, мое беспокойство сменяется восхищением. Я побывала во многих богатых домах, но этот особняк был самым великолепным из них - высокий потолок, что возвышался на четыре этажа в самом центре здания и увенчивался массивным мансардным окном, был неописуемо прекрасным. Под ним на первом этаже располагались красивые греческие статуи. Всякий раз, когда кто-то входил в дом, шаги гостей по мраморному полу разливались эхом по всему вестибюлю, словно ты находишься в каком-то музее, а не в частном особняке в Калифорнии. До меня донесся звук, напоминающий журчание небольшого водопада. Повернув голову вправо, я заметила, что под пятнадцатифутовой аркой находится прекрасный фонтан из белого камня, расположенный в центре той комнаты.

Прежде чем окружающие смогли бы заметить на моем лице неподдельное восхищение девушки, что никогда прежде в своей жизни не видела такого изобилия роскоши, я попыталась придать своему виду большей непринужденности, слегка прищуривши взгляд, намекая на то, что какая-то часть меня уже успела изрядно заскучать. И когда кто-то

улавливал мой взгляд, я сама выбирала, кому стоит слегка кивнуть в приветствии, а кого лучше просто проигнорировать. В большинстве случаев я не уделяла ни малейшего внимания с моей стороны женщинам или же бегло смотрела поверх них с неодобрительным взглядом.

Виктор проходит вместе со мной через огромную комнату, а затем нас встречает какой-то мужчина, однако это не Артур Гамбург. Этот мужчина намного моложе, у него песочно-коричневые локоны и карие глаза.

— Добро пожаловать в поместье Гамбурга, — говорит он, протягивая руку, и Виктор жмёт её. — Я Винс Шоу, ассистент мистера Гамбурга.

— Я Виктор Фауст, а это моя леди, Изабель Сейфрид.

Я протягиваю ему свою руку ладонью вниз, и он берет её одними пальцами, а затем склоняется, чтобы поцеловать мою кисть.

Интересно, это настоящая фамилия Виктора или нет? Кажется, он не боится использовать своё имя... хотя «Виктор» может даже не быть его настоящим именем или же...

Сейчас я не могу об этом думать.

Винс берет бокал шампанского с подноса, когда официант подходит к нему с напитками. Следом шампанское предлагают нам.

— Пожалуйста, угощайтесь, — предлагает Винс, а Виктор сначала берет бокал для меня, а затем для себя.

— Я прошу прощения, — говорит Винс. — Но мне любопытно, как именно Вы получили приглашения?

Виктор делает небольшой глоток и медлит, словно намекая на то, что он довольно важный человек и имеет полное право заставить человека ждать своего ответа.

— Изабель и я были гостями в ресторане мистера Гамбурга прошлым вечером. Там произошел один инцидент.

— Да, конечно, — с пониманием отвечает Винс, вежливо улыбаясь. Затем он поворачивается ко мне. — Я предполагаю, вам с лихвой компенсировали Ваш испорченный наряд?

— Да, — отвечаю я и делаю глоток. — Но должна сказать, я предполагала, что данную ситуацию можно было бы уладить немного иначе.

— Оу. И как же, по-вашему?

— Что ж, платье было моим любимым. Дабы вы знали, для меня оно было дорого воспоминаниями, что с ним связаны. Официанта следовало немедленно уволить.

— О, да, — соглашается Винс. — Это можно легко устроить. Я лично поговорю с мистером Гамбургом. Если, конечно, Вы сами не хотите поговорить с ним, когда чуть позже он встретится с Вами и вашим спутником.

— Нет, — говорю я и прикрываю глаза. — Я очень надеюсь, что Вы избавите меня от необходимости еще раз рассказывать об этом инциденте.

Я смотрю на Виктора, которому, кажется, нравится моё представление.

— Конечно, — кивает Винс. — Больше ничего не говорите. Все будет сделано. — Он улыбается, обнажая прямые белые зубы.

Я чувствую себя ужасно, ведь из-за меня будет уволен тот бедный парень, но утешаю себя тем, что ему лучше не работать на такого человека, как Гамбург. Все же, если мы здесь, чтобы убить его, то этот мужчина еще тот подонок.

Мы немного пообщались с Винсом, но я в основном просто пила шампанское и слушала

разговор двоих мужчин. Время от времени я поднимала свою руку и небрежно изучала свои ногти со скучающим видом. Я заметила, как Виктор разок быстро взглянул на свои часы.

— Мистер Гамбург скоро спустится, чтобы поприветствовать своих гостей, — сообщает нам Винс. — А пока, наслаждайтесь шампанским и закусками. А вот и она! — Он машет рукой куда-то в сторону от нас, мы оборачиваемся. — Я хотел бы представить вам Люсинду Грэхэм-Спэнсэр. — Он улыбается Виктору. — Конечно, Вы с ней, должно быть, уже знакомы?

Красивая женщина в облегающем белом платье, что прекрасно подчеркивает ее фигуру в форме песочных часов, направляется к нам под руку с мужчиной в деловом костюме.

— Да, мне доводилось слышать её игру, — отвечает Виктор. — На концерте в Лондоне в прошлом году. Она просто великолепна.

— Дор-р-рогой, как ты? — спрашивает женщина по имени Люсинда Грэхэм-Спенсер, наигранно резко протягивая руки к Винсу. Виктор и я делаем шаг в сторону, и она проскальзывает между нами, чтобы одарить Винса легкими поцелуями в обе щеки.

Я закатываю глаза. И для этого даже не нужно быть в роли.

— Люсинда, — говорит Винс, поворачиваясь к Виктору. — Познакомьтесь с Виктором Фаустом и, — он указывает в мою сторону, — Изабель Сайфрид. Они гости мистера Гамбурга.

Люсинда тянется к Виктору точно так же, как и несколько секунд назад приветствовала Винса, и целует его в обе щеки. Затем она поворачивается ко мне. Виктор выразительно окидывает меня взглядом, но в этом знаке оказывается недостаточно подсказок для дальнейших действий, и у меня ни коем образом не получается прочесть его мысли.

Поэтому я прислушиваюсь к своему внутреннему голосу.

— Рада познакомиться с вами, — приветствую я вежливо, не давая при этом испариться ореолу собственной важности. Я целую её в щеки в ответ, обхватив её руки, как и она мои.

Глаза Виктора сияют, одобряя мое поведение и, возможно, отображая его облегчение. Видимо, эта женщина занимает куда высшее положение в обществе, чем я когда-либо могла бы достичь. И хотя я понятия не имею, чем именно она занимается в музыкальной сфере и почему она столь важна, но точно знаю, что Люсинда, должно быть, известна, поэтому я бы выглядела последней идиоткой, если бы пренебрегла вниманием столь уважаемой личности, как она. Честно говоря, нас бы мигом выперли отсюда за подобную выходку с ее стороны.

Винс покидает нас с Виктором, чтобы представить Люсинду другим гостям. Я прислушиваюсь к его разговорам. Он говорит всем то же, что и нам. И всех представляет как «гостей мистера Гамбурга». Мне становится любопытно, как Виктор собирается остаться с хозяином дома наедине, когда здесь столько народу, к тому же присутствуют и пары соперников.

Виктор кладет свою руку на мою талию, и мы медленно прохаживаемся по комнате, притворяясь, что наш разговор идет о картинах и статуях. Он указывает то на одно, то на другое, комментирует то детали, то цвет, то эмоции, которые они олицетворяют. Всё это бессмысленно, не интересно и, как по мне, не заслуживает внимания, но я продолжаю ему подыгрывать. Вскоре я понимаю, что он использовал это время, чтобы пересечь комнату, не показавшись при этом потерянным. При этом мы не казались той парой, что отчаянно нуждаемся в компании, чтобы чувствовать себя уютно в этом доме.

— Мне нужно найти уборную, — говорит Виктор, ставя бокал шампанского на стол у входа в коридор. — Ничего, если побудешь одна?

— Конечно, — отвечаю я с долей раздражения. — Мне не сложно остаться одной.

Он целует меня в губы и уходит по коридору. Я наблюдаю за ним, пока он не сворачивает за угол в конце. Понятно, что ему нужна совсем не уборная, и когда он долго не возвращается, а я до сих пор стою здесь одна, то начинаю нервничать. Надеюсь, я не выгляжу нуждающейся в обществе.

Я в любом случае не избавлюсь от внимания окружающих.

— Я Муриэль Коста, — представляется женщина, делая шаг ко мне с ещё одной женщиной и молодым парнем. — Не видела Вас здесь раньше.

— Изабель Сейфрид, — представляюсь я в ответ и делаю медленный глоток шампанского, давая понять, что это максимум моего внимания, который она получит. — Полагаю так, ведь меня никогда не было здесь.

Она ухмыляется, поднося бокал к губам, окрашенным в розовый цвет. У неё угольно черные волосы, каскадом ниспадающие по ее плечам и заканчивающиеся ниже ее сливообразной груди, прекрасно подчеркнутой при помощи глубокого декольте ее серого платья. Женщина позади нее бросает взгляд на свою знакомую, вероятно, интересуясь, собирается ли она оставить мое поведение без внимания. Я тоже усмехаюсь и обращаю своё внимание на молодого человека, который вряд ли может быть намного старше меня.

Я дарю ему милую, соблазнительную улыбку, дабы досадить Муриэль, и он ловит её. Но когда она замечает это, он тупит взгляд.

— Откуда это? — спрашивает она меня.

— Откуда что?

Она и другая женщина переглядываются с легкой полуулыбкой, очевидно, обмениваясь мнением обо мне.

— Ваши деньги, — отвечает Муриэль, как будто я должна знать жаргон.

Она отпивает шампанское.

— Вы богаты, хотя и необязательно, чтобы каждый знал, откуда взялось состояние.

Мое лицо темнеет, на нем расплывается уверенная улыбка.

— Такие вопросы задают только те, кто чувствует угрозу, — говорю я и окидываю двух ее спутников взглядом, демонстративно показывая им, что ситуацию здесь контролирую я. Для меня становится понятным, что они потерянные собаки, что ухлестывают за Муриэль Коста, и их преданность зависит лишь от того, кто предложит им лучшие объедки. Она подвержена влиянию.

Виктор возникает вновь из коридора.

Лицо Муриэль начинает сиять, когда она видит его. Она немедленно представляется, предлагая свою руку для традиционного поцелуя, который, по-моему, не имеет ничего общего с обычаем, ведь всё это маленькое представление связано лишь с состязанием между нами. Виктор отвечает на жест Муриэль и задерживает свой взгляд на её темных глазах, когда выпрямляется из поклона к ее руке, в котором он задерживается немного дольше, чем мне хотелось бы. Но Муриэль довольна и оглядывается на меня, тем самым давая понять, насколько она удовлетворена таким раскладом событий.

Они сами представляются друг другу и заново начинают тот самый бессмысленный разговор из любезностей. Но вместе того, чтобы показать хоть толику ревности, что, несомненно, безмерно обрадует Муриэль, я отхожу от них с важной миной и нахожу себе группу мужчин для общения. Я не уверена, что Виктор одобряет этот поступок с моей стороны, но не оборачиваюсь, чтобы проверить. Если я так поступлю, то моя ревность

вылезет наружу. А Изабель Сэйфрид нелегко заставить ревновать. Она вообще никогда и никого не ревнует.

Я не протягиваю руку тем трем мужчинам, а просто достаиваю их очаровательной и уверенной беседой, которую бы никогда не предложила женщине. И я меньше всего ожидала, что именно в тот момент, когда я перетянула на себя всю инициативу в действиях, я начинаю не просто играть эту роль, я наделяю Изабель Сэйфрид своими собственными чертами характера. Теми уловками, которые Виктор никогда не упоминал в своих инструктажах по поведению в ее роли. Я решаю - потому что чувствую, что это правильно - сделать её той, что чересчур презирает всех женщин и слишком сильно любит мужское внимание.

В конце концов, я собираюсь сыграть роль совершенно иного человека, добавив недостающие черты её личности и сделав ее полностью реалистичной.

Пока я разговариваю с мужчинами, чьи имена уже успела благополучно позабыть, к нам присоединяется Виктор. Я чувствую, как его рука крепко сжимает мое предплечье.

— Знаешь, мне не нравится, когда ты отходишь от меня, — говорит он.

Мужчины молчат, но внимательно вслушиваются в наш разговор, заинтригованные тем, как Виктор показывает свое превосходство надо мной.

Я лукаво улыбаюсь.

— Я знаю, что не нравится, — говорю я. — Но рядом с твоей прабабушкой становилось так... нудно.

Взгляд Муриэль останавливается на мне, услышав слова, и я в ответ слабо ухмыляюсь. Она и её прихвостни удаляются в противоположном направлении к другой группе людей.

Виктор дергает меня за руку, от чего шампанское в бокале начинает расплескиваться по сторонам.

Язвительная улыбка мгновенно исчезает с моего лица.

Он наклоняется к моему уху и тихо произносит:

— Я не могу смириться с мыслью, что ты делаешь это, Изабель, но если придется, я заставлю тебя уйти.

Я ощущаю его дыхание на своей шее, от чего моя кожа покрывается мурашками.

— Я не поступлю так снова, — отвечаю я, поворачивая голову к нему так, что мой рот оказывается напротив его.

Я закрываю глаза, чтобы поцеловать Виктора и чувствую его губы так близко к моим, что почти ощущаю их вкус, но тут он отстраняется.

Когда я открываю глаза, то обнаруживаю, что рядом стоящие мужчины смотрят куда-то в сторону с глупым видом.

Из комнаты с фонтаном появляется Артур Гамбург в сопровождении четырех мужчин в костюмах, и всё внимание переключается на него.

Глава 35

Мужчина выглядит старше, чем на фото. И крупнее. По моим подсчетам ему далеко за 60, он среднего роста, но не более 180 см, и весит не менее 122 кг, большая часть из которых приходится на живот и щеки. Стоя у входа в комнату вместе со своими прихвостнями по сторонам, он не кажется мне обычным зрелым мужчиной с избыточным весом, я вижу перед собой злого человека, который сегодня умрёт. И это все, о чем я могу думать - он умрёт. Я должна быть свидетелем этого. Неожиданно всё внутри меня замирает, моя грудь сжимается, желудок затягивается в тугий узел, и мне кажется, что я не смогу сделать ни

единого вдоха. Я втягиваю воздух через приоткрытый рот и очень медленно выпускаю его через ноздри. Спокойствие, Сэрай. Просто сохраняй спокойствие.

Я не ожидала, что знание его дальнейшей судьбы и практически всецелый контроль над принятием главного решения - умереть ему или же жить дальше - лишь по той причине, что я обладаю информацией, которая ему недоступна, повлияют на меня таким образом. Несмотря на волнение, реальность постепенно доходит до меня, и я не жалею, что пришла. Может, я и не знаю, что такого сделал Артур Гамбург, чтобы заслужить смерть, но доверю словам Виктора и знаю, что Гамбург далек от невинности, иначе нас бы здесь не было.

Артур Гамбург обращается к гостям со словами благодарности за то, что соизволили присутствовать на его скромном вечере, продолжая разглагольствовать о всевозможной чепухе, в ответ на которую гости кивают, соглашаются с улыбками на лицах и пытаются вставить свои опрометчивые реплики и мысли на этот счет. Он шутит и начинает смеяться прежде, чем она доходит до всех остальных, но все окружающие всегда смеются в ответ, естественно, ведь они не хотят невежливо проявить себя по отношению к хозяину дома. Даже я посмеиваюсь над шуткой, которая всем кажется забавной, хотя меня она вовсе не впечатлила.

Виктор заставляет меня встать перед ним, прижимая мою спину к своему торсу. Его рот изучает мои голые плечи, его руки остаются на моих бедрах. Но эта привязанность только для шоу, а затем его внимание вновь возвращается к Артуру Гамбургу, который время от времени бросает на нас взгляды с другого конца комнаты. В его глазах я вижу, что он что-то обдумывает, замечаю внезапное изменение в его поведении. После еще нескольких представлений он заканчивает свои разговоры и оставляет всех пообщаться и насладиться компанией друг друга, чем они и занимались до его появления.

И в следующее мгновение я замечаю, что он направляется прямо к нам.

Виктор

Артур Гамбург жмет мне руку, как только я представляю себя и Изабель.

— Мой ассистент сказал мне, что Вы столкнулись с проблемами в моём ресторане прошлой ночью.

На самом деле ему хорошо известно, что это были мы. Он наблюдал за нами из приватной комнаты, слушал наш разговор через маленький микрофон в центре стола.

— Да, — киваю я. — Прошу прощения, но я надеюсь, что Вы поменяете политику отбора нового персонала при приеме на работу.

Гамбург улыбается, скрывая свои намерения: изучать меня и Сэрай, получить больше информации о нас, чем он уже успел узнать еще в своем ресторане, представляя нас вместе с ним в его спальне. Ему нет особого дела до инцидента в ресторане или иска. Мы были приглашены на это мероприятие по совершенно иной причине.

— Вы из Лос-Анджелеса? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я, притягивая Сэрай ближе к себе, одной рукой обнимая её за бедро. Взгляд Гамбурга блуждает по изгибу ее бедра вслед за моей рукой. — Стокгольм.

Он выглядит заинтригованным.

— У вас нет акцента, — замечает он.

Я отвечаю на шведском: «Я свободно говорю на семи языках». А затем повторяю на английском, чтобы он понял мою фразу.

Он согласно кивает, изумленно улыбаясь. Затем Гамбург обращает своё внимание на Сэрай.

— А что на счет вас?

— Она из Нью-Йорка, — отвечаю за неё я.

Сэрай на этот раз остается тихой.

Гамбург снова поворачивается ко мне и спрашивает:

— Она твоя... — он пытается подобрать правильное слово.

— Моя собственность? — заканчиваю за него я, позволяя ему понять приемлемость такого разговора. — Да. И большей ее части это нравится.

Он приподнимает густые седеющие брови.

— Большой части? — спрашивает Артур из любопытства. — А что остальная часть её думает по этому поводу?

Он всматривается в Сэрай, слегка усмехаясь.

— У остальной её части есть собственный ум, — отвечает Сэрай в образе Изабель.

Я выдыхаю и качаю головой, проводя пальцами по её тазовой кости.

— Есть такой момент, признаю, — говорю я. — Предпочитаю женщин, умеющих отстаивать свои принципы.

— Итак, я понимаю, вы уже бывали в таких местах? — спрашивает Гамбург, и я понимаю, что он имеет в виду ту полную покорность, присущую женщине, которая будет делать все, что ей сказано, без малейшего выражения дискомфорта или отказа.

— Однажды, — отвечаю я. — Я доволен Изабель, несмотря на то, что иногда исходит из её рта.

Гамбург пристально смотрит на неё, также как и я. Ему нравятся и женщины, и мужчины. И ему тем более нравятся сильные женщины, как Изабель. Единственное отличие заключается в том, что тех, кем он наслаждался здесь ранее, приводили против воли.

Неожиданно Гамбург гордо поднимает голову и говорит:

— Мне бы очень хотелось пообщаться с вами наедине. В моем кабинете. Если, конечно, вы заинтересованы в выгодном предложении. Вы же заинтересованы, не так ли? — Он улыбается и быстро проводит языком по губам.

На какое-то мгновение я задумываюсь над его предложением, заставляя его понервничать, одним взглядом давая ему понять, что заинтересован, но не безрассуден.

— По крайней мере, мне хочется услышать предложение, — отвечаю я.

Его глаза сияют. Он поворачивается к мужчине в костюме позади себя и шепчет что-то на ухо, а затем возвращается к нам. Мужчина тем временем уходит к стеклянному лифту и поднимается на верхний этаж.

— Пойдемте со мной, — предлагает Гамбург, мы следуем за ним.

Пока мы ждем возвращения лифта, Гамбург рассказывает нам о строительстве особняка. Он рассказывает о деньгах, которые вложил в постройку, словно намекая, что сможет перебить любую мою цену. Я ощущаю, что волнение Сэрай возрастает, пока мы поднимаемся на верхний этаж. Она берет меня за руку, и я обращаю внимание, как её мягкие пальцы обвивают мои. Я мягко сжимаю её руку, давая понять, что я рядом и сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить её. Я смотрю на неё и вижу лишь то, как Сэрай смело смотрит на меня в ответ. В ее глазах я узнаю все ту же беспокойную и трудную девчонку, которую я так пытался все это время трепетно оберегать.

Мы идем по огромному холлу, который упирается в вычурный и излишне украшенный

вход в кабинет, впрочем, как и весь его дом. По обе стороны дверей стоит охрана. Как и охрана внизу, эти двое прячут под одеждой оружие. Но я нет. Не в этот раз. Потому что знаю, что нас проверят, прежде чем пустить внутрь. А находка подобных вещей у двух богатых людей, чей статус делает их свободными от мирских проблем и подразумевает под собой отсутствие необходимости таскать с собой огнестрельное оружие, заставит Гамбурга пересмотреть свое впечатление о нас. Он может почувствовать угрозу и не позволить нам войти.

Мы останавливаемся, я поднимаю руки вверх, давая секьюрити проверить себя.

Сэрай делает то же самое, но на этот раз не молчит.

— Это так необходимо? — недовольно спрашивает она, пока другой секьюрити её осматривает.

— Извини, дорогая, — говорит Гамбург, открывая дверь в кабинет. — Но да, всегда нужно быть осторожным.

Когда охрана ничего не находит, то отходит в сторону. Прежде чем закрыть дверь за нами троими, Гамбург просит их:

— Вы можете идти. Мне понадобится более уединенная обстановка на следующие пару часов.

Два охранника понимающе кивают и покидают свой пост за пределами его кабинета.

Глава 36

Сэрай

За нами закрываются двойные двери, и я ощущаю, как сердце словно бухает где-то в район желудка. Но встряхиваюсь и пытаюсь поддерживать образ Изабель Сейфрид как можно лучше.

Не успеваю я удивиться широте кабинета, как Артур Гамбург уже переходит к делу.

— Я скажу вам, чего хочу и дам возможность обозначить цену. — Он жестом приглашает Виктора сесть в ближайшее кожаное кресло.

Виктор присаживается, а я остаюсь стоять одна.

Сейчас маски сброшены. Артуру Гамбургу не надо притворяться и быть очаровательным, как он это делал прежде на виду у всех гостей. Нет, теперь он именно тот злобный и большой ублюдок, которого Виктор должен убить. Меня он уже не видит гостем своего дома, заслуживающим бокала шампанского и уважения; теперь я просто пешка в его сексуальной игре, которая не стоит его внимания или общения с ним. Только Виктор достоин этой роскоши. Ему нужен только Виктор. Теперь я это понимаю. Но существует нечто гораздо выше моего понимания. И у меня совершенно нет времени для того, чтобы постичь все это до конца.

— Чего вы хотите? — спрашивает спокойно и лукаво Виктор.

Он облокачивается на спинку кресла и кладет ногу на ногу.

Артур Гамбург садится в кресло напротив Виктора, дьявольская улыбка проскальзывает по его суровым чертам лицам.

— Мне нравится наблюдать, — отвечает он. — Но все эти миссионерские позы чушь и скукота несусветная. — Он делает паузу и добавляет: — Ты займешься сексом с ней и будешь делать все, что я скажу. И если ты согласишься - естественно за кучу денег - я опущусь на колени перед вами.

Он ухмыляется и впервые с тех пор, как я вошла в кабинет, осматривает меня.

Пока у меня незаметно начинается приступ тревоги, Виктор обдумывает некоторое время, делая вид, что он размышляет о предложении.

Виктор смотри на меня.

— Ни за что, — говорю я твердо. — Он отвратителен, Виктор. Я на это не пойду.

Виктор встает и небрежно берет меня за локоть.

— Ты сделаешь все, что я тебе скажу, — говорит он.

Я киваю головой, словно глядя сквозь него, пытаюсь не выйти из образа, но это становится все сложнее.

Я смогу, говорю я себе, и мое сердце громко стучит в груди.

Виктор не навредит мне. В любом случае. Я должна в это верить.

Почему он просто его не убьет сейчас? Не могу понять...

Держа мой локоть в руке, Виктор поворачивается к Артуру Гамбургу и говорит:

— Пятнадцать тысяч, — лицо Гамбурга сияет. — И еще пятнадцать, если я подпущу к себе.

Я чувствую, как мои глаза расширяются от шока.

— Идет.

— Нет, — говорю я и пытаюсь освободить руку, но Виктор пристально смотрит на меня, и я сдаюсь.

— Склонись над столом, — просит Виктор.

Что?

Он смотрит на массивный квадратный мраморный стол справа от меня, не двигая ничем, кроме глаз.

— Сейчас, Изабель! — требует он.

О мой Бог...

Я нерешительно шагаю к столу и ложусь туловищем на него. И тут же чувствую, как жаркий воздух пробирается сквозь ткань моих трусиков. Я тяжело сглатываю.

Виктор подходит сзади и задирает мое короткое платье где-то до уровня талии. Одна из его рук сжимает мои щеки.

— Заставь её плакать, — говорит Артур Гамбург, сидя в кресле позади меня.— У меня есть кое-что, если нужно.

— Я смогу заставить её плакать и без этого, — отвечает Виктор, спуская мне трусы и позволяя им соскользнуть к лодыжкам. Мне становится трудно дышать. — Но я все равно могу их использовать. Прошло достаточно времени с тех пор, как я делал ей больно.

Артур Гамбург издал странный звук, который я раньше не слышала.

— О, да, я с удовольствием на это посмотрю.— Он потирает руками и с восторгом добавляет: — Насколько она узка там? У меня есть резиновый фаллоимитатор.

Я замираю, воздух уходит из моих легких.

Да вы, блядь, издеваетесь?

Я готова убить его сейчас. Он может быть моим первым трупом. Я готова сделать это!

Мои руки начинают дрожать под грудью.

Сохраняй образ, Сэрай... несмотря ни на что.

Затем неожиданно, как будто мы не находимся с этим больным ублюдком в одной комнате, я ощущаю пальцы Виктора во мне и сразу становлюсь мокрой. Я делаю резкий вздох, изо рта выходит теплое дыхание, которое оставляет небольшие следы на поверхности мраморного стола. Они появляются при каждом моем дыхании.

— Расставь ноги, — просит Виктор.

Сначала я не слушаюсь, но когда он использует свои руки в качестве клина между моими бедрами, то раздвигаю ноги, выставившись вся напоказ. Я не сопротивляюсь, а просто хватаюсь за края стола и выпрямляю спину.

Мой разум борется с неправильностью всего происходящего. Я понимаю, что это неправильно и отвратительно, потому что Артур сидит и наблюдает за нами. Но другая часть меня, та часть, которая пытается вытеснить присутствие Артура Гамбурга на задний план, хочет, чтобы Виктор продолжал. Я стараюсь держать глаза закрытыми и представлять, что в комнате только Виктор. И какое-то время это работает, но ровно до тех пор, пока я снова не слышу голос Артура Гамбурга.

— Да, у нее там действительно узко, — сообщает Артур, и я стискиваю зубы.

Виктор начинает понемногу входить в меня.

— Знаете, — говорит Виктор, — может быть, Вы покажете, что имеете. Я начну понемногу, чтобы раскрыть её, и тогда...

— Ничего больше не говори, — произносит он с садистскими нотками в голосе.

Я слышу, как он встает с кресла и проходит по комнате. Его штаны уже расстегнуты, рубашка небрежно торчит. Он уже удовлетворяет сам себя. Как только он доходит до чего-то, напоминающего своим видом большой шкаф, то останавливается на полпути и поворачивается к Виктору. Казалось Артур увлечен зрелищем, до тех пор, пока не спрашивает:

— Ничего, если я приглашу свою жену сюда?

После короткой паузы Виктор отвечает:

— Этого не было в сделке. — Он обдумывает предложение. — Но я полагаю, в этом ничего страшного не будет. Она внизу?

— Отлично, — радуется Артур Гамбург, потирая руки. Он подходит к шкафу, открывая большие двери, где обнаруживается широкое пространство, словно целая комната. — Нет, я храню её здесь.

Что? Ты хранишь её там?

Почувствовав, что это определенно привлекло внимание Виктора, я провожаю его взглядом. Не имея понятия, что он делает, и не зная, как поступить в данной ситуации, я размышляю над тем, стоит ли мне остаться на месте в той же позе или же все-таки встать и прикрыть свою голую попу. Я решаю немного подождать.

— Не будьте слишком шокированы, когда увидите её, — просит Артур. Затем он, по всей видимости, набирает шифр на серебряной кнопочной панели на стене внутри шкафа. — В определенном смысле моя Мэри точно такая же, как твоя Изабель.

— Правда? — спрашивает Виктор, заходя вместе с Артуром в шкаф.

Еще одна большая дверь внутри шкафа открывает другую комнату.

— Да, — продолжает Артур. — Хотя она более послушна, чем твоя.

Затем я слышу громкий удар и треск, как только они скрываются где-то внутри потайной комнаты. Я с трудом натягиваю трусы и прохожу к шкафу посмотреть, что там происходит, почти спотыкаясь по дороге туда из-за каблучков.

— Виктор!

— Иди сюда, Изабель, сейчас же! — слышу я его крик, и хотя он назвал меня Изабель, по ноткам в его голосу я понимаю, что разговаривает он со мной, как с Сэрай.

Как только я прохожу мимо высоких полок в шкафу и попадаю в потайную комнату, то

увиденное повергает меня в шок. От смущения мне трудно не только собраться с мыслями, но и подобрать слова. Виктор держит Артура Гамбурга лицом к стене с галстуком, плотно обернутым вокруг его толстой шеи. Его лицо темнеет под влиянием туго затянутой петли. Женщина лежит на кровати у стены, одетая в длинное прозрачное хлопковое платье, которое испачкано мочой и кровью.

— В шкафу, — говорит Виктор, прижимая сопротивляющегося мужчину к стене, — есть портфель на полу с оружием внутри. Достань его.

Я быстро киваю и убегаю обратно в шкаф позади меня искать портфель, который тут же нахожу. Я достаю оружие и спешу вернуться.

Виктор освобождает одну руку, чтобы взять пистолет. Он подносит оружие к виску Артура и освобождает тело. Последний задыхается, выдавая отчаянный захлебывающийся звук, пытаюсь вернуть контроль над дыханием. Виктор заставляет Артура опуститься на пол и проверяет его на наличие какого-либо оружия. Удостоверившись, что все в порядке, Виктор достает из кармана пару резиновых перчаток и бросает их мне, давая понять, чтобы я их надела, что быстро и выполняю.

— А теперь вот что произойдет, — говорит Виктор Артуру Гамбургу, — к несчастью ты будешь жить. Будь моя воля, я бы убил тебя еще в ресторане прошлым вечером или в любой другой вечер. Но ты нужен живым.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? Я не могу взять в толк все происходящее.

— Если ты здесь не для того, чтобы убить меня, — говорит Гамбург, голос которого дрожит от страха, но, тем не менее, в нем чувствуется интерес, — так какого черта тебе здесь надо? Деньги? У меня их много. Я отдам все, что хочешь.

Виктор пихает его на пол и продолжает держать под дулом пистолета. По лицу и шее этого ублюдка льется пот, который тут же впитывается его белой рубашкой. Затем Виктор достает из потайного кармана своего пиджака желтый конверт и дает его мне.

— Открой его, — просит он.

Пока я открываю, Виктор оборачивается к Артуру.

— Смерть будет выглядеть как самоубийство, — говорит Виктор, от чего я еще более растерян. — Она написала записку. Все, что тебе следует сделать, это подождать час после нашего ухода и позвонить.

— О чем ты, черт побери, говоришь? — огрызается Артур, забывая про пистолет, приставленный к его голове. Я не могу решить, на ком лучше сфокусировать свой взгляд, на больном мужчине на полу или на бедной женщине на кровати. Вдруг она поднимает на меня печальные, слабые, измученные глаза и по телу пробегает холодок.

— Виктор, мы должны помочь ей, — я начинаю двигаться к ней.

— Нет, — отвечает он. — Оставь её в покое.

— Но...

— Раскрой конверт, — просит Виктор.

Я вынимаю свернутый листок бумаги.

— Читай, — говорит он.

Осторожно я разворачиваю письмо и смотрю на красивый размашистый подчёрк. Как только начинаю читать, то к горлу подступает тошнота и мое сердце болит.

“Мой дорогой муж,

я так больше не могу. Я стала позором для своей семьи, наших детей, мы сами себя

опозорили, Артур. Я тебя больше не люблю. Я не люблю себя. Вообще любить кого-либо не могу. Я практически не способна была ощущать настоящие эмоции в течение двенадцати лет из тех тридцати, что мы женаты. Так жить невозможно. Столько раз я хотела обратиться за помощью, может быть, хотя бы в виде лекарства. Не знаю, но после стольких лет ожидания помощи мне стало все равно.

Мне жаль, что тебе пришлось узнать об этом вот так. Мне жаль, что я не смогла обратиться к тебе за помощью. Но мне больше не нужна рука помощи. Просто нужно покончить с этим.

Это я и делаю. Все кончено.

Пока, Артур.

С уважением, Мэри.”

Мужчина не может отвести взгляд от жены. Его дряблый подбородок дрожит, когда он пытается сдержать слезы. Но мне все равно не жаль его. Не только потому, что до сих пор пытаюсь понять, как все это произошло, но потому что знаю, он не заслуживает жалости.

— Зачем вы здесь? — спрашивает Артур, его хриплый голос вздрагивает.

Виктор смотрит на меня.

— Дай мне карту памяти, — просит он.

Я достаю тонкую квадратную SD-карту из конверта и кладу её в руку Виктора. Он протягивает её Артуру Гамбургу, зажимая между большим и указательным пальцами.

— Вся информация с этой флешки уже есть у моего нанимателя. Имена из твоего длинного списка клиентов, места подпольных операций, видео-доказательства дел, о которых твоя жена ничего не знала. Все здесь, — он швыряет флешку в грудь Артура. — Если кто-то придет за мной или Изабель из-за смерти твоей жены, которая не будет квалифицирована самоубийством, вся информация попадет к ФБР. Мы уйдем отсюда целыми и невредимыми и через передние двери. Все ясно?

Я вся дрожу, растеряна, взволнована и не уверена. Не уверена во всем. Артур Гамбург кивает, пот сочится по его подбородку и бровям.

Женщина протягивает руку, но затем снова опускает. Два пустых шприца лежат рядом с её ногами. Она чрезмерно накачана наркотиками. Я осматриваю её, находя следы уколов на локтях и лодыжках. Я больше не могу ничего поделаться с собой и просто намереваюсь ей помочь. Но Виктор хватает меня за локоть, тем самым останавливая. Он многозначительно смотрит на меня, оружие до сих пор направлено в сторону Артура Гамбурга.

— Она цель, — говорит он, притягивая меня ближе. — Иди в комнату, в тумбочке у окна в ящике есть еще оружие. Принеси его.

Я хочу сказать нет, что не сделаю этого, но намерения так и остаются намерениями. Повинуюсь и исполняю приказ, потому что часть меня до сих пор верит Виктору ровно настолько, насколько другая часть хочет прекратить все это, пока дело не зашло слишком далеко.

— Ладно, — отвечаю я и бегу в основную комнату. Оружие находится ровно там, где Виктор и говорил, и я нервно беру его в руки и с осторожностью возвращаюсь в потайную комнату, словно оно собирается взорваться. Может быть, все ощущается именно так, потому что я знаю, для чего он предназначен. Он ощущается тяжелее, смертоноснее, более угрожающе, чем любой другой пистолет, который я когда-либо держала в руках. Даже тот ствол, которым я стреляла в Хавьера, не навевал подобные ощущения.

Мое сердце бьется где-то в пятках.

— Я предлагаю сделку, — говорит Виктор.

Теперь на нем черные перчатки.

Я подхожу к нему, покачиваясь на трясущихся ногах, и отдаю пистолет. Сама беру другой и убеждаюсь, что он направлен прямо на Артура Гамбурга. Я едва могу держать его прямо. Ощущаю себя так же, как в то время, когда пряталась в машине Виктора. Оружие в руках кажется таким тяжелым, что хочется выбросить его и освободиться от всего этого.

Виктор смотрит на меня, сине-зеленые глаза отражают суть всего происходящего.

— Ты доверяешь мне?

— Да, доверяю, — медленно киваю я.

— Закрой уши, — инструктирует он, и я не колеблюсь.

Без лишних слов он подходит к жене Артура и наклоняется вперед, поднимая её с дивана. Она настолько слаба, что едва сама может держаться прямо. Её глаза открываются и закрываются, словно от истощения или наркотиков, когда Виктор сует пистолет ей в руку. Кажется, я сейчас потеряю сознание, но адреналин не позволяет моему организму отключиться.

Виктор встает перед ней, подставляет дуло к подбородку и нажимает на курок её пальцем. Я слышу выстрел, отзвук которого разносится по комнате, но мои глаза закрываются до того, как успеваю заметить кровь.

Упав на пол, Артур плачет над своей женой, его массивное тело содрогается от рыданий.

Виктор встает позади меня так, чтобы защитить от ужасного зрелища. Этот жест я нахожу неожиданным и успокаивающим.

— У тебя час, — сообщает Виктор. — Вы, возможно, захотите все привести в порядок.

— Да пошел ты! Пошел ты! — кричит Артур, брызгая слюной. Он со всей холодностью смотрит на нас, приподнимаясь с пола. — Пошлы вы!

— Этого бы никогда не случилось, — добавляет Виктор.

Затем он берет меня за локоть и ведет из тайной комнаты, продолжая пытаться уберечь от страшной картины. Я хочу вырваться из захвата, вернуться и надавать еще этому ублюдку, но не могу, осознавая, что рядом с ним лежит мертвая женщина. Не то чтобы эта смерть леденила кровь - я была свидетельницей слишком многих подобных смертей - но самое ужасное, что она была невинной и это просто невыносимо.

Что ты наделал Виктор?

Глава 37

Виктор

Я останавливаю Сэрай в дверях в апартаменты и поворачиваю к себе лицом. Держа за руки, я встряхиваю её.

— Слушай меня, — говорю ей, и она поднимает взгляд. — Ты должна быть в образе, когда будем уходить отсюда. Действуй так же, как вела себя до произошедшего. Понятно? — Я снова встряхиваю её.

Она неуверенно кивает и делает глубокий вдох, проглотив комок в горле.

Мы выходим в холл, я защелкиваю замок в двери в апартаменты изнутри, прежде чем закрыть её. Насколько безопасно мы выберемся из особняка целиком и полностью зависит от Гамбурга. Если он решит, что хочет видеть нас мертвыми, больше, чем не оказаться в

тюрьме и не потерять все свое состояние, тогда следующие минут пять будут очень сложными. У меня один пистолет, тот, что был в кейсе из шкафа. В обойме девять патронов. Я не уверен, что смогу справиться со всеми охранниками с девятью пулями в запасе. Если бы я не должен был защищать Сэрай, то у меня получилось бы.

— Выше голову, — резко говорю я Сэрай.

Она вздергивает подбородок вверх, а я кладу руку на её талию, пока мы, как ни в чем не бывало, подходим к стеклянному лифту. Двоих охранников, которых Гамбург выпроводил прочь из своих апартаментов, не было нигде видно, и только один стоит в конце холла. Как и у других, в его ухе микронаушник. Мы непринужденно проходим мимо, и Сэрай включает свой шарм, язвительно улыбаясь охраннику. Обольщенный ею, он как идиот ухмыляется, пока лифт не начинает двигаться дальше.

— Ах, вот вы где, — встречает нас Винс Шоу, ассистент Гамбурга, как только мы выходим из лифта. — Вы уже уходите? Вам стоит остаться подольше. Люсинда собирается для нас сыграть. — Он стоит с аккуратно сложенными перед собой руками.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Я бы с удовольствием, но мне необходимо попасть на ранний рейс.

— Но я хочу остаться, — говорит Сэрай в роли Изабель и в её голосе слышны жалобные нотки.

— Не в этот раз, — отвечаю я. — Ты же знаешь, я всегда пропускаю ранний рейс, если, по крайней мере, до этого часов шесть не посплю.

— Пожалуйста, Виктор? — она кладет голову на моё плечо.

Я игнорирую ее наигранные усилия и протягиваю руку Винсу.

— Был рад с вами познакомиться, — говорю я.

— Я тоже. Возможно, вы сможете насладиться вечеринкой чуть больше в следующий раз.

— Возможно.

Я провожу Сэрай к выходу. Как только мы проходим к высоким двойным дверям, то слышим голос Гамбурга с четвертого этажа, и холодок пробегает по коже.

— Виктор Фауст, — кричит он на весь особняк.

Я чувствую сердцебиение Сэрай сквозь ее ладонь, когда она вцепляется в мою руку.

Отойдя от двери и выйдя на свет, я могу лицезреть его полностью. Он быстро привел себя в порядок, рубашка заправлена в брюки, седые волосы мокрые от пота и зализаны назад, скорее всего, пальцами, а не расческой.

Мгновение тишины, хотя и короткое, вносит определенное напряжение. Мне кажется, Сэрай перестала дышать.

Гамбур улыбается, держась за перила балкона.

— Надеюсь на скорую встречу, — говорит он.

Я киваю.

— До скорого.

Швейцар открывает перед нами дверь, как только мы собираемся выходить. Никто из нас не ощущает себя в безопасности, пока мы не проехали по длинному подъездному пути и не миновали ворота, не будучи при этом остановленными или застреленными.

Я кружу по городу еще минут тридцать, прежде чем вернуться в отель, чтобы убедиться, что за нами нет слежки. Сэрай молчит все это время, уставившись в лобовое стекло. Она не выглядит травмированной. Сэрай во мне сомневается. Ей уже не нравится принятое решение

быть частью случившегося.

— Сэрай...

— Что это *было*? — кричит она, смотря на меня. — Почему целью была эта женщина? Она была безобидна, Виктор. Ей нужна была наша помощь. Она была невинной. Это так очевидно!

— Ты уверена в этом? — спрашиваю я, сохраняя спокойствие.

Сэрай начинает кричать на меня, но затем останавливается и открывает рот.

— Может и нет, — говорит она. — Но он держал её в той комнате, накаченной наркотиками. Беспомощной. Узницей. Я не понимаю... — Она снова смотрит в лобовое стекло.

— Так только выглядит, — отвечаю я. — Но Мари Гамбург заслужила такую участь, как и сам Артур.

— Тогда кто заказал убийство? — спрашивает она, её взгляд сфокусирован на мне. — Зачем убивать её, а его нет?

— Мари Гамбург сама заказала свое убийство, — отвечаю я, и Сэрай смотрит на меня с недоверием. — Они оба была вовлечены в бесчисленное количество случаев насилия и убийств, случайные смерти по причине сексуальной асфиксии, однако убийства покрывались огромными банковскими счетами. Большую часть брака они провели в таком стиле. Год назад Мари Гамбург, если верить ей, решила, что хочет покончить с такой жизнью. Её одолели собственные демоны. Когда она попыталась поговорить с Артуром о том, чтобы выйти из дел, прося о помощи и исправлении их жизни, он отвернулся от неё. Короче говоря, он использовал её пристрастие к героину и держал запертой в той комнате, чтобы она не смогла разрушить все, что у них было. Но Артур любил её. Своим извращенным способом, но любил. Это стало очевидно по его реакции на её смерть.

Сэрай медленно качает головой, пытаясь принять правду.

— Как ты обо всем этом узнал?

— Я прочитал файл, — объясняю я. — Я так обычно не поступаю, но в данном случае посчитал необходимым.

— Потому что я была рядом, — понимает она, и я киваю в знак согласия. — Ты знал, что я начну задавать вопросы.

— Да.

Она отворачивается.

— Как она смогла так долго скрываться от общественности. Кто-то же должен был что-то знать. Их дети. В письме сказано, что у них были дети.

— Есть, — отвечаю я. — Двое детей живут где-то в Европе и не хотят иметь ничего общего со своими родителями. И Гамбург не держал Мари полностью скрытой от общественности. Он утверждал, что сидел рядом с её кроватью, так как у неё был рак в терминальной стадии. И каждый раз, когда появление на публике было необходимым, чтобы избежать всяких подозрений, он одевал её, накачивал и сажал в инвалидное кресло позади себя на несколько минут. Этого было достаточно для людей. Все видели, что Мари Гамбург выглядит так, как будто действительно умирает от рака из-за её веса и влияния героина. Никто не задавал вопросы.

Я проезжаю мимо швейцара по парковке отеля и выключаю двигатель. Некоторое время мы молча сидим, окутанные тусклым серо-голубым светом, что исходит от встроенных в потолок над нами светильников.

— Но как она заказала свое собственное убийство? — Сэрай проводит рукой по волосам. — Я просто не...

— У некоторых лиц был доступ в ту комнату, где её скрывали. Горничные. Нелегальные иммигранты. Артур Гамбург знал, что они будут молчать, опасаясь быть выдворенными на родину и вполне довольствуясь своими жизнями. По крайней мере, так он думал, потому что одна их горничных все-таки помогла Мари Гамбург.

— Ей просто следовало самой себя убить, — говорит Сэрай. — Если бы я была на её месте, то не стала бы проходить через все эти трудности.

— Да, если бы ты смогла все сделать сама. Подобных людей много, Сэрай. Готовых умереть, но не обладающих духом реально сделать это.

Она не произносит ни слова.

— Ты думаешь, они придут за нами? — спрашивает Сэрай.

Я открываю дверь, выхожу из машины и обхожу её, чтобы открыть дверь также перед Сэрай.

— Сейчас нет. Он бы не отпустил нас, пока мы были там. — Я протягиваю ей руку. Она кладет ладонь в мою, и я помогаю ей выйти из машины.

Закрыв дверь, я добавляю:

— Ему есть, что терять. Много. Но это не означает, что в его планы не входит мстить мне, да еще и он попытается обставить все таким способом, чтобы остаться не при делах.

— Или мне, — добавляет она и бросает на меня безнадежный взгляд. — Он может мстить мне.

Я включаю сигнализацию, машина начинает пищать на весь гараж.

В этот момент мне нечего сказать.

Вместе с ней мы подходим к лифту и поднимаемся в наш номер на верхний этаж. Я мало думаю о Мари и Артуре Гамбургах или о случившемся сегодня. В основном мои мысли заняты Сэрай и тем, что она пережила вместе со мной. Она жива, но мне кажется, какая-то часть её потеряна навсегда. И это сто процентов моя вина. Я знал, что не стоит её вовлекаться во все это. Полностью осознаю свои действия и насколько непростительными они были. Я просто смирился с решением Сэрай. Мне стоило быть тем, кто положит всему конец.

Я выбрал другой путь. И не жалею об этом.

Нам о многом необходимо поговорить с Сэрай, и для начала мы обсудим то, что я сделал с ней в апартаментах Гамбурга. Я готовлюсь к разговору, но когда мы заходим в номер, и она снимает туфли на каблуках, то сбивает меня с толку заявлением:

— Я хочу его убить.— Она садится на край кровати и поворачивает голову, смотря на меня. — Он должен умереть, Виктор. Должен заплатить за то, что он сделал. Должен заплатить жизнью, как она и сказала.

Вот и мое доказательство. В Сэрай течет кровь убийцы; уже без сомнений. И знаю, что это не я её превратил. Жизнь это сделала, не я. Но мне довелось быть тем, кто вскрыл эту часть её личности.

— Это вопрос времени, — уверяю ее я.

Я снимаю пиджак и галстук, бросая их на спинку стула.

— Нам следовало сделать это, когда был шанс, — отвечает она.

Расстегивая пуговицы на рубашке, я смотрю на неё, сидящую на кровати и уставившуюся куда-то на стену. И мне интересно, как она представляла себе убийство

Гамбурга. Кроважодно. Мстительно. Уверен в этом.

Я кладу рубашку на стул рядом с пиджаком и подхожу к ней, попутно снимая обувь.

— Если бы убили его сегодня, — объясняю я, присаживаясь позади неё на край кровати, — то не ушли бы оттуда живыми. А это не было частью плана. Каждая миссия должна быть тщательно спланирована. Стоит отойти на шаг от плана и можно подвергнуть себя смертельной опасности.

Мы сидим в тишине, оба вглядываясь куда-то вперед, каждый задумавшись о своем. Мне любопытно, думает ли она обо мне. Ведь мои мысли точно заняты только ней.

Глава 38

Сэрай

Я никогда не хотела, чтобы Виктор бросил меня. Даже мысли такой не возникало, но сейчас... сейчас все изменилось. Мы стали близки, как бы ни хотел он себе в этом признаваться. Мы в одной упряжке, я не хочу представлять себя без него. Никогда.

— Сэрай, прости за то, что я сделал.

Я знаю, что он имеет в виду, но пока не уверена, что стоит сказать в ответ.

— Надеюсь, ты веришь мне, когда говорю тебе, что я не имел ничего в виду. Все было ради шоу. Надеюсь, что понимаешь это.

Я верю ему. Знаю только, что не смогу никому глядя в глаза рассказать о случившемся. Да еще и так, чтобы не посчитали меня сумасшедшей или подвергнутой стокгольмскому синдрому. Виктор много раз мог воспользоваться шансом. Он мог изнасиловать меня, мог поддаться искушению, когда я показывала свою симпатию. Но ничего не было, он каждый раз отталкивал меня. До тех пор, пока несколько дней назад я не забралась к нему в постель. Тогда Виктор не стал отталкивать меня, но я чувствовала, что он взбешен.

Не глядя в его сторону, я тихо спрашиваю:

— Если бы он не открыл дверь в ту комнату... ты бы трахнул меня?

Я замечаю его взгляд, но не обращаю внимания.

— Нет, — отвечает он также тихим голосом и вздыхает. — Сэрай, я не мог заставить его открыть дверь. Иначе бы он набрал код тревоги и вызвал охрану или...

Наконец я смотрю ему в глаза:

— Но ты бы хотел?

Он затихает. В нем идет борьба.

— Не там, — отвечает он. — И не так.

Я снимаю платье и бросаю его на пол.

— А сейчас? — спрашиваю я.

Он не отвечает, но я успела выучить урок: чтобы достигнуть желаемого, необходимо быть непреклонной.

Я поднимаюсь с кровати и встаю между его ног. Его руки медленно двигаются по моим бедрам, а пальцы он засовывает под резинку моих трусиков. Его губы касаются моего живота, кончиком языка он проводит по коже, это движение тут же отзывается мурашками по всему телу. Я запускаю пальцы в его волосы, когда он стягивает с меня трусы.

Затем я сажусь ему на колени.

Мягко целую и шепчу снова и снова:

— *А теперь, Виктор Фауст? Если это твое имя.* — Я слегка толкаю его подбородком в щеку.

— Только при одном условии, — шепчет он.

— При каком?

Он мягко целует меня.

— Теперь я буду контролировать все.

Я дразню его, целуя в губы и нежно проводя пальцами по челюсти. Некоторое время он смотрит мне в глаза, читая мои мысли. Затем он обеими руками обнимает меня, притягивая ближе к себе. Его поцелуй неистов, сильные пальцы впиваются в кожу спины, и через ткань брюк я ощущаю, как напрягалось его мужское естество, что заставляет меня трепетать. Я открываю рот, и все мое тело дрожит от ощущений, желая почувствовать его в себе больше, чем что-либо в жизни.

Одной рукой держа за волосы, Виктор оттягивает мою голову назад, тем самым открывая шею. Он целует мое горло, поднимаясь вверх к губам, кусает нижнюю губу.

Я чувствую, как его пальцы скользят по телу вниз.

Дышать становится трудно, голова все также опрокинута назад, а я пытаюсь придвинуть свои бедра ближе к его рукам.

— Хочу почувствовать тебя в себе, — прерывисто говорю я.

Просто уже нет сил ждать.

В поцелуе наши языки соприкасаются. Я нащупываю пуговицу на его брюках и расстегиваю молнию.

Он переворачивает меня на кровать, устраиваясь сверху и не переставая целовать, пока одной рукой снимал брюки. Когда я ощущаю тепло обнаженного тела, то обхватываю его ногами, прижимаясь теснее бедрами к нему, чтобы еще ближе почувствовать его член. Губами Виктор исследует мою шею и грудь, пока зубами не наткнется на соски, он кусает их настолько сильно, что вызывает мой вскрик.

— Все это противоречит моей натуре, Сэрай, — говорит он, а затем целует.

— Нет, — шепчу я и целую в ответ. — Это показывает настоящего тебя.

А следом он медленно входит в меня. Теперь я едва могу держать глаза открытыми. Мои ноги трепещут, и тело вздрагивает от медленных толчков. Из моего рта вылетает стон, мои бедра все больше прижимаются к нему, подталкивая его проникнуть еще глубже.

Я даже не могла вообразить, что секс может так ощущаться, что мое тело *когда-либо* может *так* реагировать.

Он приподнимается, все также находясь на коленях между моих ног, и хватается за мои бедра руками, притягивая их к себе. Сначала он двигается медленно, настолько медленно, что приводит меня в бешенство. С каждым толчком Виктор продвигается все дальше, что вызывает еще большую дрожь в моих бедрах, и у меня не получается держать их в том же положении вокруг него. Мой затылок соприкасается с подушкой, я выгибаюсь и стону, а мои пальцы впиваются в плоть его бедер. Он начинает двигаться быстрее, и я хватаюсь за подушку прежде, чем удастся ухватиться за изголовье кровати, прижимаясь все сильнее и сильнее к нему.

Он снова наваливается на меня, и я ощущаю его рот на моей груди. Моим горлом. Моих губах. Его грудь пылает от быстрого дыхания, и я чувствую, как бьется его сердце. Виктор старается контролировать себя, двигаясь медленно, его поцелуи горячи и голодны, его пальцы спускаются вниз, настойчиво и уверенно двигаясь к моему клитору. Свои пальцы я запускаю в его волосы, сильно сжимая их, и выдаю стон, не переставая целовать и изучать его язык.

Мы на одной волне и кончаем одновременно. Виктор вытаскивает свой член, но не перестает двигать пальцами до тех пор, пока мое тело не расслабляется и ноги не раскидываются по сторонам.

Он кладет мокрую голову мне на грудь, и я провожу рукой по его волосам.

Так мы проводим большую часть ночи, в спокойствии и раздумьях.

И все, о чем могу думать, так это то, что никогда не хочу выходить из этого номера.

Я лежу с Виктором, укутанная простынями. Шторы полностью раскрыты и моему взору открывается комната, в которую пробивается иссиня-черный свет, падающий с городских огней. Виктор засыпает вскоре после нашего занятия любовью. Любовь? Я не уверена, что понимаю истинное значение этой фразы. Не думаю, что это любовь или даже похоть. Это нечто другое, нечто сильное и очевидное, что нам обоим сложно игнорировать. Но у произошедшего нет лица. Или имени. Может, он и не занимался любовью со мной, но это не был просто секс. Определенно это было что-то другое.

— Куда я пойду отсюда? — шепчу я, высказывая мысли вслух, двигаясь поближе к нему.

— Мы придумаем, — отвечает Виктор и обнимает меня.

Я и не знала, что он проснулся. Подняв голову с его груди и прильнув к его плечу, я могу видеть его лицо.

— Ты не собираешься уезжать?

Тут довольно большой риск, но есть надежда.

Между нами наступает тишина, и голая грудь Виктора двигается от глубокого и ровного дыхания.

— Сэрай, ты же знаешь, что я не могу взять тебя с собой, — отвечает он и мое сердце ёкает. — Это не практично. Моя жизнь в Ордене. И так будет всегда. Я не проснусь однажды, решив, что устал от работы, и захочу найти новую. Если уйду из ордена - а это именно то, что мне придется сделать - следующей целью буду я. И ты.

Мне хочется плакать, но сдерживаюсь.

Я кладу голову обратно на его грудь, ведь продолжать смотреть на него чересчур уныло. Мой взгляд осматривает просторную комнату, пальцем провожу по его мускулу на груди.

— Единственное, что могу сделать, это позволить тебе жить своей жизнью.

— Но...

Он снова прижимает меня.

— Позволю жить своей жизнью, — продолжает он. — Но время от времени буду навещать тебя. Чтобы убедиться, что с тобой все в порядке, ты в безопасности и у тебя есть все, что необходимо.

Я с этим не согласна, но знаю, это все, что он может предложить. Лучше, чем ничего. Виктор прав, невозможно это отрицать. Я хочу быть с ним всегда, в любом случае, но не могу ожидать, что он пойдет на такой риск.

Я должна его отпустить...

— Если, конечно, ты захочешь, чтобы я приезжал, — добавляет он.

Мне кажется, что момент стал более беззаботным. И это очень странно. Я приподнимаюсь и опираюсь на свой локоть, глядя на него.

Он улыбается. И не только глазами, но и губами. Для меня он очень красив. Чертовски прекрасен.

Я использую момент и игриво провожу пальцами по его груди, тихонько смеясь.

— Конечно, хочу, — отвечаю я.

Он берет меня за запястье и осторожно укладывает меня к себе на грудь. Пальцем проводит сначала по одной стороне лица, затем по другой, вглядываясь в мои глаза, словно пытаюсь заглянуть куда-то значительно глубже. Мне интересно, что он ищет в их глубине. Но что бы там ни было, я надеюсь, он никогда не отыщет этого, и мы сможем остаться такими навсегда.

Он обеими руками обхватывает мое лицо и целует.

— Что ты со мной сделала? — спрашивает Виктор.

— Я собиралась спросить то же самое.

Я прикусываю его губу и ощущаю внизу его набухший пенис.

— Кажется, мы создали небольшую проблему, — говорит он и прижимает меня сильнее.

Я прижимаюсь навстречу его плоти, тяжело дыша, а по телу пробегает дрожь и тепло.

Он целует меня, но затем отодвигается, дразня. Я наклоняюсь, упираясь грудью в его грудь, желая почувствовать вкус его губ, но он лишь дарит короткий поцелуй. Виктор крепко хватается меня за задницу. Он невероятно горяч. Я хочу его. Мой рот приоткрывается и из него вырывается прерывистое дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? — шепчет он. — Это то, что тебе надо?

Я тяжело дышу от его слов и не могу ответить. Мне трудно собраться с мыслями.

— Хочешь, Сэрай? — добавляет он, жар его дыхания ощущается на моих губах.

Я двигаю бедра прямо к нему, чтобы помочь ему войти, не используя руки.

— Да... — выдыхаю я. — Трахни меня так, как бы ты трахнул Изабель.

— Ты уверена?

— Да...

Я не могу дышать.

— Скажи это снова... Изабель.

Мои глаза с трудом открываются. Виктор целует меня.

И прежде чем я нахожу силы ответить, он принимает сидячее положение, держа меня на своих коленях. Языком он проводит по моей ключице. Руками Виктор обхватывает мои груди.

— Скажи, Изабель, — требует он и языком дотягивается до соска. — Скажи, что хочешь, чтобы я трахнул тебя.

— Трахни меня.

Он скручивает мои волосы руками и встает с кровати. Мои ноги обхватывают его бедра.

Виктор несет меня к столу у окна и указывает лечь на живот. Я вытягиваю руки вперед, сбивая на пол телефон и пистолет, и хватаюсь ладонями за край стола. Его пальцы впиваются в мои бедра, притягивая к себе. Он сжимает мою задницу. Сильно. Я резко вдыхаю, когда чувствую его пальцы между ног. Меня охватывает тепло его тела, когда он наклоняется над моей спиной, проводя кончиком языка по шее. Я чувствую, как напряглось его мужское естество, и стараюсь поудобнее расположиться, но он силой прижимает мою голову к столу.

— Пожалуйста, Виктор, — хриплю я, каждая часть моего тела открыта для него.

Я громко дышу и стону, когда он входит в меня, мои зубы хватают его указательный палец, поскольку он мягко прижимает руку к моему лицу. Я никогда не представляла, что

секс может быть таким...

Глава 39

Мы проспали и проснулись от стука горничной в дверь. Полагаю слова Виктора в особняке Гамбурга о том, что он всегда пропускает ранний рейс, если мало поспит накануне, были не совсем неправдой. Или это просто моя вина. Мне кажется, я вывела его из привычной колеи.

Виктор встал с кровати, я ничего не смогла с собой поделать, мои глаза стали жадно любоваться его наготой, пока он не оделся. Он открывает дверь и говорит горничной, что мы выйдем попозже, примерно через час. Я никуда не хочу идти. После прошлой ночи, я хочу только...

— Ты готова идти? — спрашивает он, возвращаясь ко мне. — У меня есть знакомая в Сан-Диего, и ты остановишься у неё. Там будет безопасно, пока я со всем не разберусь и не найду более подходящее место, которое будет только твоим. А сейчас мне необходимо позвонить Николасу. Он должен знать о произошедшем прошлой ночью. И я вполне уверен, что скоро поеду в Германию, чтобы встретиться с моим нанимателем.

А мне хочется только говорить о прошлой ночи или повторить её сейчас.

— Звучит не очень хорошо, — говорю я, выбираясь из кровати. У меня появилось плохое ощущение, когда он сказал о встрече с нанимателем.

Он надевает обувь и бросает багажную сумку к кровати.

— Как правило, все нормально, — говорит он, роясь в сумке. — Последние две миссии подняли много вопросов обо мне и о моих способностях обо всем позаботиться согласно приказу. Я должен лично все объяснить.

— Что ты собираешься сказать обо мне? Думаешь, он знает, что я до сих пор жива?

Виктор достает пригоршню пуль и начинает заправлять их в свой 9-мм пистолет.

— Я придумаю что-нибудь по дороге.

Эта фраза также вызывает у меня плохое предчувствие.

— Ок, так что за леди в Сан-Диего? — я смотрю на него настороженно. — Она не из тех, кого ты...

— Нет, — отвечает он, пряча оружие за спину. — Она никак не связана с Ордером и ничего не знает о моем роде деятельности. Это просто друг. Встретил её вместе с мужем на одной из миссий пять лет назад. Долгая история, но ничего такого.

— Что на счет её мужа?

Он бросает на меня взгляд.

— Его там больше нет, — отвечает он.

— Почему? Он умер? Они не молоды?

Я ничего не могу поделать со своим любопытством и продолжаю задавать все эти вопросы; хочу узнать как можно больше о том месте, куда он собирается меня отвезти.

Виктор отвечает, сделав паузу:

— Да, он мертв и был моей целью.

— Оу...

Я уже не так уверена, что нужно ехать туда.

— С тобой будет все хорошо, — уверяет меня Виктор, замечая тень замешательства на моем лице. — Она не знает, что это был я.

Виктор подходит ближе, положив руку мне на плечи.

— Я спущусь вниз, выпишу нас из номера и позвоню Николасу, — Он наклоняется,

целует меня в лоб. — Не торопись. Я скоро вернусь и мы уедем.

Я киваю, смотря ему в глаза:

— Окей.

Виктор уходит. На этот раз я беру с собой больше повседневной одежды.

Виктор

Николас злится на меня. Я слышу это в голосе, хотя он и пытается не быть столь очевидным, что уже само по себе не в его стиле.

— Ты сказал, что свяжешься со мной сразу же по окончании дела, — говорит Николас в трубку. — Если все произошло вчера вечером, как и планировалось, почему ты звонишь только сейчас, спустя, практически, полдня?

Я выдыхаю через нос.

— Просто прими все как есть, — отвечаю я, с нарастающим раздражением по отношению к нему, впрочем, он не меньше разъярен моим поведением. — Тебе следует прекратить волноваться обо мне.

— Я твой связной, — отрезает он.

— Да, но часть тебя, которая стала чересчур усердно сетовать по поводу моего метода ведения дел, это мой брат. Возможно, следует лучше подружиться с той половинкой, что представляет из себя связного, и тогда мы сможем вновь вернуться к простым, строго профессиональным отношениям.

— Я понимаю, — говорит он. — Теперь, когда у тебя есть девушка, брат не нужен. Полагаю, она до сих пор жива.

Я должен был это предвидеть, но не сумел.

— Тебя никто не сможет заменить, по крайней мере, женщина, — уверяю я.

Может Сэрай и не заменит мне брата, но, безусловно, она стала для меня чем-то большим, что мне трудно объяснить даже самому себе, а уж тем более Николасу.

— У меня новый приказ, — сообщает Николас, оставляя горькую тему. — Знаю, что указания отдали в последний момент, но, полагаю, лучше сделать все быстро и до того, как ты встретишься в Германии с Воннегутом. Не давай ему больше причин для сомнений в твоих способностях.

— Это миссия?

— Типа того, — отвечает он. — Клиент в Лос-Анджелесе и пожелал встретиться с тобой лично.

— Это против правил, — возражаю я. — Сначала Хавьер Руиз, теперь еще кто-то хочет встретиться лицом к лицу.

Я предпочитаю работать через Воннегута и никогда не встречаться лично, но иногда необходимо пойти на риск.

— Дама очень щепетильна, — объясняет Николас.

— Каков приказ?

— Встретиться с ней на улице Сауз Спринг, 639. Она будет одета в белую блузку с серебряной брошью в виде бабочки на левой груди. Она будет там в час тридцать.

— Это меньше, чем через час, — возмущаюсь я, глядя на часы, висящие на стене в лобби.

Я начинаю шептать, когда гость отеля проходит мимо.

— У тебя предостаточно времени для того, чтобы добраться туда напрямик из отеля, — отвечает Николас. — И, пожалуйста, на этот раз будь так любезен связаться со мной сразу же после встречи.

Я тихо вздыхаю.

— Обязательно, — соглашаюсь я и кладу трубку.

Заплатив еще за один день, ведь, по-видимому, нам предстоит остаться в отеле больше, чем на час, я иду к лифту, чтобы подняться к Сэрай и сказать, что наши планы немного меняются. После оставляю её в номере, и пойду на встречу.

Я подъезжаю прямо на место немного раньше назначенного времени и паркуюсь также немного в стороне от места встречи.

Остаюсь в машине и жду.

И думать в этот момент могу только о Сэрай.

Сэрай

Я раньше не бывала в Сан-Диего. Технически, это мой первый визит в Калифорнию. Интересно, какой окажется та женщина, что знает Виктора, и как они стали друзьями. Естественно, у меня много вопросов, но я не позволю Виктору уйти от ответа, пока мы до неё добираться.

Я провожу рукой по зеркалу в ванной, оставляя путь на запотевшем стекле, и улыбаюсь своему отражению. Впервые с тех пор, как я встретила Виктора, во мне просыпается чувство удовлетворенности, облегчая волнение по поводу перспектив моего будущего. Потому что до этого все, что мне виделось, - это темнота, пустота, которой не было начало и конца, и все было таким неопределенным. Но сейчас для меня появился свет в конце туннеля. У меня есть цель. И я не собираюсь тратить ни секунды зря.

Я выжимаю воду из волос полотенцем и небрежно закальываю их на затылке. Обсохнув и одевшись, я выхожу в комнату и включаю телевизор, когда вдруг слышу стук в дверь. Посмотрев на часы, позади кровати, вижу, что часа еще не прошло.

Бросив пульт обратно на кровать, я подхожу к двери, чтобы ответить, но, только взявшись за ручку, голос с той стороны двери заставляет меня застыть на месте.

— Это Николас. Виктор прислал меня, чтобы тебя забрать.

Мои пальцы медленно отпускают ручку, и я делаю шаг назад. Он снова легонько стучит.

— Ты там? Сэрай? Ну же, давай,пусти меня. Знаю, что презираешь меня, и если говорить совершенно откровенно, я бы лучше попивал пиво где-нибудь в стареньком небольшом баре, но Виктору нужна была моя помощь.

Я пристально смотрю на телефон на кровати. Может, Виктор звонил, пока я была в душе. Мне приходится сделать еще шаг назад, ведь мои инстинкты говорят бежать, словно десяток невидимых рук тянут меня подальше от этого места. Николас делает еще несколько попыток постучать в дверь, а затем все затихает. Я стою в центре комнаты, не решаясь двинуться, не издавая ни шороха. Единственный звук исходит в виде слабого жужжания от лампочки. Быстро преодолев расстояние между тем местом, где я стою, и входом в комнату, я пытаюсь разглядеть в глазок, что же происходит по ту сторону двери. И наблюдаю только пустой коридор. Он ушел. Но если Николас действительно ушел, то почему тогда меня переполняет страх того, что он все еще там, поджидает под дверью момента, когда я высуну голову и проверю, так ли это? Я меняю ракурс, чтобы лучше осмотреть коридор. Затем мне

слышится голос и видится тень, движущаяся параллельно стене. Мое сердцебиение учащается, и дыхание замирает, пока мимо не проходят двое мужчин. Я тяжело и длительно выдыхаю.

Но облегчение быстро проходит, когда на горизонте снова появляется Николас.

Я отпрыгиваю назад и быстро отхожу от двери, направившись за чемоданом Виктора, чтобы найти в нем оружие Артура Гамбурга. Виктор оставил его мне на всякий случай. Но у меня такое ощущение, что этот случай касался Гамбурга, а не его брата. Здесь негде спрятаться. Абсолютно нет места, где бы Николас не смог меня найти меньше, чем за минуту.

Я быстро и прерывисто дышу, когда до моих ушей доносится негромкий звук от ключа, открывающего дверь. Он, должно быть, взял ключ у горничной. Я поздно замечаю, что цепочка на двери не закрыта. Я бегу к двери, чтобы поправить её, но в глубине души понимаю, что не успею вовремя, и Николас уже войдет. И как только дверь открывается, мне приходится спрятаться как раз за ней, держа пистолет в обеих руках перед собой, а сердце так быстро перекачивает кровь по венам, что уголки моих глаз начинают дергаться, а вена на шее пульсировать в бешеном темпе.

Дверь закрывается и запирается автоматически, и вот мы с Николасом стоим лицом к лицу с пистолетами в руках, направленными друг на друга.

— Вот ты где, — говорит он, всем своим видом показывая свою ненависть ко мне.

Я продолжаю держать палец на курке и, хотя вся трясусь, но все же пытаюсь уверенно держать пистолет, направленный прямо в его голову.

— Я убью тебя, — предупреждаю я.

— Да, знаю, — отвечает он, излучая гораздо больше уверенности, чем я. — В конце концов, ты единственная, кто удосужился пристрелить Хавьера Руиза, — он резко вздыхает и качает головой. — Сэрай, хочу, чтобы ты знала, я не специализируюсь на таком, на убийстве невинных женщин. Я никогда не хотел убивать тебя и что важнее, сделать больно, но то, что ты сделала с моим братом... с этим не могу смириться.

Продолжая держать твердо палец на курке, я начинаю отходить от двери. Он двигается вместе со мной.

— Почему тебя так беспокоит, что Виктор делает со своей личной жизнью?

Он наклоняет голову на бок.

— У Виктора нет личной жизни. Ни у кого из нас нет. Это как огонь и вода. Уверен, тебе это уже известно.

— Он увозит меня куда-то сегодня, — быстро говорю я, теряя всю уверенность, которой и с самого начала было немного. — Он избавляется от меня, уже даже успел сказать мне, что я не могу с ним остаться. Почему ты так все это не оставишь? Виктор делает то, что ты хочешь.

— Это не то, чего я хочу, Сэрай, — мы уходим подальше от двери и теперь находимся в центре комнаты. — Я всего лишь пытаюсь защитить его. Черт возьми, он мой брат! — Его внезапная вспышка гнева заставляет меня вздрогнуть. Я замечаю, как дергается его палец на курке.

— Николас, пожалуйста, просто дай мне уйти. Ты прав, я это знаю. Недавно до меня дошло, что я усложняю Виктору жизнь.

— Из-за тебя его убьют, — выкрикивает он. — Даже если он сегодня оставит тебя, даже если больше никогда не увидит, черт, даже если убьет тебя - всего, что уже случилось,

достаточно для того, чтобы Ордер убил его! Разве ты этого не видишь? — Его лицо краснеет от гнева и искажается от боли. — Они убьют его! Если Виктор поедет в Германию, он - труп, Сэрай. Он говорил тебе это? Уверен, что нет.

Я не хочу в это верить. Качаю головой и сильнее сжимаю пистолет.

— Ты этого не знаешь, — возражаю я, но глубокого в душе, верю ему. — Если так, зачем ему вообще ехать?

Рот Николаса расплывается в насмешке. Он стучит зубами, прежде чем сжать губы.

— Потому что Виктор упрям, — отвечает Николас. — И становится немного чересчур доверчивым, когда дело касается Воннегута. Для него Виктор был всегда №1, всегда был лучшим. Он лучше всех, кто был до него, и остается лучшим среди лучших до сих пор. Но такой статус не дает ему иммунитета перед Кодексом. Виктор слишком много лажал с тех пор, как был вовлечен во всю эту историю с твоим участием, так что этому уже не может быть никаких оправданий.

— Тогда позволь мне поговорить с ним.

— Ты сделала достаточно, — выкрикивает Николас.

Глава 40

Виктор

Клиент опаздывает. Опоздание составляет пять минут, но даже одна минута для человека, которого Николас описал как «щепетильный», это выглядит странным. Еще две минуты и я уйду.

Я наблюдаю за людьми, проходящими мимо; изучаю их, начиная с одежды, заканчивая их манерой разговора с собеседниками. Неужели они и правда туристы и жители города? Или они приманка? Шпионы? Никогда нельзя быть слишком осторожным. Все может оказаться подставой, как на любой миссии, но данная ситуация вызывает чувство неуверенности... Стоп... Я вспоминаю свой разговор с Николасом: «Встреча с ней произойдет на улице Сауз Спринг, 639. Она будет одета в белую блузку с серебряной брошью в виде бабочки на левой груди. Будь там в час тридцать». «Это меньше, чем через час», — замечаю я. «У тебя полно времени, чтобы добраться туда из отеля».

У меня полно времени, чтобы добраться из отеля... Я сжимаю обеими руками руль, мои мысли за секунду меняются. Откуда Николас мог об этом знать? У него не было информации, где именно в Лос-Анджелесе мы с Сэрай остановились. Он не мог знать, что у меня получится за такое время приехать по указанному адресу. Разве что он точно знал, где мы.

Сэрай

— Николас, если ты убьешь меня, то превратишь своего брата во врага, — мое горло пересохло, словно наждачная бумага, мои легкие сжимаются. — Если то, что ты говоришь, правда и судьба Виктора решена, тогда зачем убивать меня? — Я пытаюсь не показывать в своем голосе отчаяние и страх. — Это ничего не решит.

Он не хочет меня убивать. Не знаю почему, может из-за слов, что иначе Виктор станет его врагом, или Николас просто в замешательстве, но так или иначе, это единственное, что в данный момент оставляет меня в живых.

— Смотри, что ты наделала! — он показывает мне пистолет, его хватка настолько

сильна, что костяшки пальцев побелели.

Он двигается вперед. Я двигаюсь назад.

— Николас... пожалуйста, — умоляю его я. Не хочется в него стрелять. Знаю, что он, скорее всего, выстрелил бы в меня, но я не хочу застрелить его.

Гнев вспыхивает в его глазах мгновенно, и он демонстративно поднимает подбородок, клацает зубами, суживает глаза.

Он точно хочет убить меня.

Дверь распахивается, и я слышу выстрел, прозвучавший ровно тогда, когда в номер врывается Виктор. По комнате проносится звук еще одного выстрела, а Николас бежит к Виктору, чтобы не дать случиться непоправимому. Пуля проносится в шаге от меня и впечатывается в стену. Оружие выскальзывает из моих рук, и я опускаюсь на колени. Я не сразу осознаю, что ранена и как только понимание произошедшего приходит, жгучая боль пронизывает мой желудок. Теплая кровь разливается по ткани моего платья. Я ложусь на бок, крепко зажимая рану.

Стол передо мной начинает качаться, когда Николас и Виктор облакачиваются на него. Моя небольшая шкатулка с драгоценностями выпадает и ударяется об пол. Застежка ломается и украшения рассыпаются. Виктор, находясь сверху, сыплет удары по Николасу ровно до того момента, когда стол не выдерживает их веса и запрокидывается на бок, отправляя обоих мужчин на пол. Напольный светильник за стулом падает вслед за столом, выдергивая шнур из розетки на стене, а лампочка разлетается на куски.

Теперь Николас сверху, постоянно нанося удары по лицу Виктора, но последний дотягивается до горла и хватает его, швыряя брата обратно на пол. Виктор встает и ударяет Николаса по лицу, прежде чем направиться за пистолетом.

Через секунду он стоит над сдавшимся телом брата с дулом, направленным в лицо.

— Виктор, не убивай его, — удаётся закричать мне сквозь боль.

На мгновение он теряется в своей ярости, а затем смотрит на меня.

— Он пытался убить тебя, — говорит Виктор в замешательстве, словно не может поверить в мои слова. — Он подстрелил тебя.

Я сильнее прижимаю правую руку к ране, и кровь просачивается между пальцами. В теле начинает ощущаться слабость.

— Виктор, это твой брат. Он здесь, потому что просто пытается тебя защитить.

Виктор бросает взгляд то на меня, то на Николаса. Мы оба беспощадно лжем, находясь в противоположных частях комнаты. Его лицо искажено от противоречий, боли и тем, что мне трудно понять в силу отсутствия брата или сестры. Я не знаю такого рода любовь. Может быть, даже Виктор не знал, до этого момента.

Я пытаюсь приподнять голову, но слаба настолько, что просто остаюсь лежать на грязном ковре.

— Николас - это все, что у тебя есть, все что осталось, — продолжаю я. — Я бы все отдала за то, чтобы кто-то также заботился обо мне. Всё.

В комнате стало очень тихо. Я вижу глаза Виктора, затуманенные... я не уверена. Он вообще на меня смотрит? Мне как будто слышится голос Николаса, но звук выходит приглушенным и далеким от моих ушей. Теперь перед моим взором потолок. Только потолок. Тысячи крохотных трещин замечаю я на нем, и он словно давит на меня. Становится жарко. Что это за тепло, которое ощущается как одеяло, которым меня накрыли?

— Сэрай? — слышу я голос, но кому он принадлежит, не скажу.

Все что могу видеть - это темноту. Я пытаюсь приподнять веки, но они слишком тяжелые.

Снова слышится голос и боль проносится по телу, когда меня поднимают на руках. Я пытаюсь кричать, но вряд ли кто-то может услышать меня...

Но я пытаюсь кричать...

Глава 41

Я чувствую себя так, словно проспала несколько дней. Серия одинаковых образов и голосов вокруг меня всегда звучат успокаивающе. И все эти образы нереальны, потому что все, кого я вижу, уже умерли. Хавьер, Изель. Лидия. Саманта. Моя мать. Они проходят мимо меня молчаливо и задумчиво, будто меня даже нет здесь. Я могу дотронуться до волос моей мамы, когда она проходит рядом. Должно быть, это сон.

Но сон медленно исчезает, и я начинаю отчетливо слышать странные незнакомые голоса. Я словно застряла в своем собственном разуме, а он забыл, что контролирует тело. Ведь я не могу пошевелиться. Ни глазами, ни губами, ни руками. Я даже не могу сказать дышу ли самостоятельно. Но больше всего думаю о голосах, насколько отчетливее они становятся. Я пытаюсь сконцентрироваться на произносимых словах, но дальше звука зайти не получается.

По крайней мере, пока в отдалении не слышу голос Виктора.

— Я сегодня ненадолго, — сообщает он кому-то.

Я пытаюсь очнуться, но усилия оказывают обратный эффект, потому что тут же проваливаюсь в темноту и все голоса исчезают.

Проходит еще немного времени. Снов. Голосов. А затем, словно в моем мозге щелкнул переключатель, веки раскрылись и я вижу, что лежу на больничной койке. Виктор сидит рядом со мной на кресле.

— Ты очнулась, — говорит он и улыбается.

— Как долго я так пролежала? — я пытаюсь собрать картинку воедино.

— Три дня, — отвечает он.— С тобой все будет хорошо. Они держали тебя в отключке большую часть времени.

Я пытаюсь приподняться, но боль в животе слишком сильна. Мои руки дрожат, пытаюсь удержаться в таком положении, но Виктор берет их и делает так, чтобы я снова легла.

— Тебе еще нельзя двигаться, — говорит он и встает. Виктор берет еще подушку с кресла и подкладывает под мою голову. Затем он нажимает кнопку сбоку кровати, чтобы позволить мне сидеть прямо. Капельница в руке прилипла к коже и там жутко чешется.

— Пуля не задела ни один орган, — сообщает Виктор, садясь обратно в кресло.— Тебе повезло.

В моей голове всплывает лицо Николаса.

— Или твой брат просто плохой стрелок.

Я смотрю на руки, спокойно лежащие на кровати. Мне хочется знать, что случилось с Николасом и вроде бы не стоит ожидать его смерти, но у меня не получается.

— Он?..

— Нет, — отвечает Виктор.— Одна часть меня хотела его убить, но другая не могла. Мне интересно, какая бы часть победила, если бы ты не осталась в живых.

Я вытягиваю руки, ища его. Он переплетает свои пальцы с моими.

— Я рада, что ты этого не сделал, — говорю, выдавливая на лице что-то вроде улыбки.

— Я бы не смогла смириться с тем, что стала причиной убийства твоего брата. Мне никогда не стоило вставать между вами. Я не знала, что делала. Виктор, мне очень жаль.

Он сжимает мою руку.

— Ты сделала то, что никто другой бы не смог, — говорит он, и я с нетерпением жду, что же это могло быть. — Ты заставила меня вспомнить, что у меня есть брат, Сэрай. Мы вели себя словно двое незнакомцев последние двадцать четыре года. И я знаю, несмотря на все его ошибки, он ни разу меня не предал.

Он замолкает и отводит взгляд. Затем снова смотрит на меня.

— Конечно, он предал меня, когда пришел убивать тебя, — продолжает Виктор. — Он предал меня, когда обманул так, чтобы добраться до тебя. Да, это предательство. Но это другого рода предательство.

— Знаю, — соглашаюсь я. — Посмотри на меня.

Он выполняет.

— Ты поступил правильно. Независимо от того, что Николас причинил мне, ты все сделал правильно, и я никогда не хотела, чтобы ты чувствовал себя иначе.

Он молчит, но мне знаком этот взгляд. В нем идет борьба. Интересно, Виктор когда-нибудь избавится от него.

Затем Виктор говорит:

— Но сделала то, что никто не смог бы, — его черты смягчаются и мое сердце тает. — Ты заставила меня чувствовать. Ты заставила меня открыться.

Я тянусь и дотрагиваюсь пальцами до губ, мои руки поглаживают его подбородок. Тема разговора быстро меняется.

— Николас больше никогда не обидит тебя, — говорит Виктор. — Он дал мне слово. Кроме того, он знает, если попытается снова, я убью его, не задумываясь. — А затем добавляет: — Ты также дорога мне, как и он.

Я в шоке, но не показываю этого.

Виктор встает и подходит к окну, скрестив руки на груди и смотря на ярко-освещенный солнцем день. Я вижу, что ему многое хочется высказать, поделиться со мной. Но также многое поменялось с тех пор, как Николас стрелял в меня. Это чувствуется. И я больше не хочу бороться, понимая, что так должно и быть, все должно закончиться так, как должно.

— Я не ожидала снова тебя увидеть, Виктор и все понимаю, — я тяжело сглатываю. И мне не хочется произносить эти слова. — Знаю, так будет лучше.

— Да, к сожалению так и есть, — соглашается он, стоя ко мне спиной. — Я не могу защитить тебя, живя подобной жизнью. Хотел бы, но это конец. Мне лучше знать, но я...

Я тихонько выжидаю.

— ...но я ошибался, — продолжает он, хотя мне кажется, Виктор собирался сказать что-то другое. — Мне жаль, но другого выхода нет.

Мое сердце разбито.

— Пообещай мне только одно, — прошу я, и он поворачивает ко мне только голову. — Не уезжай в Германию. Не иди к тому мужчине, нанимателю или кто он там. Николас рассказал, что произойдет, если ты там появишься. Пожалуйста, не делай этого.

Я слышу его тихий вздох, и он снова отворачивается к окну.

— Я не могу обещать этого, — отвечает Виктор, мое сердце рассыпается на кусочки. — Но обещаю, что не дам просто так себя убить.

Это не заставляет чувствовать себя лучше, но понимаю, что только это он и может мне

предложить.

Виктор отходит от окна и достает пакет из кейса, лежащего рядом на столе. Затем подходит ко мне и кладет его мне на руки. В пакете находится удлиненная черная коробка, изодранный бумажный пакет и перевязанная лента поверх коробки. Я достаю коробку и открываю крышку. По длине коробки аккуратно сложена банкнота и еще несколько каких-то бумажек.

— Что это?

— Твое настоящее свидетельство о рождении, карточка социального страхования, список инъекций, которые ты должна вскоре сделать, — он указывает на запечатанный конверт, и я открываю его, чтобы посмотреть на содержимое.

Сначала я рассматриваю свидетельство о рождении. Сэрай Наоми Коэн. Родилась 18 июля 1990 года в Тусоне, штат Аризона. Я прокручиваю в голове свое полное имя три раза, чтобы почувствовать его реальность, как будто это привычное имя для меня. Не получается.

— Как ты это достал? — я смотрю на Виктора.

— У меня свои источники, — объясняет он с улыбкой. — Я также открыл тебе счет в банке. Другие детали в остальных документах в коробке.

— Спасибо, Виктор, — благодарю я, кладя свидетельство на колени. — За всё.

Я говорю совершенно серьезно. Смерть бы уже давно меня настигла, если бы рядом не было Виктора. Но, говоря ему до свидания, моё сердце разбивается на еще несколько мелких кусочков.

— Когда ты уезжаешь? — спрашиваю я.

Но ответ знать совсем не хочется.

Документы я снова прячу в конверт и кладу его в коробку.

— Через несколько минут, — отвечает он и смахивает мою слезу. Я стараюсь быть сильной ради него, ведь ему тоже нелегко. — Но прежде чем я уеду, есть еще одно дело.

Виктор подходит к двери и открывает её. Входит миссис Грегори. Все моё тело замирает, и только слеза катится по щеке. Руками прикрывая рот, я в недоумении верчу головой. Оба улыбаются, хотя Виктор поменьше, но тем не менее.

Миссис Грегори выглядит старше, чем я её запомнила. Она подходит к кровати и обнимает меня. От нее веет парфюмом Sand&Sable, которым она всегда пользуется.

— Оу, Сэрай, я так скучала, — она аккуратно обнимается меня, так чтобы не сделать мне больно. От нахлынувших эмоций ей трудно говорить, но она безумно рада.

— Я тоже, — говорю я, обнимая её в ответ. — Не думала, что снова вас увижу.

Она отстраняется, и садиться на кровать позади меня, запуская свои длинные пальцы в мои волосы.

Но затем моя улыбка исчезает и сердце окончательно умирает, когда мой взгляд ловит пустое место, там, где немногим ранее стоял Виктор. На длительное время все то, что говорит мне миссис Грегори звучит приглушенно, отходит на задворки сознания. Мне хочется выпрыгнуть из кровати и бежать за ним. Я тяжело сглатываю, задвигая все эмоции как можно дальше и пытаюсь взять себя в руки ради миссис Грегори.

Я поворачиваюсь к ней и наслаждаюсь нашим воссоединением.

Глава 42

Прошло шесть месяцев.

Сейчас все изменилось. Банковский счет, который открыл для меня Виктор, содержал два миллиона долларов. Мы сели в самолёт с миссис Грегори спустя четыре дня, после того

как Виктор уехал, и только тогда я нашла в себе силы посмотреть другие документы из коробки. Один документ был с банковской информацией о моем счете, а сзади было подписано рукой Виктора: *"Твое резюме для работы. С уважением, Виктор"*.

Он отдал мне часть денег, которые Гузман заплатил ему за убийство Хавьера. Полагаю, это справедливо, ведь технически я убила его.

Но жизнь определенно изменилась. Я возвращаюсь жить в Лейк-Хавасу-Сити, Аризона с миссис Грегори. У меня достаточно денег, так что нет необходимости работать, но чтобы занять свою голову и привести жизнь в порядок, по ночам я работаю в круглосуточном магазине. Миссис Грегори не поощряет мою деятельность. Это её пугает. Она говорит, опасно работать в таком месте, которое открыто всю ночь.

Она оказалась права.

Меня ограбили на вторую неделю, а все, что я могла делать, так это просто смотреть в глаза мужчине, стоявший по ту сторону прилавка с пистолетом, направленным на меня. Когда он опустил взгляд на деньги, я оттолкнула пистолет в сторону, выбила деньги из рук и ударила его по лицу. Это было глупо, действительно глупо. Но действовала инстинктивно. Я не особо напугана наркоманами, грабящими молоденьких девочек в круглосуточном магазине.

Это так по-детски.

И определенно я даже не какая-то там преступница, созданная под влиянием нестандартного опыта. Просто спросите паука, который полз по мне однажды ночью, пока я читала в кровати книгу. У миссис Грегори чуть не случился инфаркт, так громко раздался мой крик. Два месяца назад я пошла в школу и сдала два теста, чтобы получить аттестат. Для меня это не было чем-то тяжёлым, ведь я дружу с математикой. Теперь я поступила в колледж и изучаю компьютерную технологию, хотя и не понимаю зачем. Мне действительно не интересна эта тема в реальном мире, но... ладно, в настоящей жизни. Сегодня это моё оправдание для всего, для общения с моими новыми друзьями, притворяясь, что мне интересны их жизненные цели. Ощущаю себя плохим человеком, ведь приходится притворяться, но я не могу заставить себя полюбить что-то только потому, что должна.

Но не все так невыносимо. Я люблю миссис Грегори и провожу большую часть времени с ней. У неё артрит, пальцы её не слушаются и она не может больше играть так, как раньше, но продолжает учить меня и я до сих пор часами играю, до тех пор пока мои пальцы не начинают отваливаться и спина не сгибается. Наконец-то мне поддалась "Лунная Соната".

И каждый раз, когда я играю эту композицию, то вспоминаю Виктора и вечер, когда он сидел рядом со мной за пианино.

Здоровье миссис Грегори становится все хуже. Я забочусь о ней, но понимаю, что она со мной не навсегда, и однажды мне снова придётся остаться одной. Мне нравится думать, что Виктор где-то там присматривает за мной, иногда я обманываю себя, что он действительно так делает. Но реальность такова, что даже не знаю, жив ли он. Я стараюсь не думать об этом, но получается наоборот, за исключением тех моментов, когда утопаю в пианино.

Я скучаю по нему. Очень скучаю. Некоторые верят, что разлука на время помогает излечиться от зависимости. Люди начинают искать другие интересы, других друзей. Они продолжают жить. Но не в моем случае. Я чувствую ещё большую пустоту, нежели когда жила в особняке. Сейчас это ещё более болезненно, более невыносимо. Я скучаю по всему, что связано с Виктором. И солгу, если скажу, что не думаю ежедневно о нем в сексуальном

плане. Ведь думаю. Мне кажется, я одержима им.

Казалось, будет сложно подстроиться ко всему, но в конечном итоге шесть месяцев не такой уж и большой срок. Не сравнишь с девятью годами, что я находилась в особняке. И так я надеюсь, что пройдут ещё полгода и все станет лучше. Я буду "нормальной". Мои друзья, хотя и не могу рассказать им о моей жизни - и полагаю поэтому трудно сблизиться с ними - просто замечательные. Далия на год старше меня. Обыкновенно красива. Обыкновенно умна. Обыкновенная машина. Обыкновенная работа. Мы похожи в обыкновенности, но во всем остальном мы абсолютно разные. Далия не подпрыгивает при каждом звуке, напоминающий выстрел. А я - да. Далия хочет выйти замуж и завести семью. А я не хочу. Далия никогда никого не убивала. А я бы сделала это снова.

Я благодарна, несмотря на то, что мечтаю оказаться в другом месте. Мечтаю быть кем-то другим. Я благодарна, потому что убежала от всего. Благодарна, потому что дома. Хотя "благодарна" это далеко от "удовлетворена" и, несмотря на то, что у меня наконец есть нормальная жизнь, к которой многие стремятся, я далека от того, чтобы быть удовлетворённой.

Виктор сделал куда больше, чем просто помог мне сбежать от жестокой и раболепной жизни. Он изменил меня. Поменял направление моих устремлений, желаний жить обычной и свободно жизнью и только по своему усмотрению. Изменил цветовую палитру от первоначальной до разноцветной - как будто темнота может быть цветом радуги - и не проходит и дня, чтобы я не думала о Викторе или жизни, которую мы бы могли иметь с ним. Определенно она была бы опасной и в конечном итоге короткой, но это то, чего я хочу. Потому что такая жизнь мне больше подходит и, конечно же, это была бы жизнь с Виктором.

Я просто не готова отпустить его...

— Вот ты где, — произнесла миссис Грегори, стоя в дверях моей комнаты. — Ты собираешься выйти и поесть?

Я возвращаюсь в реальность.

— Да. Буду через секунду, только помою руки.

— Отлично, — констатирует она; на её лице расплывается улыбка.

Я как будто действительно её дочь. И полагаю, с уверенностью можно сказать, что она мама, которой у меня никогда не было.

Миссис Грегори или Дина всегда готовит острые хот-доги по вечерам пятницы. Мы садимся вместе за кухонный стол и смотрим телевизор, висящий на стене. Показывают новости. Они всегда в это время.

— Итак, вы с Далией решили, где будете отдыхать этим летом?

Я запиваю еду большим глотком содовой. Я хотела было ответить, как мой взгляд приковывают новости. Репортёр стоит перед очень знакомым особняком и разговаривает с очень знакомым мужчиной.

Я рассеянно вожу вилкой по тарелке.

— Уверена, что могла бы присоединиться к вам двоим, — продолжает Дина. — Но я уже слишком стара для таких вещей.

А я слишком поглощена телевизором, чтобы обратить на неё внимание:

— Да, мэм, — говорит в микрофон Артур Гамбург. — Каждый год я принимаю участие в благотворительности. Этим летом планирую провести мероприятие, чтобы заработать один миллион долларов для моего благотворительного проекта. Проект по профилактике, в

память о моей жене.

Репортёр кивает и выглядит немного сочувствующим, возвращая микрофон к себе.

— Это профилактика наркозависимости или суицида?

— Профилактика наркозависимости, — отвечает Артур Гамбург. — Для меня моя Мэри не совершила самоубийства. Зависимость от наркотиков - вот, что убило её. Я хочу внести лепту в помощь другим, кто имеет такую зависимость, а также предупредить злоупотребление наркотиками. Ужасная болезнь этой страны.

А также ложь, насилие и убийство, ублюдок.

— Да, это так, мистер Гамбург, — соглашается с ним репортёр. — И к слову о болезни, я знаю также, что вы давали деньги на исследование рака, потому что...

— Да, — прерывает её Гамбург. — Я до сих пор чувствую себя ужасно по поводу того вранья о болезни моей жене и вряд ли когда-либо мои извинения будут достаточными. Но, как и говорил ранее, я просто её защищал. Люди могут принять рак, но они не приемлют наркотики и я делал все, чтобы защитить мою жену. И да, было правильным помогать исследованиям в области рака.

Ты кусок дерьма.

Я стискиваю зубы.

— Сэрай? — говорит Дина с другого конца стола. — Ты решила выбрать Флориду или Нью-Йорк?

Остальные слова Артура Гамбурга исчезают в глубине моего сознания. Я долго обдумываю вопрос Дины, смотря сквозь неё.

Наконец я фокусирую взгляд на ней и поднимаю вилку:

— Нет, вообще то думаю, мы поедem в Лос-Анджелес этим летом. — Я отрезаю кусок от хот-дога, поливаю его соусом чили и откусываю кусочек.

— Лос-Анджелес? — пылливо спрашивает Дина и сама откусывает кусок от хот-дога. — Будете покорять Голливуд, да?

— Да, — отстраненно отвечаю я. — Будет круто.

У меня там есть незаконченное дело.

Я улыбаюсь самой себе от мыслей об этом и скрываю свои эмоции новым глотком содовой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Ёвнух — кастрированный мужчина.

[

←2

]

Да (исп.).

[

←3

]

Департамент автомобильного транспорта.